

УИЛЬЯМ

ГОЛДИНГ

ВОРИШКА МАРТИН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Annotation

Лейтенант потерпевшего крушение торпедоносца по имени Кристофер Мартин прилагает титанические усилия, чтобы взобраться на неприступный утес и затем выжить на голом клочке суши. В его сознании всплывают сцены из разных периодов жизни, жалкой, подленькой, – жизни, которой больше подошло бы слово «выживание».

Голдинг говорил, что его роман – притча о человеке, который лишился сначала всего, к чему так стремился, а потом «актом свободной воли принял вызов своего Бога» и вступил с ним в соперничество. «Таков обычный человек: мучимый и мучающий других, ведущий в одиночку мужественную битву против Бога».

- [Уильям Голдинг](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

Уильям Голдинг

Воришка Мартин

© William Golding, 1956

© Перевод. А. Круглов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Он отбивался руками и ногами, сжавшись внутри извивающегося тела. Не было ни верха, ни низа, ни воздуха, ни света. Рот раскрылся в беззвучном крике:

– Помо...

Из глотки вырвался воздух, на его место хлынула вода, обжигающая, режущая, как обломки гранита. Тело устремилось вслед за воздухом, встретив лишь удушливую бурлящую тьму. Мозг затопила паника, в разинутый до боли рот безжалостно вторгалась соленая стихия, с силой прорываясь внутрь. Вместе с водой проникло и немного воздуха – новый рывок... но волна подхватила тело и завертела, не дав угадать направление. В ушах стоял рев турбин, перед глазами, как трассирующие пули, мелькали зеленые искры, в голове стучали тяжелые поршни, заставляя весь мир содрогаться. Леденящая маска внезапно облепила лицо, челюсти жадно задвигались – воздух! Перемешанный с водой, он наполнял тело, царапая легкие, как острый гравий. Мышцы, нервы, измученные легкие и поршневая машина в голове на миг заработали по-старому. Твердый соленый комок выплеснулся из глотки, губы сомкнулись и разомкнулись, язык шевельнулся во рту. В мозгу вспыхнула ослепительная неоновая полоса.

– Спа...

Затаившись в центре всей этой суеты, отделенный от собственного тела, человек не обращал внимания на мельтешение зеленых вспышек. Будь он в состоянии управлять лицом... нет, будь на свете лицо, способное отразить ощущения человека, подвешенного между жизнью и смертью, оно очерилось бы в злобном оскале, в то время как настоящий рот, далекий и широко разинутый в судороге, был заполнен водой. Неоновый трассирующий след вращался, расплываясь в широкий диск. Тело судорожно изрыгало воду и захлебывалось ею вновь, но жесткие комки уже не причиняли боли – очерившееся живое существо смотрело со стороны. Лица не было, был оскал.

Мелькающие пятна слились в картинку. Он вгляделся. Такого ему не приходилось видеть уже много лет, и оскал слегка смягчился, тронутый любопытством. Стол, на нем банка из-под джема, ярко освещенная – то ли огромная, в центре сцены, то ли маленькая, перед самыми глазами. Изолированный мирок, которым тем не менее можно управлять со стороны.

Прозрачная вода почти до краев, и в ней крошечная стеклянная фигурка, стоящая вертикально. Вместо крышки натянута тонкая пленка из белой резины. Он с интересом рассматривал банку, далекое тело перестало метаться и успокоилось.

Самым любопытным было тонкое равновесие сил, под действием которых находилась подвешенная фигурка. Тронь пальцем пленку, и сжавшийся воздух сильнее надавит на воду. Столбик воды чуть подымет в тонкой трубке, торчащей из стеклянного тела, и игрушечный человечек станет тяжелее. Он полностью в твоей власти, под твоим пальцем. Скажешь тихонько: «Тони`!» – и он опустится ниже, ниже, до самого дна. Можно пожалеть его, ослабить давление, дать побарахтаться на поверхности, глотнуть воздуха, а затем снова утопить – медленно, беспощадно, навсегда.

По существу, плавающая фигурка ничем не отличалась от тела, барахтавшегося в воде. Вверх или вниз – то же самое опасное равновесие. Оскал без лица не произносил слов, осознание пришло в виде яркой вспышки.

Спасательный пояс!

Резиновый мешок опоясывал тело под мышками, тесемки обвивали плечи и застегивались на груди под бушлатом и клеенчатым плащом – теперь их давление даже чувствовалось. Пояс, как и предписывалось, был почти полностью сдут, чтобы не лопнуть при ударе о воду.

«Отплыть подальше от корабля, потом надуть пояс».

Вслед за осознанием хлынул поток образов: лакированная доска с вывешенными инструкциями, вид спасательного пояса с трубкой и металлическим наконечником. Внезапно человек понял, кто он и где находится. Тело болталось в воде, подвешенное наподобие стеклянной фигурки. Безвольно обмякшее, оно уже не барахталось. Через голову одна за другой перекачивались волны.

Рот захлестнуло водой, дыхание прервалось. Зеленые вспышки вновь прочертили тьму. Что-то тянуло вниз. Оскал вернулся, а с ним картинка: тяжелые морские сапоги. Ноги заерзали, пытаясь освободиться, но безуспешно. Оставались еще руки, далекие, но пригодные для дела. Он закрыл рот и, скорчившись в воде, занялся опасной акробатикой. Снова замелькали неоновые трассы, глухо колотилось сердце – единственная точка опоры в бесформенном хаосе. Он подтянул ногу кверху, из последних сил дернул непослушными руками сапог, стряхнул его. Резиновое голенище скользнуло по ступне, тяжесть исчезла. Теперь другой. Наконец тело распрямилось и снова повисло, расслабленно качаясь на волнах.

Рот размеренно открывался и закрывался, глотая воздух и не пропуская воду. Тело тоже работало исправно, время от времени сжимая желудок в тугой узел и выталкивая наружу по языку поток морской воды. Животная паника прошла, но появился страх перед смертью, долгой и одинокой. Оскал теперь обрел лицо и воздух для тела, самим своим присутствием не позволяя тратить драгоценное дыхание на звуки. Была и некая цель, но пока не хватало ни времени, ни опыта, чтобы осознать ее важность и неколебимость.

Обычная схема дыхания не работала, вдыхать приходилось в промежутках между погружениями. Думать удавалось тоже урывками, одновременно с порциями воздуха. Опять вспомнились руки, которые оказались где-то далеко, в темноте. Подтянувшись ближе, они стали шарить по жесткой поверхности плаща. Одолевая боль, негнущиеся пальцы расстегнули пуговицу и скинули петлю с деревянной застежки. Океан безразлично покачивал тело, словно стеклянного человечка или подтопленное бревно. Волна, глоток воздуха. Еще волна, еще глоток.

Руки вытянули трубку, ощущая дряблую сдутую резину, почти не державшую тело на плаву. Зубы сжали наконечник, два пальца принялись его откручивать, остальные зажимали трубку. Крошечная порция воздуха, отвоеванная у волн, досталась не изголодавшимся легким, а резиновому мешку. Еще, и еще... Сердце трепыхалось в груди, как подстреленное, зеленые пунктиры мелькали и вращались. Пояс становился тверже, но так медленно, что момент спасительной перемены оказалось невозможно уловить. Волны уже перекатывались через плечи, регулярные погружения с головой сменились брызгами и мокрыми шлепками в лицо, воздух больше не приходилось добывать с боем. Наконец пояс надулся, охватив грудь плотным кольцом и растягивая одежду. Однако человек еще некоторое время играл с воздухом, выпуская немного наружу и снова вдувая в трубку, словно боялся прекратить единственное доступное пока спасительное действие. Голова и плечи теперь надолго высывались из воды и мерзли сильнее, чем все остальное тело. Закоченевшее на ветру тело охватила дрожь.

Рот оторвался от трубки.

– Эй! На помощь!

Воздух с шипением вырвался из металлического наконечника, пришлось немало потрудиться, чтобы завинтить его. Тьма стояла непроницаемой завесой, не давая разглядеть даже руку, поднесенную к лицу. Страх смерти в одиночестве дополнился ужасом перед слепотой. Тело забарахталось, неловко загребая руками.

– Помогите! Эй, кто-нибудь! На помощь!

Вокруг – лишь шорох и плеск набегавших волн. Тело обмякло, голова бессильно свесилась, соленая вода омывала дрожащие губы.

Важно сохранять движение.

Он принялся слабо перебирать ногами, еле слышно бормоча:

– И зачем только я скинул сапоги, стало ничуть не лучше... – Голова снова упала на грудь. – Холодно... Только бы не переохладиться. Будь на мне сапоги, я бы их снял, потом надел, потом опять снял...

Перед глазами возник корабль, опускающийся ко дну, до которого здесь, наверное, не меньше мили. Тело судорожно сжалось, будто сдавленное невероятной толщей воды. Зубы сомкнулись с дробным стуком, лицо болезненно скривилось. Ноги инстинктивно подобрались, спасаясь от зыбкой вязкой бездны.

– Помогите!

Руки задвигались, разворачивая тело, но насколько это удалось, судить было трудно. Всюду темнота, сплошная, непроглядная. Ни тонущего судна, ни обломков, ни других уцелевших – одна лишь черная стена, подступившая вплотную к глазам, и в ней ровный плеск воды.

– Нат! Натаниэль! Бога ради! Есть тут кто живой?

Голос замер, судорожная гримаса разгладилась.

Тело безвольно обвисло на спасательном поясе, отдавшись во власть набегавших волн. Зубы вновь застучали, дрожь накатывала приступами. Ноги едва чувствовали холод, безжалостно зажатые в тиски водой, которая стремилась раздавить, расплющить их. Ноющие руки не находили себе места. Внезапная боль пронзила затылок, не давая поднять голову. Нос со всхлипом втянул воду, она хлынула в глотку, вызвав новый приступ рвоты. Кулаки, втиснутые между спасательным поясом и подбородком, принесли облегчение, но ненадолго. Руки ушли вниз, лицо снова погрузилось в воду. Преодолевая боль, человек с усилием запрокинул голову, уставив закрытые глаза в невидимое небо. Ноги уже не так сдавливали – окаменевшая плоть, казалось, потеряла всякую чувствительность, однако те части тела, которые море еще не полностью подчинило, продолжали судорожно трястись. Вечность срослась с болью и подступила совсем близко, ощутимо. Оскал оставался на месте, мысли продолжали приходить, бессвязные, неповоротливые, но жизненно важные.

Скоро наступит рассвет.

Двигаться, иначе не заметят.

Скоро рассвет, станет видно обломки.

Я не умру.

Я не могу умереть.

Только не я... не может быть...

Он отчаянно рванулся вверх, задыхаясь и отплевываясь.

– Помогите! Эй, кто-нибудь, на помощь!

Тело приподнялось на волне и плавно опустилось.

Окажись я внизу, добрался бы до шлюпки или плота. Не повезло, проклятая вахта... смыло к чертям, прямо с мостика. Рулевой должен был взять вправо, если услышал приказ. Корабль затонул или перевернулся, теперь все барахтаются где-то там, в темноте, подбадривают друг друга, головы торчат из воды среди остатков кораблекрушения и пятен мазута. Когда рассветет, я найду их, найду, черт побери, иначе всех подберут, а я останусь болтаться вверх-вниз, как дурацкая подвесная койка... Проклятие!

– Эй! На помощь! Натаниэль!

Все было сделано правильно. Отдай я команду десятью секундами раньше, ходил бы в героях... Право руля, мать вашу!

Влепили под самый мостик... Я отдал верный приказ – и полетел за борт, вот невезуха!

Оскал напрягся, заворочал одеревеневшим лицом, верхняя губа приподнялась, обнажив стучащие зубы. Однако вспыхнувший гнев вернул малую толику тепла, кровь прилиwała к щекам, ожившие веки раскрылись.

Тело снова забарахталось, расплескивая воду, взгляд устремился вверх. В непроглядной темноте что-то изменилось, появились какие-то пятна и разводы, они стояли прямо перед глазами, давили, как сама тьма. Скорчившись внутри черепа, он стал вглядываться из-под надбровных дуг, возвращая власть над зрением и неясно угадывая очертания островков мутного света и тумана. Глаза моргали и щурились, но расплывчатые формы оставались снаружи. Наклонив голову, удалось различить движущиеся гребешки волн. Их изрезанная линия, едва заметная, как остаточное изображение на сетчатке глаза, на миг показалась на фоне неба, но тут же исчезла за черным брюхом следующей волны, подхватившей тело. Светлые пятна рук тускло мерцали, отталкиваясь от воды, ноги стряхивали свинцовое оцепенение. В голове вновь замелькали мысли.

Мы шли на северо-восток. Я отдал команду. Если корабль начал разворот, он должен быть где-то к востоку. Ветер дул с запада, значит, восток там, куда катятся валы.

Барахтанье тела стало яростнее, дыхание участилось. Подвешенный на спасательном поясе, он поплыл неуклюжим брассом, затем остановился, качаясь на волнах. Стиснув зубы, отвинтил колпачок и выпустил часть воздуха, чтобы погрузиться глубже, и вновь поплыл, с трудом переводя

дыхание и до боли вглядываясь в спины убежавших к востоку валов. Постепенно движения замедлились, руки бессильно упали, но сознание, затаившееся в темной глубине черепа, продолжало отдавать команды еще долго после того, как тело неподвижно обвисло в воде.

Небо приобретало более четкие очертания, сумрачно-серые тона разбавляли тьму, на поверхности моря обозначились отдельные бугры и впадины. Мозг все еще пытался заставить конечности двигаться, но его наводнили картинки: они мешали, заслоняли собой неотступную необходимость плыть на восток. Перед глазами снова возникла стеклянная банка, но теперь она ничего не значила. Отражение чьей-то белозубой улыбки в полированной крышке стола, короткий обмен фразами. Вереница масок, вывешенных на просушку...

Спокойный голос из-за зубов, отраженных гладкой поверхностью: «Какая, вы думаете, подойдет Кристоферу?»

Крышка нактоуза с тусклой подсветкой компаса и крик, повисший между небом и землей в неоновых вспышках: «Право руля, мать вашу!»

Вода плеснула в рот, толчком пробудив сознание. Из глотки вырвался болезненный хрип. Серо-зеленый рассвет неумолимо надвигался. Над гигантскими валами, такими теперь привычными, поднимался пар. С высоты гребня в мутной дымке были видны еще две таких же громадных волны, а дальше – лишь круговая завеса то ли тумана, то ли моросящего дождя. Руки вновь работали, голова поворачивалась вслед за телом, глаза всматривались, пытаясь определить направление волн. Последний источник тепла, упрятанный глубоко внутри, захлебывался и угасал, как едва тлеющий огонек костра среди сырых дров.

Не хочу умирать! Нет!

Из плотного тумана появлялась волна, нависала над головой, поднимая тело ввысь, потом опускала, уходила прочь, и с высоты следующего вала было видно, как она тает в серо-зеленой мороси. Подъем, спуск – и новый гребень зловеще вздымался над головой.

Бледные ладони молотили по воде, рот сыпал проклятиями, но звуки терялись в мерном шорохе бегущих валов. Тело висело в спасательном круге, холод обшаривал его ледяными пальцами. Голова упала на грудь, лицо вялым нескончаемым потоком омывала соленая вода.

Думай, это последняя возможность. Думай, что делать.

Середина Атлантики, до ближайшей земли сотни миль. Одинокий корабль послали к северо-востоку от конвоя – подать сигнал, нарушить радиомолчание. Немецкая подлодка, должно быть, рыщет неподалеку от затонувшего судна, чтобы допросить уцелевших, или поджидает

возможных спасателей. Вот-вот из воды покажется ее тяжелый корпус, словно скала, обнажившаяся с отливом. Перископ рассечет воду – глаз земной твари, сумевшей нарушить вечный ритм катящихся волн. Может, как раз в эту минуту ее акулья тень скользит там внизу, под одеревеневшими ногами, или покоится на ложе из соленой воды, пока команда отдыхает. А уцелевшие – на плоту, вельботе, шлюпке или просто на бревне, – наверное, они совсем рядом, скрытые туманом и соседним гребнем... с запасом тушенки, а может, и глоточком чего-нибудь покрепче.

Он снова стал поворачиваться в воде, подслеповато щурясь в липком тумане. Небо висело над головой, как низкий потолок. Вокруг ничего – ни обломков, ни человеческих голов. Корабль исчез бесследно, казалось, чья-то рука дотянулась до него и уволокла на милю вниз, на самое дно. На целую милю... Тело вновь отчаянно забарахталось, лицо исказила гримаса.

– Помогите! Эй, вы! Гады, сволочи, мать вашу... Эй!

Тело сотрясало в рыданиях, холод стискивал его, как та рука, что уволокла корабль. Рыдания утихли, сменившись икотой. Голова снова завертелась в серо-зеленой дымке, шаря глазами по сторонам.

Одна сторона круговой завесы была светлее, – и туда катились валы, исчезая чуть левее источника света. Слой тумана, залитый сиянием, был так же непроницаем, как и хмарь за спиной, но притягивал к себе, разрывая мертвую однородность пространства, и к тому же казался чуточку теплее. Руки задвигались, инстинктивно стремясь приблизить тело к источнику света, ставшему путеводным знаком. Освещенная дымка морского тумана казалась твердой, как стена. Свет пронизывал бегущие гребни волн, делая их зелеными и прозрачными, как бутылочное стекло, но внутри не было ничего: ни водорослей, ни песка, ни плавающих предметов – одна лишь вода, холодная, зеленая, бессмысленная вода. Ну и, конечно, две руки, два черных рукава плаща, да еще хриплые вдохи и выдохи, которые смешивались с шумом бессмысленной стихии. Волны шептались, догоняя друг друга, со звонким журчанием прокатывались возле уха, словно миниатюрный прибой на песчаном пляже. Шипение, внезапные всплески, рокот, обрывки непонятных слов, мягкий шорох ветра...

На светлой стороне круга руки приобрели важность, но ухватиться здесь было не за что – вниз, в бесконечность, уходила вязкая, холодная пропасть. Одеревеневшие колени прижались к животу, словно это могло спасти их от власти страшной бездны. Взмыв над пучиной на гребне очередного вала, тело распрямилось, спина выгнулась, рот глотнул воздуха, широко раскрылся, готовясь что-то выкрикнуть навстречу свету... и застыл. Челюсти сомкнулись, зубы щелкнули, а руки принялись

лихорадочно месить воду, прокладывая путь вперед.

– Эй, кто-нибудь! Человек за бортом! Во имя милосердия! Справа по курсу!

Он попытался плыть быстрее, неловко выбрасывая руки и отворачиваясь от волн, перехлестывавших через голову. Рывком высунулся по грудь.

– Человек за бортом! На помощь!

Морская пучина тянула вниз, он отчаянно боролся, фыркая и отряхивая воду. Огонь внутри вспыхнул ярче, сердце усердно разгоняло по всему телу застоявшуюся кровь.

Там, слева от пятна, корабль! Он движется навстречу, повернувшись правым бортом... или – от этой мысли изо рта брызнула яростная пена, – уходит прочь, показывая корму. Впрочем, даже в неистовстве погони легко понять, что последнее невозможно, ведь тогда они должны были только что разминуться. Значит, судно идет навстречу, и рано или поздно его нос прорежет завесу тумана в нескольких ярдах впереди.

А может, корабль не движется?

Обессиленные руки опустились, тело расслабилось и закачалось на волнах. Далекий силуэт казался всего лишь сгустком тумана, не позволяя определить ни размеров, ни расстояния, однако был виден даже из провала между океанскими валами. Тело вновь забарахталось, медленно продвигаясь вперед и взмывая на гребнях волн, что мерно набегали одна за другой.

– Помогите! Эй, на борту!

Что это за судно, так странно скособоченное? Авианосец, старый, брошенный, готовый вот-вот затонуть? Такой давно бы уже пустили на дно торпедным залпом. Океанский лайнер? Тогда, наверное, из самых больших... но почему он так накренился? Солнечные лучи лишь освещали завесу тумана, не в силах пронизать ее, и в плотной сияющей дымке маячило что-то, не похожее на корабль, хотя ничего, кроме корабля, там быть не могло.

Тело отчаянно рванулось вперед, но первое яростное возбуждение выжгло весь запас топлива, и огонь внутри снова едва тлел. Руки с усилием раздвигали воду, из темных сводов черепа взгляд жадно устремлялся к желанной цели, словно приближая ее. Силуэт впереди сдвигался, рос, но отчетливей не становился. Время от времени у подножия его мелькало что-то вроде волн, поднятых носом корабля... Взгляд постепенно угас, остались лишь упорно работающие руки и крики о помощи, которые отнимали последние остатки сил. Вокруг вздымалась зеленая стихия,

готовая погасить тлеющий огонек, над головой клубился слепящий туман, глаза застилала багровая тьма. Тело бессильно обвисло. Темный силуэт высился впереди; сквозь хрип и тяжелые удары сердца слышался звук разбивающихся волн.

Голова с трудом поднялась, глаза напряглись.

На фоне неба торчала скала, над ней парила чайка. Волны у подножия вздымались и падали, выбрасывая вверх пенистые брызги, а затем исчезали, словно проглоченные невидимой пастью. Сознание представило мерно работающие руки, но они отказывались повиноваться. Очередная волна перехлестнула через голову и покатила к рифу, гребень ее был тупым, непривычно сглаженным. В воздух взметнулся фонтан пены. Глаза, погружившиеся в воду, на этот раз разглядели в зеленой пустоте желтые и бурые пятна, а монотонный шорох океанских валов сменился глухим рокотом. В странном ревуем мире мелькали странные мохнатые тени, смутные причудливые очертания камней и водорослей. Бурая плеть хлестнула по щеке, и тут же страшный удар сотряс все тело. Колени уперлись в твердь, руки жадно вцепились в столь неожиданно обретенную опору. Разинутый рот застыл в изумлении, глаза пристально разглядывали трех моллюсков – морские блюдечки, одно большое и два поменьше, – что прилепились к скале перед самым лицом. Твердь наводила ужас, означая конец привычного существования в изменчивой водной стихии. Совсем не похожая на трепещущую, живую плоть корабля, твердь источала безжалостность, рождая в душе панику. Здесь, на пути тысячемильного потока, бесцельно катящегося вдаль, внезапное появление непонятной опоры ввергало мир в войну.

Волна подхватила, оторвала от камней и раковин, перевернула и бросила назад, в темноту. Цепкие плети дернули за ноги, соскользнули и отпустили. В глазах снова вспыхнул свет, рот наполнился морской пеной. Мелькнула расколота поверхность скалы, огороженная белоснежными фонтанами брызг, и зрелище неприступной тверди, внезапно выросшей посреди Атлантики, словно дикий зверь, выскочивший из кустов, исторгло из глотки вопль ужаса, который забрал весь воздух. Волна захлестнула с головой, погрузила в привычную зеленую тишину, затем подняла и поволокла в сторону. Бешеная пляска прекратилась, море больше не играло со своей добычей, сжимая ее мягко и бережно, как охотничья собака подстреленную птицу. Ноги зацепились за твердое, раз, другой. Осторожно опустив тело, вода отступила, щека уткнулась в камень. Море вернулось, ласково лизнуло в лицо. Сознание побуждало двигаться, но руки не подчинялись. Волна снова приподняла тело, приняв на себя большую часть

веса, и на этот раз нужные движения получились, позволив продвинуться чуть вперед. Новая волна, еще один слабый рывок. Море ткнулось носом в ноги и уютно примостилось под мышкой, не доставая больше до лица. Перед темными провалами черепа стояла какая-то картинка, она заполняла все поле зрения, но никакого смысла в ней не было.

Волна под рукой шевельнулась, устраиваясь поудобнее.

Тело лежало неподвижно.

Картинка, белая с черным, но белого больше. Точнее, две картинки, наложенные друг на друга, для каждого глаза своя. Контуры еле заметно смещались, слышался слабый шум. Тело по-прежнему не двигалось, мыслей не было, но что-то твердое под щекой все настойчивее напоминало о себе: давило, жгло без тепла, пока, наконец, в одной точке не сконцентрировалась боль, настойчивая и ноющая, как гнилой зуб. Боль возвращала сознанию цельность, помогая прийти в себя.

Однако первым признаком жизни были не черно-белые пятна, не боль, а все-таки шум. Здесь море обращалось с телом бережно, вело себя тихо, но где-то там, вдалеке, продолжало реветь, метаться и рушиться, а ветер, получив более серьезного противника, чем послушная вода, всю свистел в скалах, порывами проникая в расщелины. Вся эта разноголосица сливалась в единую речь, которая врывается в глухую тьму под сводами черепа и убеждала, что голова реально существует где-то, в каком-то месте. Пронзительный крик чайки пробился сквозь рокот ветра и воды, возвестив бредущему на ощупь рассудку: где бы ты ни был, ты есть.

Осознание пришло внезапно: он в самом деле существовал – терзаемый болью, но в тесном единении с твердью, которая удерживала на себе распростертое тело. Вспомнив, как пользоваться глазами, он совместил две оси зрения, так что обе картинки смешались, придав изображению объем. В щеку впечаталась прибрежная галька, обкатанный белый кварц, напоминавший формой мелкий картофель. Белизну оттеняли желтые пятна и темные вкрапления. Дальше белело что-то еще. Взгляд безучастно скользнул по обескровленным складкам ладони, посиневшим ногтям, сморщенным подушечкам пальцев. Линия руки под плащом, контур плеча. Повернувшись в неподвижной голове, глаза вновь обратились к гальке и принялись праздно разглядывать ее, словно ожидая от камней какого-то действия, не слишком, впрочем, интересного. Рука застыла, как мертвая.

Вода поднялась, тронула гальку, подождала и откатилась прочь под drobный перестук и шорох мелких камушков, омывая тело и шевеля босые ноги. Затем вернулась, и на этот раз, уходя, плеснула в раскрытый рот. Лицо не изменило выражения, но тело вдруг затряслось – все сразу, с ног до головы. Белая рука двигалась в такт, и потому казалось, что трясется галька. Твердые камни бередили щеку, причиняя ноющую боль.

В голове появлялись и пропадали новые картинки, но слишком мелкие и далекие, чтобы доставлять беспокойство. Женское тело, белоснежное и пышное. Фигура мальчика. Билетная касса. Корабельный мостик. Слова команды, выжженные неоновым светом на фоне неба. Высокий тощий мужчина, робко отступивший в темноту за верхней ступенькой трапа. Тело, подвешенное в воде, как стеклянный человечек в банке из-под джема. Выбирать не приходилось – только картинки и галька. Очередной камушек заполнялся новым сюжетом, становился окошком или замочной скважиной, позволяя заглянуть в другой мир, в иное измерение. Слова обретали видимые четкие формы, подобно оглушительному приказу. Они не дрожали и не таяли, оставаясь твердыми, как галька – там, в смутной тьме под надбровными дугами, между обжигающей болью сдавленной щеки и туманными очертаниями носа, по внутреннюю сторону невидящего взгляда.

Холод стал другим – он медленно полз по спине, пробираясь между плотными слоями одежды. Воздух обжигал, как медленный огонь. Ощущение едва успело возникнуть, когда вернувшаяся вода наполнила рот, и приступ удушья перебил ритм сотрясавшей тело дрожи.

Подтянуть ногу поближе. Теперь другую. Рука, маячившая перед глазами, тоже сдвинулась. Где-то сзади еще одна... послать ей сигнал... Пальцы были на месте, но не слушались, их одеревеневшие кончики еле шевелили невидимую гальку. Руки и ноги, подчиняясь команде из центра и подстегиваемые холодной дрожью, начали совершать плавательные движения. Дыхание стало чаще, сердце заколотилось. Бессвязные картинки исчезли, остались лишь камни, их шорох и стук в груди. В мозгу мелькнула полезная мысль – она не имела практической ценности, но позволяла вновь обрести частицу самого себя. Мысль удалось даже выразить в словах, хотя они прозвучали лишь по ту сторону зубов:

– Столько я весил бы на Юпитере.

В голове тут же прояснилось. Тело весит не больше, чем всегда, просто сил совсем не осталось. Здесь каменистый склон, надо на него заползти. Помятая щека отлепилась от гальки, колени уперлись в землю. Челюсти со скрипом сомкнулись. Двигаться и дышать – одновременно, чтобы грудь не цеплялась за камни...

Волны продолжали плескаться в ногах, но все дальше и дальше. Он полз медленно, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться и прийти в себя. Вода уже не доставала до ног.

Левая рука, та, что была не видна, коснулась чего-то твердого и неподатливого. Он с трудом перекатил голову и взглянул. Серовато-желтая

стена, вся в выбоинах, покрытая комками красноватой слизи. В каждой ямке желтеют колпачки морских блюдечек, сверху нависают буро-зеленые плети водорослей.

Белое пятно галечного пляжа упиралось треугольником в сумрачную щель между сходящимися скалистыми стенами. Камень блестел от влаги, морская вода просачивалась сквозь бурые заросли и капала, собираясь в дрожащие лужицы.

Он стал разворачиваться, привалившись боком к скале и подтягивая ноги в толстых белых гетрах, далекие и неуклюжие, словно медвежьи лапы. Еще одна частица себя прежнего. Подсунув левую руку под щеку, он приподнял голову и, отталкиваясь ногами, стал втискиваться спиной в сырой темный угол. Потом запрокинул голову и обеими руками подтянул к груди колени – сначала одно, потом другое. Оказавшись наконец в сидячем положении, взглянул на гальку по ту сторону коленей. Усталое тело сторбилося, челюсть снова опустилась.

Собственно, гальки было не так уж и много. Сторона треугольной площадки, уместившейся в тени расщелины, не превышала человеческого роста. Обкатанные камушки лежали вплотную друг к другу, белые и твердые.

Взгляд с трудом оторвался от гальки и скользнул по воде, почти гладкой по сравнению с открытым морем. Впереди виднелась отколотая часть скалы, такая же серая, как стены рядом, скользкая от пены и ракушек. Волны натыкались на препятствие и били по краям расщелины, оставляя в промежутке несколько ярдов спокойной зеленоватой воды. Дальше, за одиноким рифом, неслись дымящиеся контуры набегавших валов, озаренных бледным солнечным светом.

Усталые веки упали, во тьме тут же вновь замелькали бессвязные образы, но неповоротливый разум, пропуская их мимо, сосредоточился на единственной мысли. Крошечный огонек, чудом не задутый мощным дыханием Атлантики, теплился где-то глубоко внутри. Жалкая искорка, не более, но ее надо сберечь. Тело скорчилось, защищая и баюкая последний источник жизни. Фразы и образы продолжали возникать перед закрытыми веками.

Сверху донесся протяжный крик морской птицы. Сознание отвлеклось от искры, мерцавшей во тьме, глаза открылись. На сей раз удалось увидеть все целиком: стены темной расщелины справа и слева, светлую полосу между ними, радужные фонтаны брызг впереди и мощную поступь океанских волн в туманной дымке, пронизанной солнцем.

Он повернул голову и бросил взгляд на стену, уходящую в небо. Там,

где кончались водоросли и ракушки, каменная поверхность была ровнее. Сверху в расщелину проникал дневной свет, в узком проеме угадывались контуры облака. Мелькнуло крыло чайки, снова донесся резкий крик. Смотреть вверх было больно, и он перевел взгляд на колени: два бугра, укрытые толстой тканью плаща. Пуговица... Рот закрылся, опять раскрылся, оттуда полились хриплые неразборчивые звуки, и потребовалось усилие, чтобы как-то их упорядочить.

– Знаю, знаю, тебя пришил Натаниэль, я сам его попросил. Сказал, это предлог, чтобы дать ему передохнуть.

Веки устало опустились, пальцы неловко ощупывали знакомый твердый кружок.

– Носил этот плащ еще матросом... До Натаниэля пуговицы пришивал Задира.

Голова склонилась на колени.

«Первая вахта! Первой вахте построиться!»

Череду картинок перебил сонный храп. Приступы дрожи стали слабее, но руки все равно соскользнули с коленей и упали на гальку. Голова тряслась, ноги разъехались, камни больно давили на икры. Образы в сознании совсем перепутались, ощущение собственной личности стало теряться. Еще немного, и едва тлеющая искра окончательно угаснет... Пробившись сквозь мелькающий калейдоскоп, он приподнял веки и выглянул наружу.

Белые камушки перекатывались в набегавшей воде. Впереди виднелась скала-спасательница, вся в пене и фонтанах брызг – она принимала на себя удары океанских валов. Там стоял ясный полдень, а здесь, в мрачной каменной щели, отовсюду сочилась вода и стояла душная сырая вонь, как в портовом сортире.

Язык снова шевельнулся, изо рта вырвался хрип. В голове пронеслось: «Что за проклятое место?», но оскорблять непонятное убежище казалось рискованным, и гортань выдавила:

– Где я, черт побери?

Одинокая скала, вершина подводного хребта, единственный зуб в окаменевшей челюсти древнего затонувшего мира, пронзивший непостижимую толщу океана. Сколько отсюда миль до ближайшей суши? В душе вспыхнул страх – не судорожная паника первых минут за бортом, а глубокий мертвенный ужас. Онемевшие пальцы вцепились в скалу, тело рванулось, припав к стене, покрытой бурыми пучками морской травы и комками слизи.

Думай, кретин несчастный, думай!

Туманная водная ширь совсем рядом, волны набегают на скалу, галька шуршит, колеблемая прибывающей водой.

Думай же!

Приступы дрожи сотрясали скорчившееся тело, глаза не отрывались от моря. Валы разбивались снаружи, но по эту сторону скалы укрошенная вода была безопасна. Он медленно опустился на гальку и снова втиснулся в угол расщелины. Искра еще теплилась, и сердце не давало ей угаснуть. Открытые глаза по-прежнему смотрели вперед, но уже ничего не видели. Слово ускользало. Как же он назывался? Островок на карте, крошечный одинокий риф посреди Северной Атлантики, вдали от всех берегов. Над ним еще шутили – когда оставалось время шутить. Карта возникла в сознании, но смутно. Штурман и капитан склонились над столом и ухмыляются, а он сам, тогда еще помощник штурмана, стоит в ожидании команды. Смех капитана, слова, произнесенные с четким дартмутским выговором: «Название почти в точку»^[1].

Да, вот так, почти в точку, не важно, как именно. Корчиться в этой «почти точке», неизвестно где, в сотнях миль от Гебрид? Искра, мерцающая в щели нелепого заброшенного рифа... Лицо исказилось от ярости.

Лучше бы я остался там!

Обмякшее тело сползло на камни, голова без сил упала на грудь, снова раздался храп. Однако глубоко внутри сознание продолжало метаться посреди картинок, воспоминаний и вспыхивающих фраз, словно зверь за прутьями клетки. Отбрасывая назойливые подробности женских тел, не обращая внимания на боль и приступы дрожи, оно старательно подбирало обрывки слов в поисках нужной мысли. Нашло, отделив от бессмысленного мусора, подняло на поверхность и заставило тело придать ей осязаемость и четкость.

– У меня есть разум.

Темный провал, снова храп... наконец, далекая правая рука, подчинившись команде, зашарила по плащу, нашла карман, пролезла внутрь. Пальцы нащупали моток веревки, складной нож... Веки, затрепетав, приоткрылись – в рамке надбровных дуг вспыхнула зеленую поверхность моря. Глаза бессмысленно вытаращились, тело резко дернулось. Искра внутри вспыхнула ярким пламенем, тело сжалось и перекатилось на колени, рука вылетела из кармана и вцепилась в скользкую стену.

Новая волна перехлестнула скалу, в мощном потоке мелькали бурые плети водорослей. Зеленоватая гладь вскипела, разрывая полосу прибрежной пены, и с шипением швырнула к ногам пригоршню гальки.

Пена схлынула, камушки застучали, как зубы. Волны шли одна за другой, поглощая с каждым разом больше гальки и отвоевывая территорию пядь за пядью. Скала являла лишь слабое подобие защиты, почти не сдерживая неумолимого наступления дымящихся валов. Он вздрогнул и обернулся. Темная зловонная щель в каменной стене с промокшими пучками водорослей, безмозглыми ракушками и слизью становилась сушей лишь дважды в сутки. Прочная и надежная с виду, каменная расщелина была ловушкой, столь же враждебной любой дышащей воздухом жизни, как океанская зыбь и морская вода в милую глубину.

Крик чайки прозвучал эхом его собственного. Он прижался лбом к скале, пережидая, пока успокоится сердце. Ноги окатило пеной. От галечного пляжа уже почти ничего не осталось, а первые камни, которых коснулось выброшенное на берег тело, едва проглядывали желто-зелеными пятнами под целым футом бурлящей воды.

– Наверх!

Руки нащупали точки опоры: их оказалось немало, но распухшие пальцы с трудом цеплялись за мокрые выступы скалы. Он на несколько мгновений прислонился к стене, собираясь с силами, потом поднял правую ногу и вставил в глубокую выемку с выступающей кромкой, вроде пепельницы. Кромка была не очень острая и совсем не чувствовалась. Оторвав лоб от заросшей водорослями каменной поверхности, он подтянулся, выпрямляя ногу. Другая повисла в воздухе, качнулась, ударилась о стену, но и ее удалось пристроить на подходящий выступ. Тело прижалось к скале, раскинув руки, всего в нескольких дюймах над галькой. Глаза вглядывались в темную щель, пропитанную мерно сочащейся влагой, словно завидуя этой тайной умиротворенности. Время уходило капля за каплей. Поле зрения распадалось – две картинки, дрожа, разъезжались в стороны.

Снова зашуршала галька: волна лизнула каменную стену. Он опустил голову и посмотрел вниз, поверх спасательного пояса, через распахнутые полы плаща, на мокрые обкатанные камушки в самом углу расщелины. Взгляд наткнулся на белые гетры – там ноги.

И зачем только я сапоги скинул...

Он осторожно шевельнул левой ступней и напряг колено, перенося на нее вес. Ноги вели себя странно: они ничего не чувствовали, пока не наступали на что-нибудь острое, и становились частью тела, лишь ощущая боль или попадая в поле зрения.

Волна дотянулась до расщелины, шлепком ударила в стену и окатила лицо. Он издал какой-то звук и только теперь понял, в каком плачевном

состоянии находится плоть, доставшаяся ему во владение. Звуки клокотали в глотке и оставались там, открытый рот не помогал им выйти наружу. Отвисшая нижняя челюсть упиралась в жесткий воротник плаща. Бульканье усилилось, зубы, повинувшись команде, со щелчком сомкнулись, из окоченевших губ вырвались слова:

– Как мертвец...

Еще одна волна обдала лицо брызгами. Он с трудом взбирался по бугристой каменной поверхности, пока на скале не осталось ничего живого – ни блюдецек, ни мидий, одни крошечные ракушки и зеленые водоросли. Ветер напирал сзади, вдавливая тело в расщелину, море угрожающе бормотало.

Щель становилась все уже. Неожиданно голова оказалась в отверстии, которое едва позволяло протиснуться. Он уперся расставленными локтями и взглянул вверх. Дальше стены вновь расходились, образуя воронку, поверхность которой, хоть и неровная, не позволяла удержаться за счет одного трения. Каменный склон уходил вверх наподобие ската крыши, расстояние до вершины составляло примерно два человеческих роста. Глаза медленно задвигались, выискивая точки опоры для рук, и не нашли ни одной. Правда, на полпути к вершине виднелась впадина, но слишком мелкая. Онемевшие распухшие пальцы едва ли зацепились бы за сглаженный край.

Снизу донесся глухой удар. Мощная волна ударила в угол, разбилась и отхлынула. На мгновение смутно показались светлые очертания гальки и сразу исчезли в зеленоватом потоке. Между телом и скалой взметнулся фонтан брызг. Руки и ноги опять задвигались, тело с трудом протиснулось сквозь дыру, высунувшись до пояса, и привалилось к наклонной стене воронки. Ноги уперлись в те места, где прежде были локти. Колени медленно выпрямились, дыхание тяжело вырывалось из груди. Правая рука вытянулась вперед, пальцы сомкнулись на гладком краю углубления, ухватились покрепче. Нога оставила опору, колено поползло вверх... теперь другая нога...

Он повис на наклонной стене, удерживаемый одной рукой и трением. До вершины оставалось совсем немного, но слабые пальцы дрогнули и разжались, и тело вновь сползло к отверстию, ведущему вниз, в расщелину. Камень перед глазами расплывался, вытянутые руки остались где-то наверху.

Внизу шумело море, отвоевывав шаг за шагом. Удары волн следовали один за другим. Прямо перед глазами о стены воронки разбивались тяжелые брызги и стекали вниз. Вода уже окатывала ноги. Голова

приподнялась, оторвавшись от скалы. Оскал напрягся, борясь с онемевшими мышцами лица.

– Как блюдечко.

Тело прилепилось к каменной поверхности и застыло неподвижно. От гальки внизу остались лишь неясные контуры в коловращении морской пены. Потом и галька, и скала исчезли, а следующая волна окатила с головы до ног. Он стряхнул брызги с лица и взгляделся в отверстие воронки, словно мог увидеть что-то, кроме воды.

Блюдечко!

Он решительно спустил ноги в дыру, нащупал опору и стал протискиваться вниз, застывая и прижимаясь к скале при каждом ударе волн, а потом переводя дыхание и отплевываясь. Холода от воды больше не чувствовалось, но била она с каждым разом все сильнее, все упорнее тянула вниз. Сорвавшись, он пролетел последние несколько дюймов: волна подхватила его, грубо отбросила в угол расщелины, поволокла за собой. Увязая в рыхлой гальке и шатаясь, он поднялся на ноги по колено в воде и тут же упал на четвереньки, погребенный под зеленоватой массой, которая ударила в скалу, взметнув фонтаны брызг. Вода пыталась опрокинуть его, но руки держались крепко. Он достал складной нож и раскрыл его, потом наклонился – перед глазами расплылись очертания камней и водорослей, море шумело в ушах поющей нотой. Наконец он выпрямился; нож снова болтался у пояса, а в руках оказались два морских блюдечка. Волна снова сбила с ног и поволокла, перевернув вверх ногами. Он едва успел схватиться за скалу, выжидая и переводя дух. Еще толчок – теперь пришлось цепляться, чтобы лезть медленно, сохраняя контроль над телом. После каждой волны он изо всех сил прижимался к каменной стене, стараясь не двигаться, не дать унести себя в море. Атаки воды постепенно утрачивали свинцовую тяжесть, но становились все изощреннее и злее. Волны рвали одежду, били между ног, задирали полы плаща, сбивая их к поясу. Стоило взглянуть вниз, как волна наносила удар в лицо или живот, выталкивая тело вверх по тесной расщелине.

Протиснувшись в отверстие, он дождался, пока вода схлынет, и жадно вдохнул соленый, пропитанный влагой воздух. К носу прилипла прядь волос, раздваиваясь перед глазами. Очередная волна поднялась в дыру и обрушилась мощным водопадом, но тело осталось на месте, заклиненное в самой узкой части воронки. Преодолевая дрожь, он распластался на склоне и стал выпрямлять ноги. Лицо терлось о камень, потоки воды окатывали спину. Он вытащил из кармана блюдечко, прижал к скале, и, как только схлынула следующая волна, стукнул по раковине рукояткой ножа.

Блюдечко слегка накренилось и плотно присосалось к новому месту. Человек и раковина вместе висели на скале, сопротивляясь напору воды.

Ноги напряглись, тело застыло неподвижно. Правая рука протянулась вверх и нащупала ту самую выбоину со сглаженными краями, за которую в прошлый раз не удалось удержаться. Затем рука опустилась, пошарила в кармане, залитом водой, и двинулась в обратный путь с зажатым в кулаке вторым блюдечком. Глаза бесстрастно смотрели в упор на каменную стену, вся жизнь, что еще теплилась в теле, сосредоточилась в медленно ползущей руке. Отыскав углубление, рука прижала раковину, тело вытянулось вперед на несколько дюймов и вновь застыло, пережидая волну. Вот рука снова опустилась, вернулась с ножом, слепо потыкала в скалу, нащупала онемевшими пальцами блюдечко, ударила по раковине рукояткой.

Задрав голову и вжимаясь в скалу под ударами волн, он внимательно смотрел на блюдечко. Нож выпал из руки, звякнул о камень и повис на поясе. Рука нашла колпачок резиновой трубки, открутила его. Воздух с шипением вышел, тело плотнее прижалось к скале. Голова склонилась набок, движение прекратилось. Дыхание оставляло на влажной каменной стене мутные разводы, то и дело смываемые очередным водопадом. Нож болтался внизу, со стуком ударяясь о скалу.

Голова шевельнулась, взгляд снова устремился вверх. Рука крепко сжала раковину морского блюдечка, правая нога дрогнула и поползла, ища опоры. Наконец колено наткнулось на первую раковину – ту, что была внизу. Рука разжала хватку, опустилась к ноге и подтянула ее. Оскал, притаившийся за безжизненным лицом, ощутил боль в колене – это означало, что оно держится. Зубы сжались, тело задвигалось, изогнулось. Рука вновь вцепилась в верхнее блюдечко. Левая нога двинулась к правой, оттолкнула ее в сторону, оперлась краем ступни на раковину и стала медленно выпрямляться. Еще одна волна накатила на скалу и обрушилась.

Тело лежало на крутом каменном склоне, опираясь одной ногой на раковину, но держалось в основном за счет трения. Блюдечко, в которое вцепилась рука, было прямо перед глазами. Другая рука шарилась над головой, ища новую опору, тело отчаянно тянулось вверх. Выше, еще выше – и вот наконец пальцы нащупали острую кромку. Правая рука поползла следом, ухватилась. Он подтянулся, отталкиваясь обеими ногами. За кромкой скалы виднелся провал, проблески моря, нагромождения камней, покрытые чем-то белым. Он перевалился через край и рухнул ничком.

Он лежал в скалистой впадине, перед глазами поднималась выветренная стена, длинная полоса воды уходила вдаль. Тело пряталось где-то позади, в совсем другом месте, не имевшем ничего общего с этой картинкой, – ноги разбросаны по разным мирам, шея неестественно вывернута, скрюченная правая рука придавлена к земле. Костяшки пальцев больно, но терпимо впивались в бок – не стоило прикладывать титанические усилия и сдвигаться с места. Другая рука вытянулась вдоль впадины, наполовину под водой. Правый глаз почти касался воды, так что веко, моргнув, задело ее ресницей, ощутив сопротивление. К тому времени, как взгляд стал осмысленным, водяная пленка успокоилась, хотя щека и уголок рта, остававшиеся под водой, заставляли ее слегка вздрагивать. Левый глаз смотрел вдоль длинной лужи странного грязно-белого оттенка, слишком светлого для простого отражения пасмурного дневного неба. В углу рта неприятно покалывало. Время от времени на воде появлялись капельки, от которых расходились едва заметные переплетающиеся круги. Блестящее водное зеркало ограничивалась сверху темной аркой глазницы, а снизу – бледно-розовой кожей носа.

В мозгу вяло зашевелились мысли.

Я упал в расщелину... Голова уперлась в стенку, шея свернута набок. Ноги, должно быть, задрались кверху и свесились с противоположного края, оттого бедра и ноют. Сильнее всего болят пальцы на правой ноге. Я лежу на согнутой руке, и она давит на ребра. Пальцы совсем одеревенели... Белое под водой – это пальцы другой руки, которую почти не видно.

Сверху донесся пронзительный крик, послышалось хлопанье крыльев. Над стеной расщелины появилась чайка. Широко раскинув крылья и вытянув когтистые перепончатые лапы, она затормозила в воздухе над самой скалой и с сердитым клекотом скользнула вбок, обдав холодным дуновением щеку. Белесая вода покрылась рябью, тревожа закрытый глаз, щеку и угол рта. Жжение усилилось.

Тупая боль в теле не вызывала желания шевельнуться, и даже жжение ощущалось лишь снаружи черепа. Левый глаз все так же вглядывался в белизну руки под водой. Память возвращала картинки, появились и новые: человек карабкался по скале, прилеплял к ней раковины.

Образы в голове тревожили сильнее, чем боль. Рука сжалась в кулак, рукав плаща заколыхался в воде. Дыхание участилось, по воде пошли

волны, достигли края и вернулись назад.

Вода плеснула в открытый рот. Тело дернулось, забилося. Ноги, брыкнув, качнулись в сторону, голова чиркнула о скалу и повернулась. Расплескивая белую воду, руки уперлись в дно. По лицу стекала скользкая жижа, под правым веком стрельнула острая боль. Болезненно оскалившись, он сплюнул, глядя на лужи с толстым слоем грязно-белого осадка и чайку, скользившую прочь над зелеными океанскими валами. Рванулся вперед, свалился в соседнюю впадину, выбрался из нее на кучу битого камня и двинулся вниз по склону скользя и спотыкаясь, то и дело падая. Вокруг гладких приплюснутых валунов плескалась вода, кишевшая растительной жизнью. Ветер нетерпеливо подгонял, не давая выбрать безопасный путь. Стоило на миг задержаться, как новый толчок в спину нарушал шаткое равновесие тела и опрокидывал его на острые камни. Окружающее воспринималось не целиком, а отдельными пятнами, только самое важное – трещина, выступ, желтоватое пятно, неотвратимо надвигающееся, словно летящий кулак. Боль от ударов взрывалась яркими вспышками, но самой главной бедой была игла, засевшая в глазу, потому что она проникала внутрь, в темные глубины черепа, где скорчилось сознание. Тело жило и двигалось снаружи, а от иглы некуда было деться.

Пальцы вцепились в бурые спутанные плети, море омывало плечи и голову. Приподнявшись, он заполз на плоский камень с лужицей в середине, окунул лицо в воду и слегка поболтал рукой, чтобы промыть глаз. Затем руки разбрелись по сторонам и вернулись с комками морской тины. Он поднялся на колени и приложил липкую зеленую примочку к глазу и правой щеке. Откинулся на спину, не обращая внимания на слизь, острые края и раковины моллюсков, положил левую руку на колено и стал искоса разглядывать ее – скрюченные пальцы, бледная кожа с просвечивающей синевой, глубокие складки ладони. Игла не исчезала, вторгаясь под темные своды черепа. Стоило пошевелить глазом, как она впивалась еще глубже. Глаз открылся и тут же наполнился водой, сочившейся из комка тины.

Из груди вырвался хрип. Звуки выходили один за другим плотными сгустками, от которых содрогалось тело. Струйки соленой воды вытекали из обоих глаз, сливаясь со следами, оставленными морем и белой жижей. Руки и ноги тряслись.

Ниже по склону на скале виднелась еще одна лужица, поглубже. Он добрался до нее, снова нагнулся, окунул лицо и заморгал, пытаясь избавиться от иглы. Картинки из памяти отступили так далеко, что стали почти незаметными. Руки тоже нашли воду и погрузились в нее. Хриплые стоны сотрясали грудь.

Чайка вернулась, с ней другие. Резкие птичьи крики переплетались над головой, словно следы в воздухе. Море тоже издавало звуки: вода бурлила меж камней под самым ухом и тяжело бились мощные волны, перехлестывая скалистый барьер, заполняя трещины и расщелины. Не обращать внимания на боль... Мысль возникла и засела в самом средоточии тьмы, где таилось сознание. Глаза открылись, превозмогая страшную иглу, и уставились в безжизненно белые ладони.

– Спрятаться. Найти укрытие. Иначе смерть.

Он осторожно обернулся. Выступы скалы, так нещадно обдиравшие его во время спуска, сливались теперь в картинки. Взгляд выхватывал целые куски, которые расплывались, как только игла впивалась в мозг и исторгала из глаз соленую влагу. Надо снова карабкаться наверх.

Ветер стих, но длинные струи дождя все так же висели над головой. Следующее препятствие было невелико, чуть выше человеческого роста, однако чтобы преодолеть его, пришлось тщательно обдумывать и согласовывать действия разных частей тела. На плоской верхушке утеса удалось прилечь и немного отдохнуть. Поднимавшийся склон расплывался водянистыми пятнами. Солнце стояло над вершиной скалы, освещая расщелины, заполненные белой жижой. Свет пробивался сквозь облака и завесу дождя. Над скалой кружили птицы. Тусклое солнце вышибло из глаз новые слезы, игла впилась еще сильнее. Он зажмурился и вскрикнул.

Ощупью проползая через ямы и расщелины, он изредка поглядывал одним глазом и выбирал путь там, где ничего не белело. Ноги приходилось перетаскивать через зазубренные края ям, словно чужие. Боль от иглы притупилась, но внезапно вернулись холод и смертельная усталость. Наконец, повалившись ничком в какую-то щель, он замер, предоставив тело самому себе. Озноб пробирался все глубже, под кожу, в самые кости. Сдайся, твердили холод и усталость, откажись от надежды вернуться. Оставь все как есть, не цепляйся за жизнь. В белых сгустках плоти нет ничего привлекательного, ничего интересного. Лица, слова – все это было в другой жизни, и не с тобой. Здесь, на скале, час длится дольше целой жизни. Что тебе терять, кроме бесконечных мучений? Брось. Отступись.

Тело снова дернулось и поползло – не потому, что мышцы и нервы отказывались признать поражение. Голоса били, словно волны в борт корабля, но посреди всех картинок, ударов боли и голосов таилось нечто осязаемое и твердое, как стальной стержень. Оно было центром всего – настолько, что само не могло осознать себя, – и таилось во тьме черепа, в бездонной глубине, несокрушимое и самодостаточное, темнее и загадочнее, чем сама тьма.

– Укрытие. Найти.

Центр принялся за работу: отключил внимание от сверлящей иглы, осмотрелся, собрался с мыслями, принял решение, в какую сторону двигаться. Перебрал десятки путей и отверг их один за другим, прокладывая маршрут для ползущего тела. Открыл светящийся проем под сводами черепа и стал медленно поворачивать голову из стороны в сторону, подобно гусенице, что пытается перелезть с листа на лист. Тело уже приближалось к подходящему убежищу, а голова все ходила туда-сюда, опережая неповоротливые мысли.

Плита, отколовшаяся от стены, лежала косо, образуя треугольный проем. Воды там почти не набралось, и белой жижи заметно не было. Темная дыра уходила вниз и в сторону, повторяя ход расщелины, но выглядела даже суше, чем поверхность скалы. Голова прекратила движение, тело прижалось ко дну возле дыры, погрузившись в тень, и стало разворачиваться в узкой впадине, преодолевая сопротивление намокшей одежды. Дыхание тяжело вырывалось из груди. Когда наконец белые гетры оказались у отверстия, он просунул ноги внутрь и, лежа на животе, начал извиваться словно змея, которая никак не может сбросить с себя кожу. Вытаращенные глаза смотрели в никуда. Руки потянулись вниз, расправляя сбившийся плащ и проталкивая его в лаз. Жесткая прорезиненная ткань поддавалась с трудом, и тело двигалось понемногу, мелкими разрозненными движениями, подобно морскому раку, забирающемуся в нору. Тело плотно забилося в щель по самые плечи, спасательный пояс сместился кверху, до упора. Резиновая полоса мягко охватила грудь. Мысли лениво прибывали и убывали, глаза оставались пустыми, если не считать соленую влагу, которая продолжала капать из правого глаза, где засела игла. Рука отыскала трубку с затычкой. Он надул пояс – тот обрел упругость, – обхватил плечи руками: белая ладонь с каждой стороны. Уронив голову на жесткий рукав, он прикрыл глаза – не плотно, а слегка. Рот оставался открытым, челюсть отвисла в сторону. Изнутри дыры приступами поднималась дрожь, заставляя трястись руки и голову. Вода медленно сочилась из рукавов, стекала с волос по лицу, капала из носа. Мокрые складки сбившейся одежды плотно облегли шею. Глаза снова открылись – так было легче справиться с иглой, которая вонзалась в центр, где обитало сознание, только когда приходилось моргать, стряхивая воду.

Чайки кружили над скалой, потом уселись на самой вершине и задрали головы, широко распахнув клювы. Серое небо темнело, поверхность моря затягивалась дымкой. Птицы переговаривались,

расправляли крылья, складывали их и прятали голову, устраиваясь на ночлег, похожие на белую гальку, усеявшую скалистый пик. Серый сумрак густел, превращаясь во тьму, сквозь которую виднелись лишь птицы и пятна их помета, похожие на хлопья морской пены в серой воде. Тьма заполняла каменные расщелины. Здесь, возле укрытия, не было грязно-белой жижи, и разглядеть можно было лишь смутные силуэты валунов. Ледяной ветерок веял над скалой невидимым дыханием, издавая непрерывный, еле слышный свист. Издалека, с наружной стороны, где в море стояла скала-спасительница, доносились удары волн, бивших в расщелину. После каждого наступала долгая пауза, потом слышался шорох и плеск воды, стекавшей в воронку.

Человек лежал, скорчившись в тесной расщелине. Голова покоилась на черном клеенчатом рукаве, руки мерцали белыми пятнами по сторонам. Время от времени тело сотрясали приступы дрожи, и тогда жесткая ткань издавала слабый скребущий звук.

Расщелин было две. Первая – каменная пещера, замкнутая, лишенная тепла, но в то же время и холода, который несли море и ветер. Камень нес в себе отрицание. Пещера сжимала тело со всех сторон, унимая приступы дрожи, – не успокаивая, а лишь загоняя внутрь. Боль ощущалась, но далекая боль, похожая временами на обжигающее пламя, тупая в ступнях и чуть острее в коленях. Он наблюдал боль изнутри, из глубины внутренней пещеры – собственного тела. Под коленями мерцали огненные язычки, живо перебегая по скрещенным веточкам, словно в костре, который развели под умирающим верблюдом. Однако человек был не глуп и терпел огонь, дарующий не тепло, а боль. Терпеть приходилось, потому что попытка встать или хотя бы шевельнуться лишь подбрасывала хвороста и раздувала пламя, распространяя боль по всему телу. Он обитал в самом верхнем конце внутреннего убежища, сделанного из мяса и костей, вдали от языков пламени. Рядом покоилось туловище, оно опиралось на тугой резиновый валик спасательного пояса, который перекачивался взад-вперед при каждом вздохе. Над туловищем крепилась костяная сфера мироздания, где был подвешен он сам. Половина мироздания также горела и замерзала, но эта боль казалась ровнее и терпимее. Лишь в самом верху засела огромная игла, которая время от времени преследовала свою жертву. Мировая сфера сотрясалась, сдвигая целые континенты, уколы следовали один за другим, и в верхнем полушарии все менялось: во тьме шевелились смутные серые тени, и мелькало пятно ослепительной звездной белизны, которое, кажется, было рукой. Другая сторона сферы утопала во тьме и не доставляла беспокойства. Он висел, колыхаясь, в самом центре, подобно всплывшему утопленнику, затвердив, как незыблемую аксиому бытия, что обязан довольствоваться даже самой малой из наименьших отпущенных ему милостей. Все телесные придатки с терзающим их медленным огнем, дыбами и пыточными клещами маячили где-то вдали. Найти бы только способ оставаться в полном бездействии, достичь хрупкого внутреннего равновесия, и можно всегда плавать внутри костяного шара, спокойно и не испытывая боли.

Иногда казалось, что такое состояние почти достигнуто. Он съеживался, а сфера стремительно раздвигалась, унося обожженные конечности в межпланетное пространство. Однако судорожные толчки не переставали приходить из глубин космоса, накатываясь волнами, и тогда он

снова рос и проникал во все уголки темных глубин, задевая языки пламени обнаженными нервами, пока не заполнял всю сферу, неизменно натываясь на вечную иглу, которая прошивала правый глаз и входила прямо в голову. Сквозь ослепляющую боль смутно мелькало белое пятно руки, и он снова отдалялся, медленно съеживаясь в центре мироздания, и, как прежде, плыл в непроглядной тьме. Этот незыблемый ритм возник на заре времен и утвердился на веки вечные.

Картинки из памяти, собственной или чужой, временами искажали этот ритм, не меняя его сути. В отличие от тусклых язычков пламени, они ярко светились. Гигантские волны, больше, чем мироздание, и среди них – стеклянная фигурка моряка. Горящие неоновые буквы приказа. Женщина – не бледное тело с назойливыми подробностями, как раньше, а настоящая, с лицом. Темный жесткий силуэт идущего в ночи корабля, плавный крен вздымающейся палубы, гул машин. Мостик под ногами, впереди тускло освещенный нактоуз. Нат, оставив наблюдательный пост у левого борта, спускается по трапу. Нескладный, долговязый, на ногах не сапоги или парусиновые туфли, а цивильные ботинки, ступает осторожно, баба бабой. Сколько месяцев прошло, а не научился ни одеваться правильно, ни ходить, как настоящий моряк. Наверху утренний холод пробирает его до костей, а на жилой палубе преследует грязная, грубая речь и вечные насмешки. Робкий, послушный, ни к чему не пригодный тип.

Он отвернулся от Ната и бросил взгляд за правый борт. На фоне предрассветного неба смутно вырисовывались суда конвоя. Стальные борта вздымались как грязные серые стены, исполосованные потоками ржавчины.

Нат все еще пробирался на корму, чтобы провести свои пять минут в одиночестве, общаясь с вечностью. Как всегда, пристроится возле правого бомбомета – не потому, что там лучше, чем у планшира на наблюдательном посту, а просто привык. Там ветер, вонь от машин, вся пыль и грязь, какая только бывает на старом эсминце в военное время, но он терпит. Жизнь, как таковая, со всеми ее прикосновениями, образами, запахами и звуками бесконечно далека от него. Так и будет терпеть, пока не привыкнет, пока не перестанет все это замечать. Моряка из него никогда не выйдет, потому что все его неуклюжие конечности прилажены к телу кое-как, а то, что внутри, только и делает, что молится в ожидании встречи с вечностью.

Корабельные часы продолжали тикать. Пора лечь на новый галс противоположного зигзага. Он внимательно взглянул на секундную стрелку.

– Право руля, пятнадцать градусов!

Шедший впереди слева «Вильдебист» тоже менял курс. За кормой в

сером утреннем свете бурлила вода, потревоженная поворотом руля. Палуба под ногами накренилась, и «Вильдебист» словно дал задний ход, становясь почти параллельно нос к носу.

– Прямо руль!

«Вильдебист» по левому борту еще не закончил маневр. Стальная палуба под ногами передавала малейшие колебания неповоротливой серо-зеленой пучины, позволяя точно предсказать степень крена, но сама вода была не столь предсказуема. На последних градусах разворота судна огромный вал прокатился возле носа и ушел под корпус. Корма осела, соскальзывая с крутой волны, и эсминец сошел с курса на десять градусов.

– Так держать!

Проклятый флот, проклятая война! Он сонно зевнул, наблюдая, как снова бурлит вода под кормой «Вильдебиста», который возвращался на курс.

Обжигающее пламя опять вспыхнуло где-то там, на дальней оконечности расщелины, игла вонзилась в мозг – вокруг снова было лишь измученное тело. Огонь медленно угасал, следуя неизменному ритму.

Корабли охранения поворачивали. В перерывах между приказами он вслушивался в дрожащий писк противолодочного гидролокатора. Караван торговых судов пыхтел всюду на шести узлах, а эсминцы, словно почетный эскорт, расчищали путь впереди, орудуя невидимыми метлами, и время от времени делали зигзаги, поворачивая одновременно в едином строю.

С трапа слышались шаги, и он принялся деловито брать пеленг – это мог быть капитан. С показной тщательностью проверил положение «Вильдебиста», но никто так и не заговорил. Мельком обернулся и увидел старшину Робертса, который тут же отдал честь.

– Доброе утро, старшина!

– Доброе утро, сэр.

– Ну, как дела? Не найдется для меня стопочки? Близко посаженные глаза под козырьком фуражки метнулись в сторону, но уголки губ поползли вверх.

– Вообще-то, сэр... – Пауза, быстрая прикидка всех «за» и «против», оценка возможной выгоды. Улыбка стала шире. – Выпивка совсем на исходе, сэр, но для вас...

– Отлично, спасибо.

Что же это будет – предписание о назначении, рекомендация к повышению по службе? О какой маленькой услуге он попросит?

Однако старшина Робертс затеял игру посложнее. Куда бы потом ни завела длинная цепь взаимных обязательств, сегодня требовалось лишь по

достоинству оценить его здравый смысл и предусмотрительность.

– Я насчет Уолтерсона, сэр...

– Нат? – Удивленный смешок. – Мой старый приятель? Неужто проштрафился?

– Да нет, сэр, не то чтобы, просто...

– Что?

– Лучше взгляните сами – на корме, вон там. Они перешли к правому борту. С мостика Нат был хорошо виден. Упершись костлявым задом в планшир за бомбометом, а ногами в пробковое покрытие палубы, он все еще общался с вечностью. Лицо закрыто ладонями, тощее, неправдоподобно длинное тело раскачивается в такт волнам.

– Вот придурок.

– Слишком уж часто он это делает, сэр.

Старшина Робертс шагнул ближе, от него явственно пахло спиртным. Вот как, стало быть, на исходе?

– Я бы подал на взыскание, сэр, но подумал – раз уж он ваш приятель по гражданке...

Пауза.

– Ладно, старшина, я сам ему намекну.

– Спасибо, сэр.

– Вам спасибо.

– Про стопочку я не забуду.

– Вот это замечательно.

Старшина отдал честь и спустился с мостика.

– Лево руля, пятнадцать!

Одиночество: здесь, с языками пламени и неотступной иглой – и на палубе, под стволом орудия. Оскал сложился в горькую усмешку. Можно представить, что творилось в голове у Натаниэля. Пробираясь на корму, он пытался найти уединение где-нибудь между орудийной командой и вахтой у бомбомета, только откуда его взять простому матросу на маленьком корабле, раз уж с самого начала не хватило ума и опыта, чтобы подыскать себе спокойное местечко. Смыться от скотов из носового кубрика, поменять убожество скученности на убожество, продуваемое всеми ветрами? Где ему понять, что теснота жилой палубы сама по себе дает в каком-то роде уединение, подобно лондонской толпе. Неужели лучше терпеть угрюмые усмешки вахтенных, которые таращатся на него от нечего делать?

– Прямо руль! Так держать!

Новый зигзаг. Зиг.

Теперь молится там внизу вместо того, чтобы валяться в койке, потому

что ему сказали, будто во время вахты следует вести наблюдение за каким-то сектором в море. Вот и ведет наблюдение, послушно и тупо.

Центр тьмы внутри головы повернулся, охватывая взглядом наблюдательный пост по левому борту, вращение антенны радиопеленгатора, дрожащий раскаленный воздух со струйкой дыма над трубой, потом посмотрел с мостика вниз и направо.

Натаниэль был еще там. Худоба делала его громадный рост еще невероятней – казалось, он вот-вот перекувырнется назад через низкий борт. Неуклюже расставленные ноги все так же держались на палубе за счет одного лишь трения. Вот он отнял ладони от лица, уперся в планшир и встал. Двинулся вперед, вытянув руки вперед, чтобы удержать равновесие. Смешная матросская шапочка сидит на самой макушке, черные кудри, влажные от ночной сырости, торчат во все стороны. Случайно взглянул на мостик, и правая рука тут же дернулась к виску, салютуя, – никаких вольностей себе не позволяет, знает свое место, такой же смиренно-нелепый и несуразный, как на гражданке.

Резкое движение нарушило неустойчивое равновесие, долговязая фигура накренилась, рука промахнулась мимо головы. Корабль поднимался на волне, и тело с растопыренными конечностями едва удержалось от падения. Отвернувшись, человек шагнул к кожуху двигателя, ухватился рукой, словно проверяя, насколько тот нагрелся, снова повернулся и отдал честь, на этот раз медленно.

Темный центр заставил себя приветственно помахать нарисованной на картинке фигуре. Выражение лица Натаниэля было видно даже отсюда. Радость узнавания – не приклеенная улыбка старшины под цепкими близко посаженными глазками, а настоящая, исходящая из невидимого центра по ту сторону лица, свидетельствовала об истинной доброте. Дыхание участилось в такт вспыхнувшей симпатии, внутренность сферы забилась в конвульсиях, игла стала пробиваться к центру, пробуждая прежнюю боль.

Терзаясь отчаянием безысходности, он вцепился в нактоуз – и в скалу.

– Никому меня не понять!

И вновь теснота внутренней расщелины и языки пламени, с треском пожирающие плоть.

Новые звуки. Они исходили от белых пятнышек там, вдали. Пятна становились все отчетливее. Он понял, что прошло время. То, что казалось ритмом вечности, длилось на самом деле всего лишь часы, и разгоравшийся свет возвращал ощущение собственной личности, придавал ей границы и целостность. Звуки были гортанным клекотом одной из сидящих чаек.

Охваченный болью, он вглядывался в свет, осознавая приход нового дня. Если осторожно обращаться с воспаленным глазом, можно рассмотреть одревеневшую левую руку. Получив приказ сжаться, пальцы дрогнули и послушались. Он снова здесь, снова человек, втиснутый в глубокую щель на голой скале посреди океана. Память возвращалась. Каменная воронка, расщелина... День разгорался, подчеркивая безжалостным светом весь ужас положения несчастного, выброшенного на пустынный берег. Тело корчилось, пытаясь выбраться из узкого пространства между скалами. Проснувшиеся чайки взмыли в воздух с резкими криками и стали виться над головой, разглядывая незнакомца. В них не было ни настороженности, как у птиц с населенных людьми берегов, ни первобытной невинности. Вскормленные войной, они приходили в негодование от непонятного шевеления теплого человеческого тела посреди воды. Паря почти вплотную и хлопая крыльями, они будто повторяли снова и снова, насколько лучше было бы, качайся это тело на волнах, как лопнувший гнилой матрас. Неловко приподнявшись, он подался вперед, размахивая онемевшими руками.

– Кыш! Убирайтесь! Валите отсюда!

Чайки с клетком взмыли над головой и тут же опять навалились, мелькая перед глазами и задевая лицо. В панике он отмахнулся, и одна из птиц отлетела прочь, неловко взмахивая ушибленным крылом. Только тогдастая отступила и, описывая широкие круги, продолжала наблюдать за пришельцем, хищно вытягивая узкие головы. Летающие рептилии. Он содрогнулся, ощутив первобытную ненависть к существам, наделенным когтями. Хищные контуры обтекаемых тел напомнили о вампирах и прочих странных тварях.

– Пошли прочь! Не на того напали!

Белые круги расширились, потом распались. Чайки потянулись в сторону моря.

Он переключил внимание на тело, одревенелое и состоявшее, казалось, из одних ушибов и ссадин. Управление давалось с трудом: команды ногам приходилось давать по отдельности, словно это были громоздкие, криво примотанные ходули. Он переломил ходули посередине и сел, ощутив новые очаги огня, островки мучительного страдания в общем океане боли. Пламя перед правой глазницей пылало ближе всего, оно не было новым. Упираясь спиной в скалу, он поднялся на ноги и огляделся.

Утро выдалось пасмурное, но ветер стих, и вода утратила прежнюю целеустремленность и напор. В шуме моря звучали спокойные, почти

нежные полутона, каких никогда не услышишь с палубы идущего корабля. Плеск бесчисленных мелких волн сливался воедино, осторожные шлепки крошечных язычков, лизавших камень, сменялись бульканьем и неторопливым смакованием. Готовые, казалось, вот-вот обрести членораздельность, звуки множились и схлестывались, превращаясь в голодное причмокивание. Над всем этим солирующей нотой стоял тихий свист воздуха, трущегося о скалы – едва уловимый шелест, ровный и нескончаемый.

Над головой крикнула чайка. Он прикрылся рукой, глядя из-под локтя, но птица уже улетала прочь. Крики растаяли в воздухе, и все вокруг снова погрузилось в безмятежное спокойствие.

Вглядываясь в горизонт, он провел языком по верхней губе. Потом еще раз. С трудом сглотнул, зажмурившись и превозмогая боль от ожившей иглы. Дыхание участилось, грудь заходила ходуном.

– Пить!

И так же, как недавно среди волн, отчаяние наполнило тело новыми силами. Он выкарабкался из расщелины и полез, цепляясь руками и ногами, уже не деревянными, переползая через рухнувшие каменные опоры, которые никогда не держали ничего, кроме собственного веса, и поскользываясь в белесых лужах, покрывавших вершину скалы. Остановился наверху, на самой кромке, через которую попал сюда, и стал смотреть во все стороны, аккуратно переставляя нетвердые ноги. Одинокая чайка вспорхнула и унеслась прочь. Горизонт всюду был одинаковым, и понять, что сделан полный оборот, удалось лишь по очертаниям скалы. Еще один оборот...

Наконец он повернулся к вершине спиной и стал спускаться, на этот раз медленнее, осторожно пробираясь от одной выщербленной впадины к другой. Там, где заканчивались залежи белого птичьего помета, снова остановился и принялся шаг за шагом исследовать скалу. Присев на корточки и упершись в дно, он тщательно осмотрел каменистую поверхность каждой расщелины, бросая быстрые взгляды из стороны в сторону, словно следил за полетом мухи. Заметив на плоском валуне лужицу, крепко ухватился руками по обе стороны и приник к ней, пробуя языком и жадно всасывая драгоценную влагу, пока на валуне не осталось лишь мокрое пятно. Потом снова двинулся вперед. В стенке следующей расщелины оказалась горизонтальная трещина, где тоже скопилась вода. Он прижался к стенке лбом и, поворачивая голову и обдирая щеки, втиснул лицо в трещину, однако, как ни высовывал язык, дотянуться до воды не мог. Тогда он ухватился за зазубренный край и яростно дернул, потом еще и

еще, пока камень не поддался. Вода выплеснулась и тонким слоем растеклась по дну расщелины. Руки сжимали отломанный кусок скалы, сердце колотилось в груди.

– Шевели мозгами, парень. Шевели мозгами.

Оглядев заваленный обломками склон, он продолжил поиски. Заметил в руках обломок камня, выбросил. Протискиваясь между валунами, наткнулся на заплесневевшие рыбьи кости дохлую чайку – ее грудная кость торчала кверху, как киль корабля, выброшенного на берег. Кое-где попадались пятна серовато-желтого лишайника, подушечки мха и даже клочки земли. Под ногами хрустели пустые крабьи панцири, обрывки водорослей и клешни омаров. В нижней части скалы в нескольких выбоинах стояла вода – соленая. Он развернулся и взобрался вверх по склону, позабыв об игле и языках пламени. Старательно ощупал расщелину, в которой провел ночь, но она оказалась почти сухой. Каменная плита, давшая ему укрытие, была разбита надвое. Должно быть, здесь проходил вертикальный пласт породы, который уцелел от выветривания, а потом упал и раскололся. Большая часть упала поперек впадины у самого обрыва, одним концом перекрывая ее, а другим выступая над морем.

Он лег плашмя, немного передохнул и протиснулся в отверстие, подобно тюленю, который отталкивается хвостом и ластами. Низко опустил голову, и стал сосать, жадно причмокивая. Потом затих.

Место, где нашлась вода, напоминало небольшую пещеру. Дно канавы плавно уходило вниз, и с этого края лужа была совсем мелкой. Упавшая плита раздробила стенку с правой стороны, так что внизу можно было лежать, расставив локти. Крыша перекосилась, и дальний край водоема оказался на виду. Сквозь небольшое отверстие сверху проникал дневной свет и виднелся клочок неба. Свет отражался в луже, отбрасывая на каменный свод дрожащие блики. Вода, хоть и пригодная для питья, удовольствия не принесла – словно напоминание о чем-то неприятном, но непонятно, о чем именно; она смягчала жажду, но не утоляла ее. Жидкости было предостаточно: лужа тянулась на несколько шагов и у дальнего края выглядела довольно глубокой. Он окунул лицо и стал втягивать влагу. Его полтора глаза, теперь привыкшие к свету, разглядели на дне красноватый илистый осадок, который легко поднимался к поверхности и висел, завиваясь кольцами. Некоторое время глаза отрешенно наблюдали за картинкой, потом задвигались губы:

– Помощь. Позвать.

Он рванулся назад, ударившись головой о свод пещерки. Выполз наружу, вскарабкался на вершину скалы и всмотрелся в линию горизонта,

поворачиваясь по кругу. Встал на колени, опустился на четвереньки. Мысли вспыхивали и гасли в голове.

«Я не могу все время оставаться здесь, наверху. Не успею крикнуть, если покажется корабль. Нужно, чтобы кто-то стоял вместо меня. Сделать его, поставить. С борта заметят и подойдут ближе».

Руки нащупали трещину – рядом лежал отколовшийся кусок скалы. После долгой борьбы с непосильной тяжестью его удалось приподнять, но руки дрогнули, и плита со стуком упала. Он в изнеможении свалился рядом и какое-то время лежал не шевелясь, потом с усилием двинулся вниз, туда, где вчера промывал глаз: там валялись обломки поменьше. Нашел покрытый коркой камень, лежащий в белой луже, прижал его к животу, проковылял несколько шагов. Пошатнулся, уронил, поднатужился... наконец, донес, сбросил на кромку скалы над самой воронкой и вернулся назад. Над стенкой расщелины нависал еще один подходящий камень, похожий по форме на чемодан. Сообразив, что делать, он уперся ногами в противоположную стенку и налег на камень плечом. Тот скрипнул, сдвинулся с места. Еще толчок. Валун скатился в следующую расщелину и раскололся. Побелевшие губы искривились в мрачной улыбке, руки приподняли большой кусок и привалили к наклонной стенке, а затем принялись толкать и тянуть со стороны на сторону, перекатывая камень вверх по склону скалы и перетаскивая через более крупные обломки.

Теперь наверху лежало уже два валуна, один из них со следами крови. Взгляд на горизонт, и новое путешествие вниз по склону. Вдруг он остановился, потрогал лоб и внимательно посмотрел на ладонь. Крови там не оказалось. Губы шевельнулись.

– Вспотел. – Голос прозвучал безжизненно и хрипло.

Третий камень поднять не получилось, и пришлось катить его по дну впадины – туда, где стенка опускалась ниже. Когда обломок наконец присоединился к двум другим, руки были совершенно разбиты. Опустившись на колени рядом с камнями, он посмотрел вдаль. Облаков стало меньше, сквозь них тускло пробивалось солнце. Он растянулся на трех камнях, не обращая внимания на причиняемую ими боль. С южной стороны скалы падали солнечные лучи, освещая левое ухо.

Собрав последние силы, он водрузил второй валун на третий, а первый – на второй, потом сел, прислонившись к ним спиной. Высота пирамиды достигала почти двух футов. Горизонт был пуст, море спокойно, бледный солнечный диск казался нарисованным. На расстоянии броска камня над водой кружила чайка: ее плавные белые очертания выглядели совершенно безобидно. Он прикрыл больной глаз ладонью, давая ему отдохнуть, но

долго удерживать руку в таком положении оказалось не под силу. Рука упала на колено. Стараясь забыть про глаз, он попытался думать.

– Поесть!

Он вскочил на ноги и стал спускаться, перебираясь через расщелины. В самом низу берег замыкали утесы высотой в несколько футов, а за ними из воды торчали отдельные скалы, до которых пока было не добраться. Грубые и шероховатые стены утесов на всю глубину, насколько мог разглядеть здоровый глаз, покрывала корка из раковин, объединенных клейкими выделениями в обширные колонии. Подсохшие желтоватые блюдечки и разноцветные морские слизи пережидали отлив, прижавшись к скале. Каждая раковина сидела в углублении, выкрошенном присоской. В паутине зеленых водорослей гроздьями висели синеватые мидии. Он оглянулся. Скалы поднимались кверху, к пещере с водой – плита, служившая крышей, торчала высоко над морем, словно трамплин для прыжков. Ниже линии прилива камни посинели от множества мидий. Он осторожно спустился и обследовал ближайший утес. Под водой запас пищи выглядел еще богаче, поскольку внизу мидии были крупнее, а по ним ползали морские слизи. Среди блюдечек, мидий и слизней, похожих на разноцветные блестящие леденцы, комками красной слизи приткнулись анемоны. Они разевали под водой рты в виде круга из лепестков, а наверху, в ожидании прилива, сжимались и опадали, как женские груди, из которых ушло молоко.

Голод невидимыми руками стиснул желудок. Рот заполнился слюной, горло перехватило, как от сильного потрясения. Человек висел на осклизлой стене, прислушиваясь к плеску воды о камень, к легким перестукам и шорохам, исходящим от цветущей, хоть и не вполне растительной, подводной жизни. Ощупав пояс, нашел ремешок, дернул его и поймал нож. Поднеся ко рту, зажал зубами лезвие и раскрыл, потом воткнул острие под одно из блюдечек. Оно сжалось с такой силой, что, поворачивая лезвие, он почувствовал сопротивление сократившихся мышц. Оставил нож болтаться на ремне, подхватил падающее блюдечко и повертел в руке. Овальная коричневая ножка стремительно втягивалась внутрь, створки раковины сходились, полностью закрывая просвет.

– А, черт!

Он отшвырнул блюдечко – раковина ударилась о воду и подпрыгнула, по воде пошла рябь... Некоторое время он глядел, как блюдечко, белея в воде и покачиваясь, скрывается из виду. Потом снова взялся за нож и атаковал поверхность утеса, рассекая гущу моллюсков. Они умирали один за другим, испуская желтоватую жидкость, напоминающую мочу. Нож

задел один из анемонов, и красноватая слизь тут же сжалась, превратившись в тугую массу, которая в ответ на прикосновение стрельнула в глаз едкой соленой струей. Закрыв нож о скалу, он вскарабкался обратно и уселся, прислонившись спиной к трем камням – двум обломкам и третьему, верхнему, покрытому коркой.

По телу внезапно пробежала дрожь. Подтянув колени к груди, он упал набок, прижавшись щекой к скале. Тело сотрясалось и корчилося под отсыревшей одеждой, губы тряслись, выдавливая хриплый шепот:

– Не сдаваться... Только не сдаваться...

То ползком, то вставая на четвереньки, он двинулся вниз. Камни на берегу не годились, но он отыскал подходящий по форме под водой и поволок на вершину к остальным. Снял верхний камень, хорошенько укрепил новый, а затем поставил прежний, покрытый коркой, на самый верх. Два фута шесть дюймов.

– Надо... Надо!

Теперь он спускался по склону с противоположной стороны скалы, не обросшей мидиями. Здесь стена поднималась уступами, на которые набегали волны. В темной воде колыхались длинные водоросли, похожие на широкие ремни, которыми перевязывают чемоданы со сломанным замком. У поверхности бурые ленты сплетались, сворачивались кольцами, или стояли в воде вертикально и медленно шевелились, словно щупальца или языки. Еще ниже не было ничего, кроме черной воды, уходящей в глубину, к самому дну бескрайнего моря. Отводя глаза от бездны, он стал пробираться вдоль уступа, но скала повсюду была прочной, без отколовшихся кусков. Лишь в одном месте по поверхности шла трещина, но как ни давил он на камень босыми ногами, сдвинуть не сумел. Неуклюже развернувшись, он пополз назад, нашел внизу еще несколько обломков и один за другим перенес наверх. Пошарил в расщелинах, собрал кусочки желтоватого кварца, за которыми тянулись водоросли, похожие на зеленые волосы, отнес добычу к фигуре на вершине и сложил горкой вокруг камня основания. Некоторые кусочки, не крупнее картофелины, он вбивал в щели между большими камнями, пока верхний не перестал шататься. Поверх остальных он уложил еще один камень, размером с голову.

Три фута.

Он отступил на шаг и взглянул на грудь. Солнце уже опустилось ниже ее верхушки. Он с удивлением присмотрелся, стараясь точно определить, где находится запад. Заметил отколотую скалу, спасшую ему жизнь, и чаек, парящих сразу за линией прибоя. И снова направился вниз, туда, где

отодрал от скалы блюдечко. Болезненно скривился, зажал живот кулаками, отколупнул несколько комков красноватой слизи и, брезгливо отворачиваясь, сложил их в кучку на кромке утеса. Помедлив, внимательно изучил добычу взглядом полутора здоровых глаз. Комки напоминали горсть леденцов, с той лишь разницей, что анемоны чуть заметно шевелились, истекая прозрачной жидкостью. Отвернувшись, он присел на край скалы. Лицо исказилось, как от боли.

– Будь оно все проклято!

Нащупав один леденец, он поспешно запихнул его в рот и с усилием проглотил, содрогнувшись всем телом. Взял еще один, проглотил и как можно быстрее засунул в рот следующий. Заглотив все, напряженно замер, удерживая комок в горле, потом расслабился, тускло улыбаясь. Опустил взгляд – у мизинца левой руки в лужице воды лежал еще один шевелящийся комок. Зажав рот ладонью, он с трудом подавил позыв рвоты и кинулся к заветной пещерке.

Со дна лужи кругами поднималась красноватая муть, вдоль кромки воды протянулась рыжая полоса шириной с палец. Успокоив желудок несколькими глотками странной воды, он задом наперед выбрался из расщелины наружу. Над скалой кружили чайки. В его взгляде сверкнула ненависть.

– Я вам не достанусь!

Он снова взобрался на вершину скалы, где стоял каменный гном в три фута высотой. Осмотрелся – на горизонте ни пятнышка.

– Воды мне хватит, – проговорил он, облизывая губы.

Задумчиво посмотрев на торчащую над обрывом каменную крышу, которая прикрывала пресную лужу, он не торопясь спустился и заглянул под плиту. Со стороны моря выход из расщелины перегораживало беспорядочное нагромождение каменных обломков. В мутном окне ослабевшего зрения красная муть все так же клубилась, сворачиваясь в кольца. Должно быть, ил и слизь, залепившие щели между наваленными камнями, не давали воде вытекать. Перед глазами возник скрытый лабиринт извилистых ходов и трещин, которые время закупорило густым красным осадком, сохраняя пресную воду, хотя ей давно пора было смешаться с соленой; закупорило так ненадежно, что малейшее прикосновение – и необходимый источник жизни безвозвратно иссякнет...

– Даже не думай!

Он развернулся и принялся заталкивать тело в ночное укрытие. Забрался на этот раз почти с головой, плотно забив свободное место тяжелой сырой одеждой. Вытянул, как мог, рукава бушлата из-под

задубевшего плаща и зажал в кулаках, прикрывая кисти рук толстой ворсистой тканью. Спасательный пояс надежно защищал грудь и горло. Положив руку под голову, он лежал, вздрагивая от вечернего холода. Солнечный свет померк, зеленоватое небо стало темно-синим, чайки кругами опускались на скалу. В промежутках между приступами дрожи тело обретало желанный покой, но глаза с тревогой вглядывались в темноту. Губы вновь шевельнулись:

– Даже не думай!

Чайка на скале встrepенулась и застыла неподвижно.

На этот раз провалиться во тьму не удалось – он вновь заполнял каждый уголок своего тела. Затуманенное сознание отмечало, как возвращаются силы; холод и боль не просто чувствовались, но и вызывали раздражение. Апокалиптические видения и голоса прошлой ночи сменились жалобами истерзанной плоти. Игла, засевшая в глазу, притупилась и больше не позволяла сосредоточиться на себе одной, отринув все остальные ощущения. Он беспрерывно потирал одной ногой о другую и прижимался боком к каменной плите, чтобы укрыться от холода, тут же обнаруживая, что другой бок требует не меньшего внимания. Отрывал от жесткого одеревеневшего ложа погруженный во тьму костяной шар, в котором жил, и укладывал другим полушарием вниз.

Между нынешней ночью и предыдущей было еще одно отличие. Пламя утихло, но костер все еще тлел, а время и прибывающие силы позволяли это заметить. Оцепенение сменилось постоянным напряжением, словно тело безжалостно растягивали. Скала, на которой оно лежало, также доставляла неприятности. То что прежде, в состоянии предельного изнеможения, казалось гладкой поверхностью, имело множество неровностей. Неровности становились острыми выступами; неудобство переходило сначала в тупую, а затем в острую боль, которая, в свою очередь, оборачивалась новыми языками пламени – их терпеть было уже нельзя. Боль удавалось превратить в неудобство, чуть приподняв бедро; затем он снова ложился и ждал в темноте, пока все повторится – неудобство, ноющая боль, что сменялась болью мучительной, и наконец, жар пламени.

Теперь, когда окно во внешний мир погасло, промежутки между приступами боли стали заполняться голосами и навязчивыми образами. Смутно мерещилось солнце, проплывающее по ту сторону огненных недр земли... Впрочем, оба источника тепла были слишком далеко, чтобы согреть тело. Он видел красный ил, задерживающий пресную воду, две горсти красных леденцов, пустой горизонт.

– Я буду жить!

Солнце там, внизу, ползло, как улитка. Земля вращается вокруг него – или вокруг своей оси? Сколько же бесконечных месяцев придется терпеть, прежде чем яркие весенние лучи согреют тело? Он следил за долгим движением далекого светила, потеряв ощущение реальности. Солнце

виделось под разными углами, сквозь окна проходящих поездов или над сельским горизонтом. Пылающий в небе огонь мешался в сознании с другими огнями – на полях, в садах, за решеткой камина. Последний оказался самым настойчивым. Камин находился в комнате, хорошо знакомой. Время и слова что-то значили, это было почему-то важно.

В кресле напротив сидела долговязая тощая фигура, глаза из-под черных кудрей глядели вверх, словно изучая справочник, раскрытый на потолке.

– Для таких, как мы, небеса – ничто. Чистое отрицание. Безвидны и пусты. Понимаешь? Словно черная молния разрушает все, что зовется жизнью.

– Нет, не понимаю, – самодовольно рассмеялся он, – да и какая разница, но на твою лекцию я приду. Нат, дорогой, ты не представляешь, как я рад тебя видеть!

Собеседник осторожно взглянул на него.

– Я тоже. То есть тоже рад тебя видеть.

– Что-то мы с тобой расчувствовались. Как-то это не по-английски.

Еще один внимательный взгляд.

– Думаю, лекция будет кстати. Я вижу, ты несчастлив?

– Так или иначе, небеса меня не интересуют. Плеснуть тебе чего-нибудь?

– Нет, спасибо.

Натаниэль поднялся из кресла, неуклюже взмахнул руками и задумчиво уставился в никуда. Обведя взглядом комнату, он подошел к стене, оперся костлявым задом о книжную полку и вытянул свои непомерные ходули, широко расставив их на полу. Наконец он обрел относительную устойчивость и поднял глаза на справочник.

– Это можно назвать беседой о том, как умирать.

– Ты умрешь намного раньше меня. Вечер холодный, а как ты одет?

Натаниэль бросил взгляд в смеющееся окошечко, потом на себя.

– Правда? Да, наверное.

– А я собираюсь прожить чертовски долгую жизнь и получить от нее что хочу.

– Что именно?

– Много чего.

– Но ты несчастлив...

– Да что ты пристал? Кто бы говорил!

– Между нами существует какая-то связь. Что-то должно случиться, что-то нам обоим предначертано. Тебе дано выдержать многое...

- Ради чего?
- Чтобы попасть на небеса.
- В ничто?
- Научиться умирать.
- Нет уж, спасибо. Не будь ребенком, Нат.
- Ты сможешь, я...

Лицо Ната вдруг изменилось: щеки болезненно вспыхнули, глаза широко раскрылись и надвинулись.

– Я... у меня предчувствие. Пожалуйста, не смейся. Такое ощущение... что я знаю. – Нат перевел дыхание. Длинные ноги шаркнули по полу. – Я знаю, как важно именно тебе узнать про небеса... понять, что это значит. Пройдет несколько лет...

В комнате воцарилась тишина. Двойная – звон колоколов за окном внезапно стих, словно все звуки прекратились одновременно с голосом. Горящая сигарета злобным жалом вонзилась в руку, боль стрельнула в руку, вспыхнула внутри костяной сферы. Вскрикнув, он отшвырнул окурок и растянулся на полу, шаря под креслом и отдавливая бока о твердую поверхность. Недосказанные слова звенели в ушах, сердце колотилось от внезапного ужаса понимания.

- ...и ты умрешь.
- Придурок! – в страхе и ярости выкрикнул он. – Чертов кретин!

Слова эхом отозвались в расщелине, голова дернулась, помятая щека оторвалась от клеенчатого рукава. Уже совсем рассвело – вокруг солнечный свет и гомон чаек.

- Хрен вам, не дождетесь!

Он поспешно выкарабкался из щели и поднялся во весь рост. Море и небо были темно-синими, солнце стояло высоко, и его отражение в воде уже не слепило. Ощувив на лице горячие лучи, он потер заросшие щетиной щеки, быстрым взглядом окинул горизонт и спустился в соседнюю впадину. Стыдливо оглянувшись, занялся застегками брюк и вдруг, впервые с тех пор как очутился на скале, разразился хохотом, ломая застывшую маску лица. Затем поднялся к каменному гному на вершине и стал мочиться, направляя струю в море, словно из шланга.

«Уважаемых посетителей просят оправиться перед уходом».

Повозился с пуговицами плаща, с яростью сдернул его. Потянул за тесемки под бушлатом, развязал спасательный пояс, сбросил с себя то и другое. Свалил в кучу тяжелую намокшую одежду и постоял, рассматривая полоски золотого шитья на рукавах, блестящие пуговицы, черную ворсистую ткань кителя и брюк. Затем скинул остальное – китель,

шерстяной свитер, рубашку, длинные гетры, нижнее белье – и осмотрел свое тело.

Ноги настолько разбухли от воды, что их было трудно узнать. Разбитый большой палец почернел от ушиба и засохшей крови. Колени сплошь в синяках и ссадинах, с содранной кожей. На правом бедре зловеще синело пятно, словно кто-то приложил к нему руку, испачканную краской. Правый локоть распух и онемел, вокруг виднелось еще несколько синяков. Все тело покрылось пятнами кровоподтеков. Он ощупал щетину на лице. Правый глаз заплыл, щека была горячей и твердой.

Грубая ткань настолько пропиталась влагой, что отжать ее удалось лишь придавив один край ногой и работая обеими руками. Прodeлав это со всеми вещами, он разбросал одежду сушиться на солнце. Усевшись рядом с каменным гномом, пошарил в кармане кителя и достал пачку размокших документов и коричневую книжечку. Краска, потекшая с корочек, покрыла остальные бумаги словно бы ржавчиной.

Разложив документы вокруг, он принялся за другие карманы. Нашел две монетки по пенсу и одну в два шиллинга, сложил их стопкой на скале. Вытащил из кармана плаща нож с прикрепленным к нему ремешком и повесил через плечо. Нащупал небольшой диск, свисавший с шеи на шнурке, подергал его, криво ухмыляясь, потом поднялся и стал пробираться по камням к запруде с пресной водой. Протиснулся в дыру, наклонился – со дна поднимались красноватые кольца, напоминая о другом конце впадины, перегороженной камнями и закупоренной илом. Затаив дыхание, он осторожно отодвинулся, вылез наружу и стал спускаться к морю, преодолевая барьеры и канавы. Вода стояла низко, и поверхность утесов кишела живым студнем в ракушечных доспехах. Прямо под ногами, вблизи самой кромки, пища подсохла и что-то бормотала, шурша и потрескивая. Морщась от боли, он стал спускаться вниз, перебираясь от одной точки опоры к другой и натываясь на острые края ракушек. Мидии никак не хотели отрываться от скалы, пришлось с силой выкручивать и выдирать их, словно кости из суставов, обрывая сухожилия. Он забрасывал ракушки вверх, и они со стуком падали на скалу. Зависнув над волнами, он усердствовал, пока ноги не задрожали от напряжения, потом взобрался на утес, передохнул и снова спустился. Некоторые ракушки достигали четырех дюймов в длину. Задышавшись от усталости, присел на скалу и занялся разбросанным вокруг уловом. Мидии совсем не походили на нежные красные леденцы – створки раковин были крепко сжаты, точно склеены, не пропуская лезвие ножа. Положив ракушку на скалу, он колотил по ней рукояткой ножа, пока не треснул панцирь. Извлек слоистое

содержимое и отвернулся, глядя на море.

– Ничего, в Бельгии едят.

Он заглотнул мякоть. Сжав зубы, взял следующую ракушку. Вскоре на высохшем камне лежала целая кучка желтовато-белой водянистой плоти. Он смотрел на горизонт и усиленно работал челюстями, дергая заплывшим правым глазом. Пошарил вслепую, обнаружил, что кучка иссякла, спустился с утеса и набрал еще. Вскрывая ракушки резкими точными ударами, он покончил с мидиями, оторвал от скалы еще несколько красных леденцов, бросил в рот. Сжевал пучок водорослей, словно лист салата. Зеленое, красное – какая разница. Вернувшись к луже с пресной водой, он протиснулся в щель и какое-то время лежал, глядя на дрожащие блики отраженного света. Осторожно смочил губы, так что слой красного ила едва шевельнулся, и снова лег. Потом выбрался из дыры, вскарабкался на вершину скалы и оглядел горизонт – ровная четкая линия, ни единого пятнышка.

Документы еще не просохли, но он поднял коричневую книжечку и раскрыл. Внутри, под прозрачной пленкой, смутно виднелась фотография: аккуратная прическа, уверенная улыбка, белый шелковый шарф... Мелкие детали исчезли. Молодой человек, чья улыбка едва пробивалась сквозь туман и пятна, был так же далек, как прадеды и прабабки на древних фотоотпечатках, подцвеченных сепией.

Он старался разглядеть черты, которые скорее помнил, чем видел. Угадывая под улыбкой на снимке гладкую кожу, притронулся к заросшей щеке, пригладил свалявшиеся волосы, осторожно ощупал распухшее веко. Рядом с фотографией виднелась надпись, но совсем смазанная и размытая. Он положил книжечку обратно и снова нащупал диск на шнурке. Потянул за него, подняв к здоровому левому глазу, и немного отвел, чтобы прочитать.

КРИСТОФЕР
ХЭДЛИ
МАРТИН
Мл. лейт., Резерв ВМС
Англиканец

Он разбирал надпись по буквам, шевеля губами. Потом, уронив диск, посмотрел на разбитые колени с белой коркой соли, на волосатый живот – и удивленно произнес хриплым голосом:

– Кристофер Хэдли Мартин. Мартин. Крис. Это же я!

Он вырвался наконец из костяной сферы черепа, вступив во владение всем телом. Он снова существует – всплыл на поверхность оживших глаз, обрел воздух и свет. Сверху падают солнечные лучи, внизу искрится море. Под ногами твердая скала, покрытая белыми слоями птичьего помета, реальная точка в океане, имеющая широту и долготу. Здесь вдоволь пресной воды и моллюсков, а за горизонтом проходят настоящие корабли. Он быстро поднялся на ноги и побрел вокруг скалы, переворачивая разбросанную на солнце одежду. Понюхал трусы, рассмеялся. Вернулся к документам, поворошил их. Поднял монеты, подбросил в руке и уже собирался было зашвырнуть в море, но остановился.

– Слишком театрально.

Он посмотрел на спокойное море.

– Я из себя героя не строю. Но у меня есть здоровье, образование и разум. Меня так просто не возьмешь.

Море не ответило. Он глуповато ухмыльнулся.

– Настоящим удостоверяю свою решимость выжить... Говорю сам себе, ясное дело. – Он окинул взглядом скалу. – Первым делом надо обследовать владения.

Скала из неведомого острова превратилась просто в скалу. В лучах солнца, когда мучительный холод отступил, ее можно было не только увидеть, но и понять. Загадочные впадины представляли собой выветренные концы вертикальных пластов, а стенками служили уцелевшие слои более прочной породы. Когда-то, под действием внезапных судорог земных недр, сдавленный и разогретый слой первобытных отложений прорвался, и его обломок вознесся вверх, вспарывая ил и глину, словно растущий зуб, прорывающий мякоть десны. Менее спрессованные слои постепенно разрушились, превратившись во впадины с зазубренными краями, похожие на истрепанные книжные страницы. Стенки кое-где разрушились, и их куски разбросало по дну впадин. Скалистый склон уступами спускался вниз, расщелина за расщелиной, с запада на восток.

Стены отвесных утесов подточила вода, их разъели в кружево обширные колонии живых организмов. Вершину скалы устилала затвердевшая белая масса, покрытая зловонной водой, а ниже – там, где синели ракушки разбитых мидий, – поверхность оставалась чистой или была облеплена моллюсками и водорослями. Дальше шла полоса мелководья, за ней торчала скала поменьше, потом еще одна и еще несколько, вытянувшиеся в слегка изогнутую линию, за которой отмель заканчивалась, и море круто поднималось вверх, встречаясь с небом.

Мрачно глядя в грядущие скалы, он поймал себя на мысли, что видит

в них зубы. Вот они, один за другим возникают из челюсти... нет, не так – опускаются, вернее, сглаживаются в бесконечном, медленном движении. Старые зубы, коренные, совсем стертые за ту вечность, в течение которой перемалывали то, чем питаются скалы.

Он в раздражении помотал головой. Дыхание перехватило от внезапной боли в шее.

– Нет, такой долгий процесс не может иметь отношения к...

Слова оборвались, он взглянул в небо, оглянулся через плечо. Повторил:

– Такой долгий процесс...

В звуках, вылетающих изо рта, слышалось что-то странное, и дело было вовсе не в хрипоте от возможной простуды или надрыва голоса.

Он громко пропел:

– Alouette, gentille Alouette...

Потом, зажав нос пальцами и надув щеки, попытался прочистить уши, но ожидаемого щелчка не последовало. Глаза болели и слезились. Он нагнулся, упираясь руками в избитые колени, сильно потряс головой. Не обращая внимания на боль в шее, покрутил ею изо всех сил, в надежде почувствовать воду в ушах.

Выпрямился и, повернувшись к широкой морской глади, спел гамму:

– Ла-ла, ла, ла, ла, ла ла-ла!

Звук замер во рту.

Встав в позу, продекламировал:

– Усталый месяц с фонарем в руке в дверях рассвета топчется в тоске...

Слова, дрожа, растворились в пустоте. Он поднес руку ближе к лицу.

– Проверка. Проверка. Принимаю тебя, сила...

Сомкнув губы, медленно опустил руку. Небесный свод, синий, как в ледяном эскимосском иглу, ушел ввысь, видимое пространство раздвинулось скачком. На крошечную скалу посреди Атлантики набегали океанские валы. С внезапно напрягшимся лицом он шагнул между разбросанными бумагами.

– Боже мой!

Он вцепился в каменного гнома и прижался к его сгорбленным плечам, раскрыв рот и уставившись в пространство. Сердце колотилось так, что вздрагивала кожа между ребрами. Костяшки пальцев побелели от напряжения.

Раздался скрежет. Каменная голова гнома отвалилась и с грохотом покатилась с утеса вниз. Шумно плеснула вода.

Бормоча проклятия, он спустился по склону вниз, схватил первый попавшийся камень и попытался отволочь наверх, но сдвинул всего на пару шагов. Чертыхаясь, рухнул на камень. В пределах досягаемости не было ничего подходящего. Он кинулся на вершину и замер, в ужасе глядя на обезглавленную пирамиду. Спустился обратно к неподъемному камню и принялся за него всерьез, ворочая с боку на бок и расчищая путь к вершине. Тело совсем выбилось из сил, руки кровоточили. Наконец, обливаясь потом среди раскиданных бумаг, он разобрал гнома и установил на новом камне, который в конечном счете оказался не таким уж тяжелым для человека с образованием, разумом и волей.

Четыре фута.

Он затолкал в щели твердые белые картофелины.

– В зарослях крапивы опасностей мы сорвем...

Воздух впитал голос, как промокательная бумага.

Держись.

Образование и разум.

Стоя рядом с гномом, он снова заговорил, словно перед недоброжелательной аудиторией, не считаясь с тем, внимают ему или нет.

Конечная цель – спасение. А для этого как минимум надо выжить. Необходимо поддерживать в теле жизнь, дать ему воду, пищу и укрытие. Хорошо или плохо у меня выходит, главное, чтобы вообще что-нибудь получалось. Пока нить жизни не оборвалась, она будет связывать будущее с прошлым, несмотря на эту страшную паузу. Таков пункт первый.

Пункт второй: надо быть готовым к болезням. Подвергая тело лишениям, нельзя ждать, что оно, бедное, станет вести себя как в уютном гнездышке. Нужно быть начеку и реагировать на первые признаки недомогания.

Пункт третий: следить за психикой. Не дать безумию застать меня врасплох. Уже сейчас, в любой момент, могут появиться галлюцинации. Вот где начинается настоящая борьба – надо говорить вслух, даже если ничего не услышу. В обычной обстановке беседа с самим собой – признак сумасшествия, но здесь это доказательство сохранения личности.

Пункт четвертый: без моей помощи меня не спасут. Главное – оставаться на виду. У меня нет даже палки, чтобы нацепить на нее рубаху, а они могут пройти мимо скалы и даже бинокль на нее не наведут. Но если посмотрят, то увидят Гнома, сообразят, что кто-то его сложил, и заберут меня. Остается только выжить – и ждать. И не терять чувства реальности.

Он твердо взглянул на море и тут же обнаружил, что снова смотрит через окно, находясь внутри собственного тела в верхней его части. Оконный просвет был ограничен сверху надбровными дугами и разделен на три проема двумя прозрачными очертаниями носа. Правый просвет тонул в тумане, а внизу все три сливались воедино. Если опустить взгляд, то сквозь щетинистую изгородь небритой верхней губы виднелась скала. По сторонам окна разливалась непроницаемая тьма, заполняя все тело. Он подался вперед, пытаясь выглянуть за пределы окна, но окно тоже наклонилось. Насупив брови, он на мгновение изменил форму рамы, поочередно направил трехстворчатое окно во все стороны горизонта, потом мрачно произнес:

– Обычное дело, ничего особенного.

Решительно тряхнув головой, он принялся за работу. Обратил окно на собственное тело и придирчиво оглядел кожу. Над шрамами появились большие розовые пятна.

– Обгорел на солнце!

Схватил нижнюю рубашку, натянул на себя, потом трусы. Тонкая ткань почти высохла. Прозрачные окна вновь стали обычным полем зрения. Он подобрал бумаги, сложил в удостоверение личности и спрятал все в карман бушлата, потом прошелся, проверяя, высохла ли верхняя одежда. На ощупь она казалась не столько сырой, сколько тяжелой, отжимать было уже нечего, и пальцы оставались сухими, но в тех местах, где она лежала, на камнях оставались влажные следы, медленно исчезающие на солнце.

– И зачем только я скинул сапоги... – Промокательная бумага жадно впитала звуки.

Он опустился на колени и стал осматривать плащ. Потом вдруг вспомнил о карманах. Вытащил клеенчатую шляпу зюйдвестку, с которой стекала вода, и вязаный шлем. Разгладил их, отжал как следует и разложил на камнях, затем, напрягшись в ожидании, принялся за другой карман. Пошарив поглубже, нашел позеленевший полупенсовик, обрывок веревки и скомканную обертку от шоколада. Очень осторожно развернул фольгу, однако внутри ничего не оказалось. Он вплотную приблизил лицо к блестящей серебряной обертке, скосил глаза и пригляделся: в одной из складок уцелела коричневая крошка. Он высунул язык и лизнул. Мгновенное, почти болезненное ощущение сладости вспыхнуло и исчезло.

Прислонившись к Гному, он натянул носки. Закатал верх толстых гетр – сойдут вместо обуви.

Он откинул голову и закрыл глаза. Солнце светило через плечо, внизу плескалась вода. В голове проносились череда образов, звучали голоса. Он ощущал все признаки сонливости, но провалиться в глубокий сон никак не получалось. Существо в центре сферы не знало усталости.

– Сейчас бы вытянуть пинту-другую, поесть горячего – да в кровать, на чистые простыни. Нет, сначала – горячую ванну...

Молчание. Существо внутри перескакивало с мысли на мысль. Вспомнив, что речь подтверждает целостность личности, он зашевелил губами:

– До тех пор пока я всего этого хочу, но не слишком невыносимо, пока могу сказать себе, что я один на скале посреди Атлантики и должен выжить, я продержусь. В конце концов, в отличие от кретинов с кораблей Его Величества мне ничто не угрожает. Они понятия не имеют, когда взлетят на воздух, а эта скала... хотел бы я посмотреть, кто сумеет сдвинуть ее хоть на дюйм.

То что не могло познать себя, продолжало метаться во тьме.

– Что ж, в конце концов, днем спать ни к чему. Оставим сон для кошмарных ночей.

Он резко встал и окинул взглядом горизонт.

– Время поесть. Одеться к обеду.

Скинув закатанные гетры, он надел все, кроме бушлата и плаща, потом натянул гетры поверх брюк, до самых колен. Огляделся и вновь заговорил:

– Это место я назову Наблюдательный пост. Здесь стоит Гном. Та скала на солнце, к которой я приплыл, – скала Спасения. Место, где я добываю мидий и все прочее, будет Столовым утесом. Обедаю я в «Красном льве». Южный утес, где пучки водорослей, – Панорамный, а тот, западный, с воронкой...

Он замолчал, подбирая название. Чайка, парящая в лучах солнца, приблизилась, увидела две фигуры, стоящие на Наблюдательном посту, пронзительно крикнула, легла на крыло и унеслась прочь. Потом вернулась, нырнула вниз и пропала внутри утеса. Он подошел к краю и заглянул вниз. С левой стороны вниз обрывался гладкий, почти вертикальный спуск, переходящий в воронку. Справа часть стены скрывал выступающий угол верхней площадки. Он опустил на четвереньки и заглянул вниз. Утес просматривался еще немного, затем пропадал из виду. Ближе к подножию скалу было снова видно. На солнце блеснуло птичье перо.

– От скалы отвалился кусок.

В глубине воды угадывались твердые угловатые очертания. Он отодвинулся от края и выпрямился.

– Утес Птичий.

На горизонте было по-прежнему пусто.

Он спустился по скале вниз, к «Красному льву».

– Вспомнить бы название всего рифа. Капитан сказал «почти в точку» и засмеялся. Так и вертится на языке... А еще нужно придумать название для перехода между Наблюдательным постом и «Красным львом». Пускай будет Хай-стрит.

Скала потемнела. Он оглянулся: солнце опустилось за пирамиду, и она казалась сказочным великаном. Он направился к Столовому утесу, облепленному ракушками. Распластавшись, повис, опустившись к волнам, и выкрутил несколько мидий. Начался прилив, раковины пришлось доставать из-под воды. Вскрабкался обратно и принялся за еду. Огромный черный силуэт скалы расплылся на фоне вечернего неба. Нависшая тень казалась огромной, как горный пик. Он поглядел в другую сторону, где в темном море торчали три скалы поменьше.

– А вас, скалы, я нарекаю Оксфорд-серкус, Пиккадилли и Лестер-сквер!

Он направился к пещере с питьевой водой и заполз внутрь. В

отверстие наверху, у дальнего края лужи, все еще проникал слабый свет. По воде пробегала едва заметная рябь, но красные кольца были уже невидимы. Он осторожно нащупал пальцем илистое дно.

– Ничего, дождь еще будет.

И вдруг резко отпрянул. В пещере был кто-то еще. Чужой голос что-то сказал, почти одновременно с ним. Звук исходил от воды и от каменной плиты.

Сердце утихло. Способность рассуждать вернулась и он понял, в чем дело. Обычное эхо, так давно не слышанное, почти позабытое. Стало быть, здесь, в замкнутом пространстве, его голос звучит в полную силу? Помолчав, он сосредоточился и произнес:

– Дамы и господа, здесь, внутри, цельность личности не вызывает сомнений... – Резко умолк и прислушался.

– ...мнений.

– Дождь будет.

– ...будет.

– Как поживаете?

– ...аете?

– Я выживу. Опутаю названиями все вокруг и приручу это место. Кто-то, может, и не понял бы, как это важно. Название налагает печать, заковывает в цепь. Я не подчинюсь здешним правилам, напротив, навяжу свои. Здесь мой распорядок, моя география. Все будет звучать по-моему. Пусть мои слова не звучат снаружи, буду разговаривать здесь, где звуки имеют значение, подтверждая, что я существую. Я соберу дождевую воду и сохраню ее здесь. Использую свой мозг как инструмент, и добьюсь всего, чего хочу – удобства, безопасности. Добьюсь, что меня спасут... Итак, завтрашний день объявляется днем размышлений!

Он вылез из пещеры, вскарабкался по Хай-стрит на Наблюдательный пост и остановился рядом с Гномом. Напялил на себя всю одежду, натянул мокрый шлем, водрузил на голову зюйдвестку и застегнул ремешок под подбородком. Быстро оглядел горизонт, прислушался к слабому шуму, доносящемуся из невидимого гнезда на Птичьем утесе, и снова спустился по Хай-стрит к своей спальне. Сел на стенку у входа и обмотал ноги свитером. Затем, извиваясь, втиснулся внутрь, расправляя руками плащ и бушлат, туго надул спасательный пояс и завязал спереди тесьмой. Получилась достаточно большая и мягкая подушка. Положив голову в зюйдвестке на подушку, он дюйм за дюймом втиснул в щель руки, вытянув их вдоль тела, и произнес, глядя в небо:

– Насушу водорослей и выложу ими постель. Устроюсь, как блоха в

ковре.

Он закрыл глаза.

– Так. Теперь расслабить мышцы, по очереди, одну за другой...

Сон можно внушить, как и многое другое.

– Трудно обустроиться на голой скале, столько всего нужно сделать.

Ничего, зато не скучно.

Сначала мышцы ног.

– Будет о чем порассказать! Неделя на скале. Лекция по технике выживания, читает лейтенант... А почему бы не капитан-лейтенант или старший помощник? Ордена и все прочее...

«Итак, прежде всего надо помнить, что...»

Глаза вдруг широко распахнулись.

– А сам и не вспомнил! Напрочь забыл! Почти неделю не опорожнялся, с тех самых пор, как свалился с проклятого мостика. Ни разу!

Отвороты зюйдвестки прикрывали уши, и он не слышал, как странно звучит голос. Мысли продолжали вертеться вокруг работы кишечника. Перед глазами замелькали картинки: хром, фаянс и прочее. Вот он положил зубную щетку и смотрится в зеркало. Процесс еды необыкновенно важен, оттого и превращается в церемонию. Фашисты используют его для наказания, религия сделала обрядом, а для людоедов это и ритуал, и лекарство, и способ напрямую утвердить свою победу. Убил и съел. Впрочем, съесть можно и не так вульгарно. Можно пустить в ход и половой член, и кулаки, и голос – и даже подкованные ботинки. Покупать и продавать, плодиться и размножаться, наставлять рога – и всем этим поглощать, поглощать...

Кстати, о рогах. Он отвернулся от зеркала, затянул пояс халата и открыл дверь ванной. Навстречу двигался Альфред, как будто само слово «рога» заставило его материализоваться. Совсем другой Альфред – бледный, потный, дрожащий, он почти бежал. Занесенный кулак удалось перехватить. Он вывернул Альфреду руку, да так, что тот зашипел от боли.

– Привет, Альфред! – Он усмехнулся, вспомнив о всеобщем законе поедания.

– Паршивая свинья!

– А ты не суй нос куда не просят, коротышка.

– Кто там у тебя? Говори!

– Тихо, тихо, успокойся, зачем шуметь?

– Не притворяйся, что там кто-то другой! Мерзавец! Боже мой...

Они стояли у закрытой двери. По щекам крошки Альфреда текли слезы. Он потянулся к дверной ручке.

- Крис, скажи, кто она. Я должен знать, ради бога!
- Не переигрывай!
- А ты не делай вид, что там не Сибилла! Подонок, грязный вор!
- Хочешь взглянуть?

Икнув, Альфред попытался выдернуть руку.

- Значит... не она? Кто-то другой? Ты не врешь, Крис, честно?
- Чего не сделаешь ради старого друга. Гляди.

Дверь открывается. Сибилла, слабо вскрикнув, натягивает простыню до ушей, словно в постельной сцене из фарса... а впрочем, так оно и есть.

– Честное слово, Альфред, дружище, можно подумать, ты на ней уже женат...

Но процесс поедания как-то связан с китайской шкатулкой. Что еще за шкатулка? Гроб? Или несколько коробочек из слоновой кости, вложенных друг в друга? Так или иначе, китайская шкатулка что-то тут значила...

Он лежал, словно изваяние, раскрыв рот и удивленно таращась в небо. Отчаянная борьба и слюнявые всхлипы жалкого человечка все еще вызывали ответную реакцию набравшегося сил тела, зажатого в каменной щели.

Прочистив горло, он произнес:

- Где я, черт возьми, где я нахожусь? И где я был?

Он с трудом перевернулся и прижался щекой к спасательному поясу.

- Не могу уснуть.

Тем не менее сон необходим. Его недостаток сводит с ума. Он заговорил вслух, и спасательный пояс вздрогнул под челюстью.

– Значит, я спал и видел сон про Альфреда и Сибиллу. Надо опять заснуть.

Он умолк и задумался о сне, но мысли все время ускользали.

Надо думать о женщинах – или о еде. Подумай, как поедал женщин и мужчин, как с хрустом проглотил Альфреда, и ту девушку, и того паренька, продукт тупого и неудачного эксперимента. Лежи бревном и думай о прогрызенном до сих пор жизненном тоннеле, который так неловко прервался – на этой скале.

- Назову те три скалы... Зубы!

В тот же миг руки вцепились в спасательный пояс, мышцы отчаянно напряглись, сдерживая сильнейший приступ дрожи.

- Нет! Только не Зубы!

Зубы здесь, во рту. Он ощупал их языком: двойной барьер из кости, каждый на своем месте, знакомый и отдельный – как воспоминание, если подумать. Но лежать на гряде зубов посреди океана...

В отчаянии он переключился на размышления о сне. Сон приходит, когда исчезает контролер сознания, сортировщик мыслей. Тогда весь разрозненный мусор высыпается наружу, как из бака, опрокинутого порывом ветра. Время перестает двигаться по прямой, вот почему Альфред и Сибилла оказались здесь, на скале, – и тот сопляк тоже. Или это примирение со смертью: полностью выключиться, признать распад личности, откровенно согласиться с тем, что мы всего лишь временные создания, слепленные на скорую руку и не способные выдержать гонку без ежедневной передышки, без ухода от того, что считаем нашим главным...

– Почему же я не могу уснуть?

Во сне мы прикасаемся к тому, о чем лучше не знать. Там вся наша жизнь, связанная в узел, сжатая в кулак. Там наша тщательно оберегаемая и лелеемая личность – единственное наше сокровище и в то же время единственная защита – должна умереть, раствориться в конечной истине. Черная молния испепеляет и разрушает все, превращая в абсолютное, неоспоримое ничто.

И вот я лежу здесь, закованный в клеенчатую броню, втиснутый в щель, кусок пищи для зубов, сточившихся за долгую жизнь этого мира.

– Боже мой! Почему я не могу уснуть?

Вцепившись в спасательный пояс, он приподнял голову, всматриваясь в глубину мрачного тоннеля, и прошептал, испытывая изумление и ужас:

– Я боюсь.

Освещение менялось, однако так медленно, что открытые глаза не замечали разницы. На самом деле они видели лишь нагромождение бессвязных картинок, которые появлялись как попало. Непонятное молчаливое существо все еще плавало в центре, но теперь оно, казалось, утратило способность отличать картинки от реальности. Время от времени приоткрывалась дверца в нижней части шара, покоившегося на подушке спасательного пояса, и из нее выходили слова. Фразы были разделены яркими блестящими картинками и сценами, в которых существо принимало участие и потому не могло точно знать, о чем идет речь.

– Я же говорил, что меня стошнит.

– Вода. Пища. Разум. Спасение.

– Назову их...

Блестящие картинки продолжали мелькать. Они все время менялись – не как облака, меняющие форму, а полностью, с внезапной сменой места и времени.

– Садитесь, Мартин.

– Есть, сэр.

– Мы рассматриваем вопрос о присвоении вам офицерского звания. Сигарету?

– Благодарю вас, сэр.

Неожиданная улыбка над щелкнувшей зажигалкой.

– Вам уже дали прозвище на нижней палубе?

Ответная улыбка, сияющая, но почтительная.

– Боюсь, что так, сэр. Это неизбежно.

– Ну да, как Пыльный Миллер или Стиляга Кларк.

– Вот именно, сэр.

– Ну и как вам служится?

– Можно сказать, терпимо, сэр.

– Нам нужны люди умные и образованные, но самое главное, с характером. Почему вы пошли на флот?

– Я считал, что должен... в общем, помочь, сэр. Ну, вы меня понимаете.

Пауза.

– Значит, вы были актером?

Осторожно:

– Так точно, сэр. Боюсь только, не слишком хорошим.

– Пробовали писать?

– Пока ничего особенного, сэр.

– Кем же вам хотелось быть?

– Понимаете, сэр, все это не то... не всерьез. То ли дело здесь! Чувствуешь, что занимаешься настоящим делом. Меня флотская жизнь привлекает.

Пауза.

– Почему вы хотите получить офицерское звание, Мартин?

– Простой матрос, сэр, это всего лишь крошечный винтик в машине. У офицера больше возможностей бить фрицев по-настоящему.

Пауза.

– Скажите, Мартин, вы пошли на флот добровольцем?

В бумагах все сказано, нет чтобы самому взглянуть.

Искренне, глядя в глаза:

– Сказать по правде, нет, сэр.

Невозмутимое лицо уроженца Дартмута покрывается смущенным румянцем.

– Мартин, вы свободны.

– Есть, сэр! Благодарю вас, сэр!

Лицо заливает краска, как у юной девицы.

– Она жена продюсера, парень. Ты соображаешь, куда лезешь?

Совсем крошечный французский словарик, похожий на огромный красный ластик.

Стершаяся позолота на черной лаковой шкатулке для денег.

Образ китайской шкатулки все время ускользал: не то резная коробочка из слоновой кости (внутри, одна в другой, еще несколько таких же), не то ящичек – вроде тех, где хранят деньги. При всей неуловимости в шкатулке крылось что-то важное и в то же время навязчивое.

Она жена продюсера. Толстая. Белая. Жирная белая личинка с черными глазками. Я бы тебя съел. Я бы сыграл Дэнни. С удовольствием. Я с радостью дала бы тебе роль. Как я могу тебе что-то дать, пока тебя не съем? Он гомик, он сам бы тебя съел. И я бы тебя с удовольствием съела. Ты не личность, моя прелесть, ты инструмент для получения удовольствия.

Китайская шкатулка.

Меч – это фаллос. Вот это шутка! Фаллос – это меч. Лежать, пес, лежать. Лежи смирно, знай свое место.

Он вскрикнул от неожиданности: перед глазами внезапно возник чей-то профиль. Голова одной из пернатых рептилий. Усевшись на каменной плите, тварь скосила на него блестящий глаз. От его крика широкие крылья забились, захлопали и унеслись прочь. В тот же миг синее небо и камень скрыла глянцевая картинка, яркое пятно: то ли восьмерка, лежащая на боку, то ли круг. В круге плескалось море, над которым кружили чайки – садились, покачивались на волнах, что-то клевали и дрались. Под ногами качнулась палуба, и на мостике воцарилась гнетущая тишина. В воде вдоль борта скользнуло нечто убогое, обещанное и неподвижное, служащее для удовлетворения дерущихся клювов.

Он выполз из расщелины на солнце и встал на ноги.

– Я проснулся!

Крик растаял в воздухе.

Глубокая синева с белыми пятнами и ослепительными солнечными бликами. Пышно взбитая пена вокруг Трех скал.

Прочь, ночные кошмары!

– Сегодня день размышлений.

Быстро раздевшись до брюк и свитера, он расправил одежду на солнце и спустился к «Красному льву». Вода стояла низко, и ракушек было хоть отбавляй.

Мидии вполне годились в пищу, но быстро надоедали. Мелькнула мысль, не набрать ли леденцов, но желудок решительно отверг ее. Вспомнилась крошка шоколада, оставшаяся в смятой блестящей фольге. Рот механически пережевывал мидии, а перед глазами на солнце ярко вспыхивало серебро.

– Может, меня сегодня спасут.

Повертев мысль в голове, он нашел, что она оставляет его безучастным, так же как и мидии – неприятные на вкус, как пресная вода в запруде. Он добрался до пещеры и заполз внутрь. Полоса красного осадка у края была около двух дюймов шириной.

Он крикнул в дыру, где жило эхо:

– Дождь еще будет!

Целостность личности.

– Нужно промерить лужу и установить норму. Надо придумать, как достать столько воды, сколько хочется. Нельзя остаться без воды.

Колодец. Пробить в скале. Собирать росу. Огородить глиной и

соломой. Осадки. Образование. Разум.

Он попробовал пальцем воду. Рука погрузилась до костяшек, кончик пальца коснулся ила и тины. Дальше – камень. Он вздохнул. Дальше, под отверстием в крыше, лужа выглядела глубже.

– Дурак полез бы вперед и понапрасну расплескал воду, чтобы только лишь узнать, сколько еще осталось. Я сделаю иначе – дождусь, пока воды поубудет, и тогда посмотрю. А дождь пройдет еще раньше.

Он вернулся к одежде, достал фольгу и обрывок веревки и вскарабкался обратно к Гному.

– Восток или запад бесполезны. – Слова падали на промокательную бумагу и исчезали. – Если конвой появится оттуда, скалы ему так или иначе не миновать. Однако он может появиться с юга или, что менее вероятно, с севера... но солнце не светит с севера. Стало быть, делаем ставку на юг.

Он снял голову Гнома и осторожно положил на скалу. Стоя на коленях, разгладил фольгу, пока она не засияла, затем плотно прижал ее к голове и обмотал обрывком веревки. Поставил верхний камень на место, отошел к южному краю Наблюдательного поста и уставился в блестящее безглазое лицо, отражавшее солнечный свет. Он немного присел, согнув колени, чтобы взгляд был на уровне фольги, в которой все еще виднелся искаженный лик солнца. Не распрямляясь, он описал медленную дугу, насколько позволила южная оконечность Наблюдательного поста. Солнце не исчезало. Он снова снял с Гнома серебряную голову, и, до зеркального блеска отполировав фольгу гетрой, установил камень. Солнце подмигнуло золотым глазом. На вершине скалы стоял самый настоящий человек с мигающим сигналом на плечах.

– Меня спасут сегодня.

Чтобы придать своему бессмысленному утверждению силу и глубину, он попытался станцевать, однако, исполнив несколько движений, застыл с искаженным от боли лицом.

– Черт, ноги...

Он сел, прислонившись к Гному с южной стороны.

Сегодня день размышлений.

– Не так уж плохо получилось.

Лицо нахмурилось, изменив очертания свода над зрительным окошком.

– В идеале, конечно, камень должен иметь сферическую форму. Тогда, с какой бы стороны ни появился корабль, солнечные лучи, отраженные от Гнома, попадут в цель. Даже если корабль пройдет за линией горизонта, отблеск смогут разглядеть с марсовой площадки – он последует за судном и

не отпустит, как рука закона на плече преступника, пока даже самый тупой из матросов не поймет, в чем дело.

Горизонт был по-прежнему пуст.

– Нужен шар. Может, удастся придать нужную форму с помощью другого камня? Стану еще и каменщиком. Кто это высекал пушечные ядра из камня? Микеланджело? Где бы найти камень покруглее... Ни минуты покоя. Прямо как в той комедии с Томми Хэндли!

Спустившись к морю, он заглянул за край маленького утеса с мидиями, но ничего подходящего не заметил. Среди зеленых водорослей на пути к Трем скалам лежала масса камней, но он направился к Панорамному утесу, спустился по уступам к низкой воде и увидел лишь пучки резко пахнущих водорослей. Утомленный спуском, он ненадолго завис над морем, обшаривая глазами изъеденную кораллами стену в поисках чего-нибудь стоящего. Лицо почти касалось розовой пленки, тонкой и блестящей, как глазурь на пирожных. Дальше розовая поверхность, словно поменяв настроение, становилась красновато-пурпурной.

Он провел пальцем по стене. На флоте такая краска называлась «румянец служанки». Неопытные руки матросов военного времени расходовали ее целыми галлонами. Считалось, что в самые опасные предрассветные часы корабль под таким камуфляжем сливается с морем и воздухом. Целые поля затвердевшей розовой краски наслоились по бортам, вокруг иллюминаторов, на козырьках орудий и даже в жилых помещениях всех кораблей Северного патруля – совсем как розовая глазурь или коралловые поселения на рифах. Он поднял лицо от кожуха бомбомета и, повернувшись, стал взбираться по трапу на мостик.

Должно быть, и в Треселлине повсюду этот цвет. Там-то Нат и взял ее – в обоих смыслах, да еще благодарил за подсказку.

Корабль сильно качало. Нат как раз спускался по верхнему трапу, осторожно переставляя длинные ноги, точно паук-сенокосец, и пытаясь удержать равновесие. Лицо и фуражка, внезапно возникшие впереди, представляли трудную проблему, но он героически разрешил ее, ухитрившись отдать честь и не упасть.

– Привет, Нат! Как служба? Все отлично?

В ответ – преданная улыбка, хотя и слегка болезненная. Бодрее, приятель.

– Так точно, сэр.

Давай, вали на корму, болван неуклюжий.

Наверх, наверх. Мостик, слабый ветерок, полдень.

– Эй! Средний курс ноль-девять-ноль. Идем зигзагом, сейчас заг, один-

один-ноль. Держится мертво, не болтает по всему океану, как в конце твоей прошлой вахты. Принимай, только учти – старик не в духе, того и гляди искры полетят.

– Когда зиг? Через десять секунд? Вахту принял.

– Увидимся в полночь, час ведьм.

– Пятнадцать лево руля! Прямо руль! Так держать!

Он окинул взглядом суда конвоя и обернулся к корме. Нат стоял на своем обычном месте, широко расставив ноги и закрыв лицо руками. Палуба, покрытая пробковой массой, ходила ходуном, и он, примостившись на планшире, раскачивался вместе с ней. Окошко наблюдателя оскалилось в усмешке.

Зараза, как же я тебя ненавижу! Так и съел бы. Потому что ты проник в ее тайну, получил право задира́ть ее перелицованную твидовую юбочку. Вы вдвоем соорудили себе местечко, куда мне путь заказан. По своей идиотской невинности ты захватил то, что причиталось мне, – то, что я должен был заполучить или сойти с ума.

Он ненавидел Натаниэля не только из-за Мэри. Эту парочку свел вместе слепой случай – с таким же успехом Нат мог налететь на рым-болт. Но, кроме всего прочего, этот долговязый придурок мог сидеть вот так, раскачиваясь в такт с морем, на волоске от ужасного конца, болезненного и в то же время несущего облегчение, как лопнувший нарыв.

– Господи!

«Вильдебист» уже повернул. Опоздали.

– Тридцать право руля! Средний вперед, обе машины!

В точке, где сходились эсминцы охранения, отчаянно мигал сигнал.

– Прямо руль! Так держать! Малый вперед!

По трапу загремели шаги: капитан.

– Какого черта, что за игры?! Чем вы тут занимаетесь?

Торопливо и без запинки:

– Сэр, кажется, что-то по правому борту, похоже на обломки судна.

Поэтому я и оставил прежний курс...

Капитал положил руку на козырек мостика и прищурился.

– Что за обломки?

– Подтопленные бревна, сэр.

– Наблюдатель справа!

– Да, сэр?

– Что-нибудь за бортом?

– Никак нет, сэр.

– Простите, сэр, я мог ошибиться, но решил проверить... на всякий

случай.

Капитан протиснулся ближе, уставился в упор. Картинка в окошке ярко вспыхнула, руки судорожно вцепились в скалу. Широкое бледное лицо с морщинами, цепкий взгляд воспаленных глаз, отекавших от недосыпания и джина. Туманные очертания носа по бокам центрального поля уловили резкий сладковатый запах. Лицо за окошком преображалось, медленно, постепенно. Изнутри, как у Ната. Под бледной кожей с влажными складками, в уголках рта и возле глаз еле заметно сдвигались мышцы, преобразуя сложную систему внутренних натяжений. На поверхность всплывало открытое, оскорбительное недоверие, смешанное с презрением.

Бледные губы раздвинулись.

– Продолжайте нести вахту.

Он смешался – ни ответить, ни отдать честь не успел, а лицо отвернулось, унося вниз по трапу понимание и презрение.

Жар, кровь стучит в висках.

– Сэр, сигнал от капитана Д.: «Куда спешишь, красотка?».

Деревянное лицо сигнальщика. Жар и кровь по эту сторону окошка.

– Доложите капитану.

– Есть, сэр.

Он повернулся к нактоузу.

– Пятнадцать лево руля! Прямо руль! Так держать!

Из-под руки было видно идущего Натаниэля. Отсюда он казался летучей мышью, свисающей вниз головой со свода пещеры. Долговязая фигура двинулась дальше, кренясь и покачиваясь, и скрылась в носовом кубрике.

Черт возьми! Сначала Мэри, теперь еще и презрение на лице старого пьянчуги. Вглядываясь поверх нактоуза в перевернутый мир, центр сферы плавал в океане эмоций – едких, темных, жестоких. Удивительно, что такой замечательный человек, как Нат, невольно внушающий любовь, с его лицом, меняющимся изнутри, искренним вдумчивым вниманием и готовностью любить, может быть, столь же сильно, до дрожи ненавидим, словно смертельный враг? Отчего любовь и ненависть составляют единое целое, сливаются в одно нераздельное чувство? Да и как их разделить? Ненависть есть ненависть – это кислота, разъедающий яд которой может вынести только тот, кто достаточно силен.

– Я умею ненавидеть.

Быстрый взгляд на вахтенного, потом на идущий рядом «Вильдебист». Перемена курса.

А что есть любовь? Горе, растворенное в ненависти, ядовитый

раствор, обжигающий нутро.

Склонившись над нактоузом, он пробормотал:

– Будь я стеклянной фигуркой, плавал бы в бутылке с кислотой. Ничто бы меня не трогало.

– Тут все понятно. Она разрушила привычный стереотип, пришла вопреки всем законам жизни, поставила меня перед неразрешимой, невыносимой проблемой самого ее существования. С того момента меня и разъедает кислота. Я не могу даже убить ее, потому что это было бы ее окончательной победой, но пока она жива, огонь будет жечь. Она есть, во плоти. Эта плоть даже не прекрасна. Ни плоть, ни дух. Наваждение, а никакая не любовь. А если все-таки любовь, то в безумном сочетании с ревностью – к самому ее существованию. *Odi et amo*, «ненавижу и люблю», – вроде той книги, что я хотел написать.

Благопристойные кружевные занавески, между ними журнальный столик с пыльным папоротником. Нежилая гостиная. От круглого стола в центре пахнет полировкой. Сюда подошел бы гроб для прощания, но пока стол пустой. Безделушки, мягкие кресла, затхлый воздух, задержавшийся с прошлого года, с привкусом лака, как дешевый херес. Комната вполне по ней, это она и есть, во всех отношениях – если бы не наваждение.

Он взглянул в блокнот.

Зиг.

– Это еще далеко не все, а кислота жжет. Кто бы поверил, что он в нее влюбится, вернее, угодит в ловушку, расставленную парадной гостиней о двух ногах?

Он принялся мерить шагами мостик.

– Пока она жива, кислота не уйдет, ее не остановишь. А если убить, то станет еще хуже.

Он остановился. Оглянулся на корму и опустевший планшир.

– Господи! Двадцать право руля!

В каком-то смысле остановить можно. Ее или кислоту. Одно дело – просто не передать сообщение старшины Робертса, оставить все как есть. А если слегка подтолкнуть обстоятельства – не в том смысле, чтобы удавить или застрелить, а осторожно направить на нужный путь? В таком случае строгий моралист не расценит это как...

– И вообще, кому какое дело?

Все равно что проткнуть рапирой гобелен – без особой надежды на успех.

– Он, может, больше там и не сядет.

Отдает же вахтенный офицер по долгу службы приказ рулевому, чтобы

не наскочить на обломки или дрейфующую мину.

– А если он сядет там снова...

Едкая кислота нахлынула, подступила к самому горлу. «Не хочу, чтобы он умирал!» – вопил голос где-то в глубине. Горе и ненависть рвали сердце на части.

– Никому меня не понять! – внезапно выкрикнул он.

С обоих бортов дружно обернулись наблюдатели. Он злобно оскалился, кровь снова ударила в лицо. В голосе прозвучала ярость:

– Делом займитесь!

Весь дрожа, он склонился над нактоузом.

– Я хочу одного – покоя.

Румянец служанки, и волосы еще грубее, чем у служанки. Он окинул взглядом уступы скалы.

– Покоя.

Стена, изъеденная кораллами.

Он помотал головой, словно отряхивая мокрые волосы.

– Зачем я здесь?

Вокруг лишь водоросли, скала и море.

Он вскарабкался на утес и пошел к «Красному льву». Там подобрал несколько оставшихся с утра мидий и поднялся по Хай-стрит на Наблюдательный пост. Присев с южной стороны подмигивающего Гнома, ножом вскрыл створки раковин. Он ел медленно, с долгими паузами между глотками. Покончив с последней мидией, откинулся назад и нахмурился.

– Черт возьми!

Мидии ничем не отличались от вчерашних, но явственно отдавали разложением.

– Слишком долго пробыли на солнце.

Но ведь между отливом и приливом они висят на солнце часами!

– Сколько я уже здесь?

Как следует поразмыслив, он сделал на скале три засечки ножом.

– Нельзя упускать ничего, что укрепляет личность. Надо принимать решения и осуществлять их. Я сделал Гному серебряную голову. Я решил не волноваться зря насчет запруды. Сколько отсюда до горизонта, миль пять? Верхушку мачты можно заметить и за десять. Значит, двадцать миль в диаметре, совсем неплохо. Ширина океана здесь около двух тысяч. Одна сотая.

Он опустился на колени и как можно точнее прочертил линию длиной в десять дюймов.

– Теперь отмерим десятую часть дюйма.

Он ткнул ножом в линию примерно в двух дюймах от края и стал вращать черенок, пока острое не оставило белую отметину на сером камне.

Усевшись на корточки, он поглядел на получившуюся схему. Задумался.

– С большого судна меня заметят и за пятнадцать миль.

Он вставил кончик ножа в отметку и немного расширил ее. Подумал, и снова стал скрести, пока размеры отметины не увеличились до диаметра серебряного трехпенсовика. Потом долго тер камень ногой в гетре – метка посерела, будто существовала на скале с момента ее возникновения.

– Меня спасут сегодня.

Солнце слепило, отражаясь от серебряного лица. Он мысленно прочертил лучи от солнца к зеркальной поверхности, отбрасывая их в разные части горизонта. Подошел вплотную и взглянул в упор, проверяя, отражается ли в фольге его лицо. Солнце ударило в глаза. Он отпрянул и выпрямился.

– Ну и болван же я! Тут же самолеты перегоняют. Наверняка это место используют для сверки курса, да и береговая охрана, она же должна наблюдать за немецкими подлодками!

Сложив ладони козырьком, он медленно повернулся, вглядываясь в небо – густо-синее, ни облачка, ни пятнышка, если не считать солнца. Опустив руки, заходил взад-вперед по вершине скалы.

– День размышлений.

Для кораблей Гном годится – с борта увидят либо силуэт, либо отблеск его головы. А вот с самолета... Гном сольется со скалой, а искорку света могут принять за отблеск кварца. На скале не за что зацепиться взглядом. С высоты в несколько тысяч футов, где они кружат, ничего особо не увидишь, только серое пятно, да и то лишь из-за бурунов вокруг.

Он бросил отчаянный взгляд вверх и вновь посмотрел на море.

Картинка?

Люди мыслят картинками и накладывают их на окружающую природу. С высоты десяти тысяч футов скала кажется камешком. А если камешек полосатый? Он взглянул на расщелины – серые стенки, темные впадины. Камешек и так полосатый.

Он сжал руками голову.

Квадраты. Полосы. Слова. Сигнал «СОС».

– Без одежды нельзя, я замерзну до смерти. К тому же, даже если ее раскидать, она еще меньше заметна, чем птичий помет.

Он взглянул вниз на Хай-стрит.

– Расчистить! И здесь, и там, чтобы везде было ровно. Буквы «С», «О», «С».

Руки бессильно упали.

– Не будь ребенком.

Опустившись на корточки, он стал внимательно рассматривать все, чем располагал. Одежда. Листки бумаги. Резиновый спасательный пояс.

А водоросли?

Воздев к небу руки, он радостно выкрикнул:

– Водоросли!

Тонны водорослей колыхались в воде у Панорамного утеса, свиваясь в кольца.

– Человек мыслит картинками.

Водоросли помогут наложить на природный пейзаж искусственный рисунок, вопиющий ко всякому разумному наблюдателю: «Смотри! Тут разум! Тут человек!»

– Лучший знак – это безупречная прямая, проведенная под прямым углом к расщелинам и выложенная достаточно высоко, чтобы возникла тень. Линия должна иметь не менее шага в ширину. Потом я заполню морской травой еще и одну из канав – получится крест. Вся скала станет похожа на пасхальный кулич.

Глядя сверху на Три скалы, он думал, как провести прямую через расщелины хотя бы примерно параллельно Хай-стрит. От «Красного льва» до Гнома – задача не из легких.

Обретя наконец цель, он поспешно спустился по Хай-стрит, бормоча себе под нос:

– Быстрее! Быстрее!

В ушах гудели призрачные моторы, и он то и дело задира голову – так, что даже оступился и поранился, – и опомнился лишь на Столовом утесе, потянув из воды косматую плеть.

– Не дури. Успокойся. Какой смысл глазеть на небо, пока ничего не сделано, чтобы привлечь внимание. Только идиот станет скакать и размахивать рубашкой, заметив самолет на пятимильной высоте.

Он снова задрал голову и оглядел все небо, но не увидел ничего, кроме солнца и синевы. Задержал дыхание и прислушался. Ровное гудение жизни внутри, снаружи – плеск и бульканье воды. Больше ничего.

Поразмыслив, он вернулся к расщелине. Разделся донага и разложил одежду на солнце, аккуратно укладывая ее вдоль воображаемой линии, по которой должен был проходить вал из водорослей. Вернулся к «Красному льву», бросил взгляд на Три скалы, потом оборотился спиной к морю и стал спускаться с утеса. Вода показалась еще холоднее, чем ему запомнилось, даже холоднее пресной воды из запруды. Стиснув зубы, он заставил себя сползти еще дальше – острые камни царапнули колени, открылись затянувшиеся было раны. Он висел по пояс в воде, уцепившись руками за скалу, и стонал. Дна не было, водоросли оплетали ноги и казались еще

холоднее воды. В памяти возник безжалостный напор волн в открытом море, вызвав мгновенное ощущение паники. С отчаянным воплем он расцепил пальцы и упал, тут же подхваченный ледяными ладонями. Перед открытыми глазами колыхались водоросли. Голова вынырнула на поверхность, руки мертвой хваткой сжали камень. Дрожь пробирала с головы до ног.

– Смелее!

Под водорослями виднелось что-то белое. Он отпустил руки, ноги ушли в глубину. На дне грудой лежали какие-то камни, непонятные и круглые, – возможно, куски кварца. Он висел в воде вертикально, помогая себе гребками, а ногами шарил по дну. Наконец нащупал опору и встал. Вода была по грудь, вокруг шевелились водоросли. Он набрал в легкие воздуха и ушел под воду. Ухватив целый куст, попробовал оторвать несколько плетей, но крепкие стебли не поддались, и он вынырнул лишь с пригоршней травы. Он попробовал не нырять, а подтягивать стебли к себе и общипывать верхушки. Камни под ногами шевелились и покачивались, сердце колотилось. Собранный урожай он зашвыривал на утес: длинные плети морской травы свисали с краев.

Вдруг возле самых ног водоросли дернулись, что-то царапнуло по ступне. По зарослям прошла волна движения, и все затихло. Он ухватился за скалу и повис, поджав ноги. Волна плеснула о камень.

– Краб. Омар.

Бередя израненные колени, он взобрался на площадку, лег на кучу водорослей и стал ждать, пока сердце перестанет колотиться.

– Ненавижу!

Он подполз к краю, заглянул вниз и увидел среди колыхавшейся травы неподвижную тень с зубчатой драконьей спиной. Казалось, он взглядом вызвал чудище к жизни. Он стоял на коленях и глядел. По спине бежали мурашки.

– Тварь! Грязная морская тварь!

Подобрав пустую ракушку, он изо всех сил швырнул ее в воду. Омар сжался, словно в кулак, и исчез.

– На этот травяной вал уйдет чертова прорва времени.

Он встряхнулся, приходя в себя, и пошел к Панорамному утесу. Несколько футов стены снизу покрывали водоросли – сплошная масса длинных плетей, похожих на длинные зеленые ремни. Их концы плавали на поверхности воды, делая море похожим на сушу.

– Отлив.

Передвигаясь на корточках вдоль уступа скалы, он тянул толстые

стебли к себе, но они не поддавались. Присоски корней впились в камни, и отодрать их было трудней, чем разжать створки мидии. Местами водоросли разрослись в гигантские кусты, ветви которых заканчивались крапчатыми коробочками со студенистой массой. Некоторые имели мечеобразную форму, но с волнистой поверхностью и рифлеными краями. Остальные походили на куски гладкой коричневой кожи, которой хватило бы на ремни и портупеи для всех армий мира. Ниже, под водорослями, скалу покрывали какие-то разноцветные отростки, а на голых участках бугрилась непонятная масса, похожая на сырое тесто. Не обошлось и без «румянца служанки». Из воды поднимались пузырьки, раздавался шорох и плеск.

Цепляясь одной рукой за уступ, он снова потянул к себе пучок травы, потом выругался и поднялся по Хай-стрит на Наблюдательный пост. Постоял, вглядываясь в море и небо, и вдруг спохватился.

– Время уходит!

Сбежав к расщелине, он повесил через плечо нож на ременной петле, подобрал спасательный пояс. Отвинтил колпачок, выпустил воздух и стал спускаться с утеса. Повесив пояс на руку, снова подступился к водорослям, уже с ножом. Прочные и упругие, они были еще и скользкие. Для удачного удара ножа требовался точный расчет и правильно подобранный угол. Срезанные плети он держал на плечах, как охапку хвороста, пропуская между спасательным поясом и тесемками, а сам пояс придерживал зубами. Толстая бурая связка спускалась с плеча и спадала до колен.

Поднявшись к «Красному льву», он сбросил улов. Даже с расстояния нескольких футов куча казалась небольшим пятнышком. Он поволок водоросли поперек расщелин, обозначая требуемую прямую линию.

– Чтобы вал прошел ровно, нужно заполнить каждую канаву вровень с краями.

Всей связки хватило на линию в два дюйма шириной, которая протянулась от «Красного льва» до Наблюдательного поста.

Он вернулся к Панорамному утесу за следующей порцией. Возле «Красного льва» опустил на корточки и хмуро оглядел результаты трудов. Линию было чуть видно. Он снова направился к утесу.

У самой дальней из Трех скал что-то плеснуло. Он резко обернулся – ничего. Никакой пены, лишь еле заметное нарушение рисунка волн.

– Хорошо бы поймать рыбу.

Еще порция водорослей. Коробочки со студенистой массой разрывались от нажатия. Одну он сунул в рот, но вкуса не разобрал. Он носил связку за связкой, но когда свалил все в первую расщелину, до верха оставалось еще больше фута.

Он стоял на краю, глядя вниз, на красные и бурые плети, и внезапно заволновался.

– Сколько еще? Дюжина связок? Два десятка? А линию ведь придется расширять...

Разум способен ясно оценить объем работы и подсчитать, во что она станет.

– Пора отдохнуть.

Он присел возле Гнома. В небе над головой было пусто. Линия водорослей тянулась по скале, словно шлейф.

– Никогда в жизни так не работал. Совсем вымотался.

Он положил голову на колени, обернувшись к серой линии с пятнышком посередине, нацарапанной на скале.

– Не срал с тех пор, как нас подбили.

Сидя неподвижно, он пытался понять, в чем тут дело, и вдруг поднял голову. Солнце клонилось к закату, четко вырисовывая линию горизонта. Приглядевшись, можно было даже различить колебания идеальной кривой, вызванные волнением моря.

Примерно посередине между солнцем и скалой Спасения на волнах виднелась белая точка. Он всмотрелся – чайка, сидящая на воде. Представил, как она поднимается в воздух и летит на восток. Наверное, уже завтра опустится на воду где-нибудь на Гебридах или станет перепархивать следом за плугом на склоне холма в Ирландии. Перед глазами, как живой, возник пахарь в матерчатой кепке, швыряющий комьями земли в незваную гостью.

– Прочь пошла, и все беды с тобой!

Однако птица не раскроет клюв, не ответит, как в старой сказке. Впрочем, даже будь эта чайка не просто летательной машиной, она и тогда не поведала бы об израненном человеке, сидящем на скале посреди океана...

Он встал и принялся ходить взад-вперед, рассматривая мысль со всех сторон.

Может, я никогда не выберусь отсюда.

Слова. Целостность личности.

– Вы все тоже только машины. Влажность, твердость, движение, я знаю про вас все. У вас нет жалости, но нет и разума. Я вас перехитрю! Нужно только вытерпеть. Я подаю воздух в свою печь, развожу свой очаг, я убиваю и ем. И нечего...

Он умолк на мгновение. Чайка подплыла ближе, скрывая рептилию сущность под белым оперением.

– Мне нечего бояться.

Чайку несло приливом. Конечно, прилив бывает и здесь, в самом сердце Атлантики, его гигантская волна охватывает весь мир. Она так обширна, что даже отдельные языки ее, океанские течения, несут воду потоками длиной в десятки тысяч миль. Течение оmyвает и эту скалу, поднимается, опускается и движется вспять, бессмысленно и вечно. Оно не остановится, даже когда последняя жизнь осыплется с тела земли, как отцветшие лепестки. Скала стоит неподвижно, течение проходит мимо.

Чайка чистила перья и отряхивалась, словно утка в пруду. Он резко отвернулся и спустился к Панорамному утесу. Водоросли, свисавшие со стены, уже наполовину скрылись под водой.

Завтра.

– Я слишком устал. Не стоит переутомляться.

Работы здесь невпроворот, ни минуты покоя.

Мысль о мидиях только отбивала аппетит, и он снова подумал о коробочках с желе, висящих на ветках водорослей. Желудок будто пытался что-то сказать. Мидии желудку не нравились, а от одной мысли о леденцах-анемонах он сразу сжимался, и во рту возникал неприятный привкус.

– Переработал. Да и обгорел, наверное. Надо отдыхать.

Он снова напомнил себе, что сегодня его спасут, но прежней убежденности не почувствовал.

– Надо одеться.

Натянул рубашку и брюки, обошел вокруг Гнома, снова опустился на скалу.

– Хорошо бы вздремнуть, но пока не стемнеет, нельзя. Они подойдут к скалам, посигналят, и если я не объявлюсь, двинутся дальше. Сегодня я не зря потратил время, теперь у меня есть цель. Завтра надо закончить работу. Они могут быть рядом, за горизонтом, стоит только подождать.

Устроившись поудобнее возле Гнома, он стал ждать. Но у времени нет конца, и то, что прежде казалось целью, обернулось серой безнадежностью. Он попытался подключить разум, но там не нашлось ни тепла, ни надежды, одни лишь бескровные рассудочные тени. Губы зашевелились, бормоча:

– Меня спасут. Меня спасут.

Время шло, он давно уже позабыл, о чем думал. Солнце опускалось в воду. Он тяжело поднялся, побрел к канаве с водой и напился. Красная полоса вдоль берега лужи стала шире. Он это заметил.

– Надо что-то придумать с водой.

Эхо послушно подхватило слова.

Он оделся, как для сна, и обернул ноги серым свитером. Между скалой и ногами пролегла мягкая ткань, словно ковер на каменных плитах собора. Дурацкое ощущение, которого не бывало нигде больше, особенно в этих нелепых, якобы средневековых, туфлях почти без подошв – Майкл их придумал. Да и акустика здесь скверная – слышно одно лишь «уа-уа-уа» под высокими цилиндрическими сводами, будто качается невидимый маятник.

– Тебя совсем не слышно, ни слова не пойму. Чуть громче. Давай, старайся... Нет, все равно не слышу...

– Еще раз? Медленнее?

– Только не медленнее! Громче! Ну, на сегодня все, ребятки. Погоди, Крис. Знаешь, Джордж, тут у Криса не выходит...

– Дай ему шанс, старина. Что, Крис, не твое это?

– Я справлюсь, Джордж.

– В другой роли он лучше будет, старина. Крис, ты актерский состав видел? У тебя еще вторая роль, и... Впрочем...

– Но Элен не...

– А при чем тут Элен?

– Она не говорила, что...

– Состав подбираю я.

– Конечно, Пит, старина. Само собой.

– Крис, у тебя роль Пастуха и вторая – один из Смертных грехов. Как думаешь, Джордж, Смертный грех в исполнении Криса?..

– Еще бы, старина, конечно.

– Знаешь, Пит, после всего, что я для тебя сделал, просить меня играть...

– Две роли? У всех у нас по две роли, у меня тоже. Так что, Крис, грех тебя дожидается.

– Какой именно?

– Вот сам и выберешь. Эй, Джордж, как думаешь, лучше ведь, если наш Крис сам выберет грех себе по вкусу?

– Конечно, старина, ясное дело.

– Прю как раз костюмы готовит, сходи взгляни, там, в склепе...

– Но к вечернему спектаклю...

– Давай, Крис, представление продолжается. Джордж, не хочешь взглянуть, что выберет Крис?

– Хе-хе, пожалуй. Да, хочу! Ей-богу, хочу... Пошли, Крис.

– Не знаю, я...

– Вперед, Крис, мы за тобой.

– Знаешь, Джордж, странное ощущение в ногах, когда на каменном полу ковер. Мягкий, дорогой, а под ним будто скала... Вот они, Крис, все перед тобой. Ну как?

– Как скажешь, старина.

– Как насчет Гордыни, Джордж? Тут и маска не нужна, чуть стилизованный грим – и порядок.

– Послушай, Пит, если я играю две роли...

– А Гнев, Джордж?

– А Зависть, Пит?

– Я бы попробовал Праздность, Пит.

– Нет-нет, не Праздность. Может, спросим Элен, Крис? Я всегда прислушиваюсь к советам жены.

– Спокойно, Пит.

– А как насчет Прелюбодеяния?

– Хватит, Пит, прекрати.

– Не сердись, Крис, старина. Просто я немного взвинченный... Дамы и господа, обратите внимание, отличный товар, новехонький, полная гарантия. Есть предложения? Уходит к джентльмену с кудрями и точеным профилем. Продано!..

– Что это, Пит?

– Это ты, дорогой. Один в один! Что скажешь, Джордж?

– Еще бы, старина, конечно.

– Крис, это Алчность. Алчность, это Крис. Прошу любить и жаловать.

– Только ради тебя, Пит.

– Дай-ка я познакомлю вас получше. Вот этот размалеванный ублюдок гребет под себя все, на что только может наложить лапу. Я не о жратве, Крис, это было бы слишком просто. Лучшие роли, лучшие места, деньги, слава, женщины. Он родился на свет с разинутой пастью, расстегнутой ширинкой и руками, протянутыми к чужому добру. Выдающийся экземпляр – и пенни сохранит, и булку захапает. Так ведь, Джордж?

– Пошли, Пит. Пошли, тебе надо прилечь.

– Как думаешь, Мартин, справишься ты с Алчностью?

– Идем, Пит... Он ничего такого не имел в виду, Крис, просто разнервничался. Перевозбудился – да, Пит?

– Все, молчу. Да, конечно. Все.

– Неделю уже не срал.

С неба опускались сумерки, собирая чаек на ночлег. Одна села на серебряную голову – та покачнулась, птица с перепугу обмаралась и

отлетела в сторону, хлопая крыльями. Он устроился в расщелине, надул пояс, завязал ремешки и подложил пояс под голову. Руки сунул под мышки. Голова была в вязаном шлеме, но чего-то не хватало, он выполз наружу и сходил к «Красному льву» за зюйдвесткой. Опять стал проталкивать тело внутрь.

– Проклятие! – Он выбрался наружу и оглянулся. – Черт побери, куда я дел плащ?

Карабкаясь по скалам, осмотрел все: «Красного льва», пещеру с водой, Панорамный утес...

– Не мог же он остаться у Гнома, я никогда там...

Повсюду, в расщелинах и на камнях, кучи водорослей, липкие и зловонные – неужели придется все разгребать?

Клеенчатый плащ лежал на вершине скалы, возле Гнома, весь заляпанный белым пометом. Он натянул его поверх бушлата и снова забился в расщелину.

– Вот о чем никто никогда не скажет, даже не подумает. Главное – не опасности, не лишения, а идиотские мелочи, рутина. Целые дни пролетают впустую из-за пустяковых ошибок, которых даже не заметишь, когда занят делом и всегда можешь заскочить в «Красный лев» или к своей цыпочке... Нож! Где нож, будь оно все проклято?

Нож сбился на бок и застрял под левым боком, впиваясь в ребра, как выступ скалы.

– Поразмыслить лучше сейчас, не стоило заниматься этим вместо работы. Если бы я продумал каждый шаг прошлой ночью, то все бы успел за сегодня.

Итак, дела. Во-первых, закончить с водорослями. Потом выбрать место для одежды, чтобы не впадать больше в панику. Лучше складывать прямо здесь, тогда не забуду. Во-вторых... нет, в-третьих, второй была одежда. Сначала одежду в расщелину, потом водоросли, чтобы довести до конца линию. В-третьих, вода. Здесь не покопаешь, придется собирать: найти канаву ниже залежей помета, но там, куда не долетают соленые брызги...

Он поморщился и подвигал челюстью. В шерстяном шлеме отросшая щетина отчаянно чесалась. Обожженные солнцем плечи и ноги мерзли, кожу покалывало. Выступы камня впивались в бока.

– Скоро пойдет дождь, и воды станет слишком много. Как быть с этой расщелиной? Лишь бы одежда не намокла. Надо устроить навес. Может быть, завтра меня спасут.

Он вспомнил, как утром был уверен, что спасение придет сегодня, и

сердце болезненно сжалось, будто кто-то нарушил данное слово. Надо бы постучать по деревяшке, только где ее тут раздобудешь? Даже огрызка карандаша нет. Не найдешь и соли, чтобы бросить через левое плечо. Разве что капельку соленой морской воды.

Пальцы ощупали правую ногу. Старые рубцы тоже, должно быть, обгорели: кожу пекло – не слишком сильно, но ощутимо. Он поморщился, щетина снова царапнула по грубой шерсти.

– В-четвертых, наточить нож и побриться. В-пятых, разобраться с моим запором.

Обгоревшую кожу кольнуло.

– Просто реакция, вот и все. Я прошел сквозь ад – в море и в той проклятой воронке, – а когда выбрался, почувствовал себя на седьмом небе. Теперь, ясное дело, откат. Надо поспать. Успокоиться и сосредоточиться на сне.

Обожженное тело горело, щетина чесалась и колола, выступы камня разжигали свои медленно тлеющие костры. Они были везде, как море вокруг, остались и после того, как сознание изменилось, обернулись светящимися холмами, раздвинулись во всю ширь вселенной. Он то наблюдал их сверху, зависнув в пространстве, то ощущал всем телом, заполняя каждый уголок горячей кострами пещеры.

Он открыл глаза и посмотрел вверх. Потом смежил веки и пробормотал:

– Я сплю.

Глаза раскрылись, но солнце не исчезло. Костры горели бледнее, позволяли отвлечься. Он глядел в дневное небо и пытался припомнить, что такое время и почему оно так внезапно сжимается.

– Я совсем не спал!

Сознание никак не желало выходить из своего убежища и заняться делом. Губы шевельнулись, монотонные слова растаяли в воздухе:

– Сегодня меня спасут.

Он выбрался из расщелины. Утро выдалось теплое, и он, оставшись в свитере и брюках, аккуратно свернул остальную одежду и засунул в щель. Он склонился над лужей с пресной водой – красный ил отпечатался на груди. Пил он долго, а когда оторвался, заметил, что темное пространство между водой и отверстием в крыше стало шире.

– Надо набрать воды.

Лежа неподвижно, он раздумывал, что важнее: заняться резервуаром или закончить вал из водорослей, но вспомнил, как быстро убегает время,

если за ним не следить, и вскарабкался на Наблюдательный пост. Мир играл красками. Солнце припекало, густо-синее море весело искрилось. Тени живописных скал отливали пурпуром. Он оглянулся на Хай-стрит и пораился красоте пейзажа. Зажмурил глаза, снова открыл – ничего не изменилось. Скалы и море казались нарисованными. Яркие цветные пятна заполняли все три просвета зрительного окна.

– Я еще сплю. Я заперт внутри своего тела.

Он пошел к «Красному льву» и присел у воды.

– И зачем я все это таскал?

Хмурясь, посмотрел на море.

– Надо раздобыть еды. Впрочем, я не голоден, займусь-ка лучше водорослями.

Он вернулся к ночной расщелине, взял спасательный пояс и нож и отправился к Панорамному утесу. Вблизи все было уже собрано, и по уступам приходилось лезть дальше. Поглядев на один из уступов, он вдруг задумался.

– Сюда я приходил за камнями для Гнома. Вон ту глыбу пытался сдвинуть, но не смог, хоть она и с трещиной.

Нахмурившись, он стал медленно спускаться, пока не завис, держась за край скалы совсем рядом с трещиной. Как и вся поверхность скалы, куда доставала вода, камень был покрыт слоями ракушек и загадочными наростами. Трещина расширилась, а вся глыба сдвинулась и чуть заметно накренилась. В глубине расщелины царила жутковатая темнота.

Он разглядывал отколотую плиту, пока не забыл, зачем полез, и принялся рассматривать всю скалу, медленно ворочая головой из стороны в сторону. Просто камень, торчащий из воды... или нет?

– Откуда, черт побери, я все это помню? Никогда раньше здесь не был.

Скала была знакома – не как судовой приятель, с которым поневоле быстро сходишься, проводя бок о бок нескончаемые часы, а скорее как родственник, что наезжает навестить из года в год, друг детства или нянька, которых знаешь целую вечность. Как холмы, которые излазил на летних каникулах вдоль и поперек, а потом вспоминаешь по ночам зимой, рисуя в воображении привычные очертания...

У Трех скал что-то громко плеснуло. Он кинулся к «Красному льву», но ничего там не увидел.

– Заняться, что ли, рыбной ловлей?

Водоросли, наваленные в канавах, издавали резкий запах. С моря снова слышался плеск, на этот раз удалось заметить расходящиеся круги. Он сжал руками голову, чтобы подумать, но колкая щетина на щеках не

давала сосредоточиться.

– Ну и оброс же я. Странно, что волосы продолжают расти, даже когда...

Он вернулся к утесу, подхватил охапку водорослей и уложил в ближайшую щель. Медленно поднялся по Хай-стрит на Наблюдательный пост и сел, уронив руки. Голова свесилась между колен. Монотонный плеск волн под скалой Спасения успокаивал, на краю обрыва стояла чайка, застыв словно на картинке.

Внутри тела росли звуки, заполняя бездонную темноту, как грохот станков – фабричное здание. Голова слегка вздрагивала, отмеряя удары сердца.

Резкий крик заставил его поднять голову. Рядом на вершину скалы опустилась чайка – крылья полураскрыты, голова опущена.

– Что тебе надо?

Пернатое пресмыкающееся сделало пару шажков в сторону и сложило крылья. Клюв нырнул под крыло.

– Эх, пострать бы, сразу полегчало бы.

Он тяжело повернулся и взглянул на Гнома, тот подмигнул серебряным глазом. Четкая линия горизонта казалась совсем близкой, и ему почудилось, что на ней можно различить зубчатые очертания волн.

Как жаль, что здесь нет травы. Он хотел было сходить за курткой и устроить удобное сиденье, но требуемое усилие представилось чрезмерным.

– Внутри все болит, как отбитое. Камни такие твердые... Лучше подумать о воде.

Жидкая стихия, мягкая и податливая.

– Надо укрытие какое-нибудь соорудить, сбор воды наладить.

Силы понемногу возвращались, и он забеспокоился. Хмуρο взглянул на треснувшую скалу, столь непонятно и раздражающе знакомую, потом проследил взглядом тонкую полоску водорослей. Кое-где она блестела. Может, как раз блеск и заметят с воздуха?

– Можно собирать воду в плащ. А еще – выбить в стенке канавы водосток.

Он замолчал и откинулся назад, прислонившись к Гному, но вскоре твердый, неровный камень вновь заставил его согнуться.

– Откуда эта тяжесть? – Глаза обратились к небу. – Давит и давит... Агорафобия, или как там ее, в общем, противоположность клаустрофобии. Давление.

Водосбор.

Он встал на ноги и поплелся вниз по Хай-стрит. Подошел к ночному укрытию, потом к соседней расщелине и внимательно ее осмотрел.

– Откуда здесь чаще всего ветер?.. Поверхность водосбора должна смотреть на юго-запад.

Раскрыв нож, он провел по наклонной стенке царапину от самого верха до дна, где была неглубокая ямка глубиной с ладонь. Потом сходил к Гному, осторожно извлек белый камушек, похожий на картофелину, и вернулся. На черенке ножа торчал плоский заостренный штырек в четверть дюйма длиной, служивший отверткой. Приставив отвертку к процарапанной черте, он ударил камнем о рукоятку. От скалы отлетела каменная чешуйка. Он принялся колотить дальше, работая как долотом, и довольно быстро продолбил желобок длиной в фут и глубиной примерно в восьмую часть дюйма. Потом нагнулся и принялся за нижний конец линии.

– Начинать надо с самого важного, вдруг дождь начнется прямо сейчас!

Стук камня эхом отдавался в расщелине, и это было приятно, словно работа шла в помещении.

– Можно растянуть сверху бушлат или плащ, и будет крыша. Проклятая тяжесть здесь не так заметна – еще и потому, что я занят делом.

Руки ныли, но желобок поднимался все выше, и работать становилось удобней. Он попытался прикинуть, когда облегчение от перемены позы перевесит усталость, но понял, что никогда. Опустившись на дно, он уронил руки и прижался лбом к каменной стенке.

– Пойти, что ли, полежать немного... Или подложить бушлат и посидеть наверху, у Гнома.

Он оторвался от скалы и снова взялся за работу. Выдолбленная полоска росла.

Наконец нижняя часть сомкнулась с верхней. Он отступил, внимательно оглядел результат и скривился.

– Черт! Наклон надо сделать побольше.

Над верхней частью пришлось немало потрудиться.

– Пожалуй, еще углублю с краю...

Потому что объем воды... Спohватившись, он стал размышлять вслух:

– Объем воды на каждом отрезке желоба включает всю воду, собравшуюся выше, и пропорционален площади водосбора.

Он ударил еще раз, посыпались чешуйки. Руки уже не слушались, и он уселся на дно канавы, разглядывая свою работу.

– Что ж, займусь инженерным делом всерьез: найду подходящий резервуар и выдолблю целую сеть водостоков. Будет интересно – как замки

из песка строить.

Что за император в Древнем Риме провел в город воду с гор?..

– Это мой акведук. Назову его Клавдием!

Он снова принялся долбить, противопоставляя разум бессмысленности скалы.

– Интересно, сколько я уже тут корячусь?

Лежа на спине, он слушал, как она ноет. Клавдий напоминал длинный белесый шрам.

– В твердости этой скалы есть что-то злобное. Обычный камень не бывает таким неподатливым. И еще – знакомым...

Тяжесть снова навалилась. Он решил сопротивляться и сел.

– Нужно было засушить водорослей и настелить на дно. Слишком много дел. Чтобы спастись и выжить, не хватает лишней пары рук. Может, подыскать новую спальню? На открытом месте, здесь достаточно тепло.

Слишком тепло.

– Внутри все ноет, как отбитое. Каждая клеточка, до самых костей. Мое тело будто раздулось, распухло...

Черный шар обратил к небу трехстворчатое окошко. Голос выходил в дверной проем и растворялся, будто пар в жаркий день.

– Я слишком много работаю. Того и гляди, совсем выбьюсь из сил. И все же надо отдать тебе должное, Крис. Не каждый бы...

Внезапно он замолк, потом начал снова:

– Крис... Кристофер. Кристофер Хэдли Мартин... Слова испарились одно за другим.

Инструмент изучения, средоточие самосознания.

Звуки, исходящие из нижней части лица. Бессмысленные и пустые, как выброшенные консервные банки с отодранными крышками.

– Кристофер! Кристофер!

Он жадно протянул руки, словно хотел ухватить слова прежде, чем они исчезнут. Руки мелькнули перед окошком, вид их почему-то внушал ужас.

– О господи!

Крепко обхватив плечи, он покачивался из стороны в сторону, чуть слышно бормоча:

– Тихо, тихо. Успокойся.

Он проснулся и осторожно пристроился на краю расщелины, ощущая сквозь брюки каждый выступ слоистого камня. Передвинулся дальше, где скала казалась ровнее, но особой разницы не почувствовал.

– Я тот же, что и был.

Пальцы бережно ощупали контуры окошка и законный ящик, где посреди туманных очертаний двух носов буйно разрослись волосы. Он склонил трехстворчатое окошко и оглядел то, что было видно внизу: изодранный в клочья свитер висел гармошкой, шерсть свалялась; брюки под свитером из черных стали серыми и лоснились, а сползшие гетры походили на ветошь, какой кочегары вытирают руки. Не тело, а связка разношерстного тряпья! Он долго разглядывал два странных предмета, которые неподвижно лежали на брюках. Что тут делать омарам? Неожиданно нахлынула волна отвращения, и он с такой силой отшвырнул мерзких тварей, что шипастые панцири раскололись о камни. Тупая боль заставила его вновь заполнить все закоулки внутренней пещеры, и сознание прояснилось. Отброшенные руки валялись, как ненужный хлам.

Он прочистил горло, словно перед лекцией.

– Как можно остаться самим собой, не имея зеркала! Вот что меня изменило. Прежде я был владельцем двух десятков фотографий – снят и так, и этак, и там, и здесь – и каждая подписана в правом нижнем углу, официально, по всем правилам. Даже на флоте имел удостоверение с фотографией, в любой момент мог проверить, кто я такой. Даже смотреть не надо было, достаточно знать, что оно в кармане, доказательство, что я – это я. А еще зеркала, настоящие трельяжи, разделенные четче, чем эти три окошка. Я мог так развернуть их, что видел отражение отражения – хочешь, смотри на себя сбоку, хочешь – со спины, как на любого встречного. Я наблюдал за собой, за тем, что значит Кристофер Хэдли Мартин на этом свете. Убеждался в своей осязаемости, ощущая ласку и тепло чужих тел, одерживая над ними верх. А что я теперь? Груда израненной плоти, бесформенный узел тряпья да пара омаров в придачу. Света трех жалких окошек мало, чтобы понять, кто ты такой. Прежде я многое узнавал от других, они любили меня, аплодировали мне, ласкали мое тело, определяли то, чем я был. Я обводил вокруг пальца тех, кто меня не любил, кто со мной ссорился. Здесь ссориться не с кем, здесь легко потерять себя, свое лицо. Я как альбом, набитый любительскими снимками, разрозненными, словно

забытые отрывки из старых фильмов. Мое лицо обросло щетиной, оно горит и чешется – вот и все, что я о нем знаю...

– Какое же это лицо! – сердито воскликнул он. – Одни только глаза – это все равно что ходить в темноте с фонариком. Я хочу видеть во все стороны!

В пещере он вгляделся в воду, но темное отражение не позволяло ничего разобрать. Вылез, спустился к «Красному льву», где лежали груды битых ракушек. На одном из прибрежных валунов была лужица: в дюйме соленой воды, пронизанной солнцем, – заросшая тиной мидия, три анемона, да еще крошечная рыбка. Он наклонился, сквозь отчаянные рыбы пируэты разглядел в бездонной глубине клочок голубого неба. Больше ничего, кроме темного пятна, обрамленного ключьями волос.

– Лучшее всего я вышел на фото в роли Алджернона... да и Деметрий получился неплохо, а еще Фредди, с трубкой. Грим был удачный – казалось, что глаза широко расставлены. И еще роли – «Ночь наступит», «Так поступают в свете». Как здорово было играть вместе с Джейн! Да, бабеч первый сорт...

Острая кромка скалы задела рубец на правом бедре. Он сдвинул ногу и опять склонился над лужей. Повернул голову и задрал подбородок, подыскивая правильный угол, чтобы разглядеть свой профиль – с левой стороны, со стороны здорового глаза. Однако тень носа и темный свод глазницы все время закрывали вид. Он снова посмотрел в упор, чтобы увидеть лицо, но вода пошла рябью. Темное пятно качнулось и разлетелось вдребезги. Взгляд в панике метнулся в сторону – тело опиралось на омара, который выполз из правого рукава.

Сосредоточившись, он превратил омара в руку и заглянул в воду. Крошечная рыбка зависла в солнечном луче рядом с ровной линией пузырьков, что поднимались из воздушной трубки. Полки с бутылками за стойкой бара просвечивали сквозь аквариум как уступы волшебной горы, усеянные драгоценными камнями.

– Нет, старина, мне уже хватит.

– Ха-ха, ему хватит, слышишь, Джордж?

– Что, Пит?

– Старине Крису уже хватит.

– Давай, Крис, еще по одной.

– Наш миляга Крис не пьет и не курит.

– За компанию, старина.

– Ага, он любит компанию. Мою компанию... н-ненавижу свою компанию! Вы же, мисс... вы ведь еще не скажете: «Закрываемся,

господа»... правда, господи? Он... он дал слово старушке матери... Он сказал... нет, это она сказала... «Крис, дитя мое, – сказала она, – пусть все десять заповедей катятся ко всем чертям, – вот что она сказала, – только не кури и не пей, сколько бы ни ...ался». Э-э... прошу прощения, мисс, если бы я мог предположить, что столь ни... непристойное слово выйдет за пределы моих за... зубов, я не п-предпринял бы э-э...

– Пошли, Пит. Возьми его под руку, Крис.

– Руки прочь, господи! Клянусь небесами, я из него сделаю... сделаю... Я сва... свобод-мыслящий гражданин, женатый и ср... с ребенком э-э... не важно какого пола...

– У тебя мальчик, старина.

– Скажу тебе по секрету, Джордж, дело совсем не в том, какой пол... главное – мозги. Знает оно вообще, кто я есть? Кто мы? Джордж, ты меня уважаешь?

– Ты наш гениальнейший продюсер, хоть и надрался.

– И-и... мисс, я и хотел сказать «надрался», а Джордж, ты... он самый божественный директор, какого имел наш чертов театр, а Крис – лучший из лучших чертовых юнцов... да, Крис?

– Как скажешь... да, Джордж?

– Конечно, старина, еще бы.

– И всем этим мы обязаны лучшей женщине на этом проклятом свете. Я люблю тебя, Крис. Мать и отец, единая плоть... и дядюшка мой... провидец хренов... Хочешь в мой клуб?

– Ладно, Пит, потопали.

– К-клуб червячков... Хочешь? Ты по-китайски говоришь? Р-ра... разверзаемся... по воскресеньям...

– Пит, ну пошли же!

– А мы всю неделю там сидим... червячки. Личинки. Знаешь, как китаец готовит китайский деликатес – берет рыбу и закапывает в жестянке... а там такие кро-ошечные червячки заводятся и начинают жрать рыбу. Жрут, жрут, а потом глядь – а рыбы-то и нет, всю сы... сожрали. Одни червячки. Червячок – это тебе не шутка, знаешь. Фототропы, ага... Слышишь, Джордж, фототропы!

– И что?

– Фототропы... Пардон, мисс, я сказал – фототропы.

– Кончай про червячков, Пит, пошли отсюда.

– А-а, червячки. Ну да, червячки. Личинки. Так это еще не все, пока только рыба. До чего паршиво, ползать внутри жестянки... а хуже всего – в Датском королевстве. Ну так вот... когда с рыбкой покончено, они

принимаются друг за друга. Понимаешь, Крис?

– Веселенькие у тебя мысли, старина.

– Те, что побольше, жрут маленьких, а их самих жрут большие... а этих – э-э... самые-самые, а потом – друг друга. Остаются два, потом один – и вот на месте рыбы лежит один здоровенный, самый везучий... Редкостный деликатес!

– Ты взял его шляпу, Джордж?

– Пошли, Пит! Так, осторожно...

– Я люблю тебя, Крис, ты у нас самый-самый... красавчик. Съешь меня!

– Положи его руку себе на плечо.

– От меня осталась одна половинка, я фототроп. Ты уже сожрал Джорджа? Так вот, когда остается только одна, китаец выкапывает...

– Чего ты сел? Вставай, придурок!

– Китаец выкапывает...

– Прекрати ты орать, христа ради! Еще фараоны привяжутся...

– Китаец...

– Кончай, Пит. Откуда твой чертов китаец знает, когда копать?

– Э-э, нет... китайцы, они все знают. У них глаза что твой рентген. Слышал, как стучит лопата по жестянке, а, Крис? Бум! Бум! Как гром. Хочешь в клуб?

У Трех скал по воде расходились круги. У камней появилась коричневая голова, за ней еще и еще. Одна держала в зубах серебряный нож. Нож изогнулся, шлепнул о воду – это был не нож, а рыба. Тюлень выбрался на скалу, а его приятели принялись нырять, поднимая волны. Устроившись на солнышке, тюлень спокойно сожрал рыбину, оставив лишь хвост и голову, потом лег и задремал.

– Интересно, приходилось им когда-нибудь видеть человека?

Тюлень повернул голову, жесткий непримиримый взгляд вызывал содрогание. Человек резко вскинул руки, будто прицеливаясь. Зверь стремительно перекатился в воду и нырнул.

Приходилось.

– Подобраться бы поближе... Из кожи сделаю сапоги, а мясо съем.

На галечном пляже под скалами лежали люди, одетые в шкуры, и ждали, перенося скуку и вонь. В сумерках огромные звери выходили из моря, играли среди людей и укладывались спать.

– Завернусь в плащ и стану совсем как тюлень. Подожду, пока привыкнут, и подберусь поближе.

День, еще один... Они выстроились как ряд отражений в зеркалах, подвешенных одно напротив другого. Усталость ощущалась, словно боль. Он карабкался на вершину скалы, сгибаясь под тяжестью неба, посреди бесконечной тишины. Остановился, с трудом повернулся, осматривая пустой горизонт. Гладкое море лежало, придавленное мертвым воздухом – переливчато-шелковое, с радужными маслянистыми пятнами, как застоявшаяся вода в канаве. Рябь на воде простиралась на многие мили, дробя на части расплавленное солнце, глотая его слепящий блеск и выплевывая уже в другом месте.

– Пока мы с Питером и Джорджем сидели в «Красном льве», погода успела перемениться.

Неподалеку от Трех скал на мгновение вынырнула тюленья голова. Перед глазами вспыхнула картинка: человек верхом на тюлене мчит, рассекая волны, к Гебридам.

– О господи!

Собственный голос испугал его – тусклый, жалкий, умирающий. Он уронил руки и опустился рядом с Гномом, скорчившись внутри разбитого тела. Из отверстия под окошком струйкой сочились слова:

– Как в детстве, когда я лежал в постели и думал о том, что ночь никогда не кончится. Не спал, боялся того, что во сне выглядывало из глубины подвала. Ворочался в смятой постели, горячей, пышущей жаром, пытался спрятаться и ждал, пока пройдут три вечности и наступит наконец рассвет. Вокруг был особый ночной мир, где может случиться все, что угодно, но только плохое. Мир грабителей, вампиров, призраков и прочих ужасов, где оживают безобидные дневные вещи – платяной шкаф или картинка из книжки; где вечно царит давящая, клубящаяся, как дым, тьма. Приходилось все время о чем-нибудь думать, о чем угодно, потому что стоило перестать, как сразу же вспоминалось то, что в подвале; разум бежал из плоти, спускался по темным ступенькам на три этажа мимо зловещих высоких часов, сквозь скрипучую дверь, и снова по страшной лестнице вниз, вниз – туда, где гробы выступают из стен... и застывал беспомощный на каменных плитах, тщетно пытаясь убежать, прочь, прочь...

Он приподнялся. Снова пустой горизонт.

– О господи!

Ожидание рассвета, первого чирикания птиц под крышами и среди ветвей. Ожидание полиции возле разбитой машины. Ожидание пули следом за вспышкой выстрела...

Небо давило на плечи все невыносимее.

– Что со мной? Я же взрослый, я знаю, что к чему. У меня нет ничего общего с тем ребенком в подвале, совсем ничего. Я вырос, я утвердился в жизни и сам ею управляю. Так или иначе, там, внизу, нет ничего страшного. Ожидание. Ожидание слов... нет, не следующих, а тех, когда я беру шкатулку с сигаретами. Вместо слов черная дыра. «Вчера ты совсем не знал роли, старина». Ожидание перевязки. Будет немного больно. Ожидание в кресле дантиста.

– Мой голос... он падает изо рта, как подстреленная птица.

Он поднес руки к лицу – две черные полосы огородили окошко. Колкая щетина, разгоряченные щеки.

– Что же это давит?

Он повернулся, оглядывая горизонт. Снова сверкающие волны, полный оборот.

– Меня спасут со дня на день, не стоит волноваться. Ключья прошлого – это ничего, но когда я вижу то, чего никогда не было... У меня есть вода и пища, разум и укрытие.

Плоть, плоть вокруг окошка. Руки распухли, странное ощущение. Он скосил глаза – полукруг глазниц тоже был искажен.

– Отеки? Как только пойдет дождь, надо содрать с себя все и помыться... если к тому времени меня не спасут.

Он ощупал лицо, покрытое щетиной. Оно сильно вздулось, но кроме давления неба ничего не чувствовалось.

– Забиться в щель, но не спать.

День стоял серый, жаркий и унылый.

– Говорил же, что заболēju. Надо было следить за симптомами.

Он спустился к пещере, и пил, пока вода не забулькала в желудке. Выполз наружу, все пропорции вокруг сместились. Скала была слишком твердой, слишком яркой, слишком близкой. Мир вокруг казался перекошенным.

Не с кем слова сказать.

Хреново выглядишь, старина.

– Откуда, черт побери, мне знать, как я выгляжу!

Над головой нависла гигантская тень, он вздрогнул и отпрянул, не сразу вспомнив связь между серебряной головой и шоколадной оберткой. Вставать было опасно, хотя причины объяснить он не мог. Заполз в расщелину, расправил одежду, натянув на себя все, что было. Долго лежал, подложив под голову надутый пояс. Небо снова налилось яркой синевой, но стало еще тяжелее. Из отверстия под щетиной вновь сочились слова:

– Волшебник-сон, брат смерти... Названия, цитаты, старые ярлыки –

не голова, а мешок старья. Не спи, потому что в подвале... Спите, герои, внемля... Нат спит, и бочка с джином тоже. Валяются на дне либо плавают поверху, как дерьмо. Здесь каждый может найти свою смерть. Смирись, крыса, лежи в своей клетке. Сколько дождей в этом месяце? А конвоев? А самолетов? Мои руки растут, тело пухнет. Тревога, боевые расчеты. Говорил же, что заболēju. Рубец на ноге жжет все сильнее, в штанах соль. Муравьиные укусы...

Он дернулся в тесной расщелине, правой рукой потрогал щеку – сухо.
– Значит, щиплет не пот.

Засунул руку назад, стал чесаться. Воротник бушлата резал шею. Где же шлем? Искать нет сил. Он лежал неподвижно, тело горело.

Глаза открылись. Над головой лиловело небо. Глазницы перекосились. Что делать, если отеки совсем перекроют видимость?

Отеки.

Жар и озноб накатывали волнами: расплавленное олово, кипящая кислота, густая, как масло. Он вскрикнул и рванулся из расщелины. Встал на колени, оперся о скалу, чувствуя боль в руках. Посмотрел на них, сначала одним глазом, потом другим. Руки вздувались и опадали, медленно пульсируя.

– Так не бывает, держись. Нить жизни... Это кажется.

Слишком большие, раздутые, как у мясника. Локти соскользнули, и он рухнул лицом вниз. Щека прижалась к твердому камню, рот раскрылся, глаза уставились в глубь расщелины. Волны прокатывались внутри тела. Он скрипнул зубами, завис в центре темного шара.

– Температура, видать, за сорок. Мне бы в госпиталь.

Запахи. Формалин, эфир, спирт, идиоформ. Сладкий душок хлороформа. Йод.

Картинки. Хромированные поручни, белые простыни и повязки. Высокие окна.

Прикосновения. Боль. Боль. Боль.

Звуки. Идиотское бормотание армейского радио из наушников, которые висят под листком с температурой и симптомами.

Вкус. Сухие губы.

Громко и торжественно:

– Так и есть, я болен!

Он разделся до трусов и нательной рубахи, но жгло до того невыносимо, что содрал все остальное, бросая как попало. Горячий воздух обдувал кожу, но обнаженное тело затряслось. Стуча зубами, он присел на стенку расщелины рядом с белесым рубцом «Клавдия».

– Надо как-то продержаться.

Он оглянулся. Линия горизонта плясала, море пульсировало, как руки. Лиловая линия то казалась совсем далекой, теряя всякий смысл, то придвигалась так близко, что можно было коснуться ее рукой.

– Думай. Не теряй рассудка.

Он обхватил голову руками и зажмурил глаза.

– Надо больше пить.

Глаза открылись, под ногами пульсировала Хай-стрит. По склону скалы шла полоса водорослей, но теперь он видел, что это не водоросли, а черные тени солнца. Дальше простиралось море, мертвенно ровное и безликое. Казалось, на воду можно встать и идти, если бы позволили распухшие ноги. Он дотащился до запруды и пролез в пещеру, тотчас же ощутив ледяной холод. Опустил лицо в воду и принялся хватать ее лязгающими зубами. Потом снова пополз наверх.

– Меня расплющило, это все небо и воздух. Разве может человеческое тело выдержать такой вес и не превратиться в лепешку?

Он помочился в канаву. Пернатые рептилии пролетели мимо скалы и устроились на плоской поверхности моря, спрятав ноги.

– Надо посрать, обязательно. Придумать что-нибудь. А пока надеть все, что можно, и хорошенько пропотеть.

Пока он одевался, сгустились сумерки, и в ночную расщелину пришлось спускаться на ощупь, пробуя путь ногами. Щель в скале расширилась, наполнилась обитателями. Временами она становилась больше скалы, больше всего мира, превращалась в жестяную коробку, такую огромную, что удары лопаты по стенкам звучали раскатами отдаленного грома. Потом он снова лежал в скале, а раскаты дальнего грома отдавались стуком лопаты по огромной жестяной коробке. Из отверстия под окошком непрерывно лились звуки, как из армейского радио, он разговаривал с людьми, которых не видел, но знал, что они рядом. Вот он дома, и отец возвышается над ним, как скала. Над головой отца грохочет гром и сверкает молния, мать вытирает слезы, едкие как кислота, и вяжет чулок без начала и конца. В слезах матери была своя прелесть – они обжигали, но зато накладывали на скалу рисунок.

Отверстие заговорило:

– Ей жаль меня на скале.

Плачет Сибилла, плачет Альфред. Всхлипывает Элен. В слезах ясное лицо мальчика. Полузабытые плачущие лица стояли перед глазами как живые.

– Они знают, что я один на скале, внутри жестяной коробки.

Слезы высохли, и лица окаменели, обернулись рядами масок на стенах бесконечного коридора. Рядом висели таблички «Не курить», «Туалет», «Выход» и сновали служители в униформе. Дальше была комната, которую следовало обойти, потому что там сидели боги, выставив страшные колени и ступни из черного камня, и по их каменным лицам текли и текли слезы. Каменные щеки, изрытые морщинами, размытые лица, едва узнаваемые. Слезы собрались на каменном полу глубокой лужей, которая обжигала ноги. Он то ли полз, то ли плыл, цеплялся за стену, пытаясь забраться повыше, но горячая жидкость все прибывала, а стена наклонялась внутрь, переходя в крышу, как в полукруглом тоннеле подземки. Слезы уже не стекали по каплям в пылающее море, а лились дождем прямо на голову. Слезинка, жемчужина, мячик, земной шар... Он завопил в ужасе, запертый внутри водяного шара, прожженный до костей, до самых глубин прошлого, растворенный без остатка в бесплотной всепоглощающей боли.

Прорвав поверхность, он вцепился в каменную стену. Света почти не было, но времени оставалось совсем немного. Из стены тоннеля – или колодца – торчали выступы. Он ухватился покрепче и полез, шаг за шагом, едва различая то, на что опирался. Это тоже были лица, похожие на те, из бесконечного коридора. Сделанные из какого-то камня вроде мела, они крошились и осыпались, и он не падал только потому, что непрерывно продвигался вверх. Его голос эхом отдавался в колодце:

– Я есть! Я есть! Я есть!

Был еще один голос, который лез в уши, как бормотание армейского радио. Его никто не слушал, но кретин болтал не переставая, повторяя одно и то же. Голос был как-то связан с нижней частью его собственного лица, и пока он карабкался, ломая удобные меловые ступеньки-лица, капал и капал не переставая.

– Тоннели, колодцы, капли воды – это все то же старье. Тебе нечего мне сказать. Я знаю, это просто сексуальные образы из подсознания, или как там его. Все давно объяснено и известно. Сексуальный бред, и больше ничего. Все эти ощущения, тоннели, колодцы и капли воды. Старье, и больше ничего, все тот же старый бред. Тебе нечего мне сказать. Я все знаю...

Летняя молния вспыхнула посреди внутренней расщелины, и он увидел тени, массивные, неподвижные, как углы бесконечного застывшего коридора, в котором терялся свет. Вот на мгновение оттаяла и ожила тень женщины. Казалось, она только что вдохнула и вот-вот выдохнет, и он знал заранее, кто она, где и когда, и почему дышит так тяжело, вздымая яблоки – запретные плоды – груди под шелковой блузкой. Знал, почему у нее вспыхнули румянцем щеки и даже кончик носа, что бывает нечасто. Высокий лоб, отстраненное и упрямое выражение – и три красных пятна, выстроившиеся в ряд. В огненном взгляде сквозили убийственная ярость и презрение. Этот взгляд без всяких слов подтверждал все, что она думала о его теле и разгоряченном рассудке. Ни внешность, ни голос ее ничем не выделялись, но глаза словно принадлежали совсем другому человеку, не имея ничего общего с неправильностью черт и жеманными благовоспитанными интонациями. Существовала одна Мэри – плод общественных усилий с самой колыбели. В шляпке и перчатках она посещала церковные службы, раздражающе изысканно держала себя за столом и несла на своих изящных маленьких ножках все совершенство дьявольской, источающей мускус женственности, тем более опасной, что сама девушка об этом не догадывалась. Стараниями общества каждое ее слово и движение можно было с легкостью предсказать. Она предпочитала исключительному заурядное и стремилась к респектабельности, словно влекомая магнитом. Респектабельность – самая подходящая компания для высокого лба, вечно поджатых губ и волос мышинового цвета. Но вот глаза... у них не было ничего общего с маской плоти, которую природа натянула на подлинное и невидимое лицо. Они куда больше подходили к осиной талии, яблочным грудям и прозрачной коже. Огромные и мудрые – полные той мудрости, которая никогда не всплывает на поверхность и не выражается словами. Они придавали ее молчанию, столь объяснимому с точки зрения усилий общества, оттенок тайны, которой в нем вовсе и не было. Все это в сочетании с неистовым мускусом, маленькими запретными грудями и поистине неприступным целомудрием стало смертным приговором Актеону. Глаза позволяли ей по праву занять особое место в мире внутри окошка, освещенном вспышками летних молний. Они рождали безумие – не столько плотское, сколько безумие гордыни, стремление побеждать и разрушать, обрывая растущие побеги жизни; они возвращали назад, в ночи

детства, к вечной жаркой постели со скомканными простынями, к безысходному отчаянию. Все, что она делала, становилось вдруг важным, несмотря на тривиальность, даже оникс ее стал талисманом. Любая нитка с твидовой юбки – дешевой, невзрачной, фабричного пошива – обретала волшебную силу благодаря Мэри. Ее фамилия... Колени больно ударились о скалу. Ее фамилия, брошенная теперь ради мертвого Натаниэля, заставляла его заглядывать в справочник в страхе, что она окажется известной и тем самым позволит своей носительнице еще прочнее укрепиться в центре его вселенной. По воле какого случая – или, что еще хуже, какого мирового закона – встала она на его пути к власти и успеху, неприступная и манящая? О, как уничтожить ее, как овладеть ею? Кто позволил занять ей, будто по праву, место внутри окошка, будучи всего-навсего одной из ступеней триумфального подъема? Все эти ночи воображаемых соитий, когда думаешь не о любви, не о чувствах, не о покое и не о триумфе, а лишь о мучениях содрогающегося тела, подгоняемого свистящим шепотом – получай, получай! За твои поджатые губы, за пятна румянца, за сомкнутые колени, за неколебимое равновесие на высоких каблучках – за все, и провались ты со своим магическим возвышенным целомудрием!

Как же ей удалось так цепко ухватиться за самый центр моей драгоценной тьмы, когда единственное настоящее чувство к ней – ненависть?

Бледное лицо, красные пятна. Последняя попытка, и я знаю, что она скажет, средоточие благопристойности и скуки! Вот оно, и само собой, с интонациями верхнего регистра респектабельности:

– Нет.

Один слог, а какая выразительность!

– Зачем же тогда вы пришли сюда со мной?

Красные пятна, три в ряд.

– Я думала, вы джентльмен.

Ну, разумеется.

– Вы так утомительны.

– Пожалуйста, отвезите меня домой.

– И это в двадцатом-то веке? Вы в самом деле обиделись? Разве нельзя сказать просто: «Извините, я не могу?»

– Я хочу домой.

– Но послушайте...

Я должен, должен, ну как ты не понимаешь, сучка?!

– Тогда я поеду на автобусе.

Еще одна попытка. Последняя.

– Погодите. Мы говорим на разных языках. Я хотел объяснить... это так сложно. Неужели вы не понимаете, что я... о, Мэри, я на все готов, чтобы доказать...

– Мне очень жаль, но в этом смысле вы мне неинтересны.

Сдерживая поднимающуюся ярость, избитое:

– Значит, все-таки нет?

Последнее торжествующее оскорбление, тоном понимающим и сочувствующим:

– Простите, Крис. Мне в самом деле очень жаль.

– Ах, ну да, вы станете мне сестрой.

Умопомрачительно спокойно, отменяя сарказм:

– Если захотите.

В ярости он вскочил на ноги.

– Тогда идем. Пошли отсюда, будь оно все проклято!

Ждать тенью на сиденье водителя. Она что, совсем не знает меня? Выходит из придорожной гостиницы и идет, выставя носочки как в бальном зале, по невидимой натянутой над дорожкой веревочке, над головой развевается знамя неприступного целомудрия.

– Дверь плохо закрылась, секундочку...

Легкий аромат духов, касание дешевенького перелицованного твида, рука на рычаге сцепления, дорога, стремительно уносящаяся назад, затемненные фонари военного времени и никому не подвластные летние молнии отсюда до горизонта. Зубчатый цветастый занавес листвы, деревья, вызванные из небытия светом фар и тут же рушащиеся в пропасть следом за разбитыми надеждами.

– Вы не слишком быстро едете?

Укоризненный наклон головы, поджатые губки, глаза из-под дурацкой шляпки, далекие, утонувшие во тьме. Нога, вдавленная в педаль.

– Пожалуйста, Крис, помедленнее!

Визг протектора, рывок, рев мотора.

– Пожалуйста...

Скорость, мелькание кадров пленки.

Сила и власть.

– Пожалуйста, прошу вас!

– Тогда прямо сейчас, здесь, в машине.

– Прошу вас!

Съехавшая шляпка, извилистая дорога, стволы деревьев...

– Я убью нас обоих.

– Вы сошли с ума... О, прошу вас, прекратите!

– На развилке дороги дерево с беленым стволом, я в него врежусь твоей стороной, и от тебя останется мокрое место!

– Господи боже мой!

Обочина, куча камней, удар, разворот, снова вперед, пожирая асфальт и отбрасывая назад к разбитым надеждам, туда, в подвал...

– Мне дурно!

– Полюби же меня! Не хочешь?

– Пожалуйста, остановитесь!

Обочина, нога на тормозе, мертвый двигатель, темнота, тряпичная кукла, ожившая при вспышке летней молнии, коленки, сомкнутые над драгоценной девственностью, одна рука придерживает твидовую юбку, другая отбивается, полуголая грудь, которую уже нечем защитить.

– Я закричу!

– Кричи сколько хочешь.

– Грязный мерзавец!

Отсвет молнии на белом лице, застывший взгляд в упор, взгляд придуманной женщины, запутавшейся в притворстве и вынужденной смириться со своей грубой плотью, брэнной оболочкой. Глаза, полные непримиримой ненависти. Никакого больше респектабельного регистра, простонародный выговор:

– Куда лезешь, свинья? Только попробуй...

Последняя попытка. Я должен.

– Я женюсь на тебе.

Еще молния.

– Крис. Прекрати смеяться. Слышишь? Прекрати! Прекрати, я сказала!

– Ненавижу! Не хочу тебя ни видеть, ни слышать, никогда в жизни.

Питер едет позади, они уже выдохлись. Под ним новенький велосипед, но у Питера еще лучше. Если Питер прорвется вперед, его уже не догнать. Позиция подходящая, отстают ровно на полкорпуса, никогда бы он этого не сделал, не будь так увлечен гонкой. Дорога поворачивает вправо, как раз перед грудой камней. Высокая груда камней для ремонта дороги к ферме Ходсона. Не сворачивать, еще немного, на долю секунды дольше, чем он ожидает... Вот теперь пускай сворачивает, если сможет, со своей позиции. Отлично, умница!

Нога, Крис, нога... я боюсь смотреть на ногу... Господи...

Шкатулка для денег, японская, с позолотой. Открытая и пустая. Что же

теперь делать, расписок-то никаких не было. Заходи как-нибудь, выпьем вместе.

Она жена продюсера, парень.

Умница. Сила и власть. До дому пешком дотопаешь. Умница. Настоящие слезы портят торжество. Умница.

На сцену. Шаг, еще шаг. Я червяк покрупнее тебя. Тебе по сцене не пройти, потому что стол мешает, а я дойду до самой стеклянной двери.

– Нет, старина, извини. Труппа и без тебя обойдется.

– Но, Джордж... мы же работали вместе! Ты знаешь меня...

– Еще бы, старина, конечно. Знаю.

– В армии я пропаду. Ты же видел меня в работе.

– Видел, старина.

– Но...

Взгляд из-под бровей. Белозубая улыбка, сначала сдержанная, ширится, отражаясь в полированной крышке стола.

– Я давно ждал чего-нибудь такого, потому и не вышвырнул тебя раньше. Надеюсь, старина, там тебе попортят профиль. С нужной стороны.

Десять тысяч способов отправить человека на тот свет: подсыпать яду и сидеть, наблюдая, как улыбка превращается в оскал; схватить за горло и держать, пока оно не станет твердым, как дерево.

Она надевает пальто.

– Элен...

– Да, моя прелесть.

Взгляд снизу вверх, острый, лисий.

– Мы так давно не виделись.

Глубокий вздох.

– Не будь сентиментальным, милый.

Страх.

– Помоги мне, Элен. Я пропаду без тебя.

Черные глазки-личинки на белом лице. Отстраненность. Расчет. Смерть.

– Конечно, милый, что угодно.

– В конце концов, Пит твой муж.

– Как грубо, Крис.

– Поговори с ним.

На диванчик, поближе, рядышком.

– Элен...

– Лучше попроси об этом Марго, дорогой, или ту крошку, которую ты возил кататься.

Паника. Глаза-личинки на белом лице – черные твердые камни.
Сожран.

Натаниэля переполняют чувства – он не кипит, не бурлит, а подрагивает, почти сияет.

– У меня отличная новость, Крис.
– Неужто наконец встретился с вечностью?

Нат задумался, глядя на полку со справочниками.

Опознав замечание как шутку, ответил преувеличенно глубокомысленным тоном, который приберегал для юмора:

– Да, через посредника.
– Что за новость, война окончилась? Выкладывай, у меня мало времени.

Натаниэль уселся было в кресло, но ему показалось низко. Пристроился на подлокотнике, поднялся, стал перебирать книги на столе. Выглянул на улицу через щель в темных шторах светомаскировки.

– Я решил идти на флот.
– Ты?!

Он кивнул, продолжая смотреть в окно.

– Если, конечно, меня возьмут. Летать я не умею, да и в пехоте пользы от меня мало.

– Ты что, дурак? Или тебя призывают?

– Да нет пока.

– Я думал, ты против войны.

– Так и есть.

– Стало быть, пацифист. Тогда почему?

– Не знаю. Правда, не знаю. Можно думать и так, и этак, однако, в конце концов, ответственность выбора – слишком тяжелый груз для одного человека. Я должен идти.

– Ты уже решил?

– Мэри со мной согласна.

– Мэри Лавелл? Она-то тут при чем?

– Это и есть новость.

Натаниэль повернулся с книгой в руке. Подошел к камину, взглянул на кресло, потом вспомнил о книге и положил ее на стол. Придвинул к себе стул и примостился на краешке.

– Помнишь, что я говорил вчера вечером после спектакля? Про то, что наши жизни тянутся вспять к самым корням времени, через всю историю.

– А я сказал, что ты, наверное, когда-то был Клеопатрой.

Нат снова задумался.

– Не думаю. Не настолько знаменитым.

– Ну, тогда Генрихом Восьмым. Это и есть новость?

– Мы все время натываемся на знаки. Они как вспышки откровения... это дано свыше. И когда... – Длинные руки раздвинулись в стороны, словно поддерживали стремительно растущую голову. – Когда встречаешь кого-нибудь, сразу чувствуется, если в тайном прошлом он был с тобой связан. Тебе не кажется? Вот ты и я, например. Помнишь?

– Вечно ты фантазируешь.

Натаниэль кивнул.

– Бывает. И все-таки мы связаны друг с другом. А помнишь, как ты познакомил меня с Мэри? Все трое сразу отреагировали. Это как вспышка или удар, а потом сразу уверенность: «Я уже знал тебя».

– О чем ты, черт побери?

– Она тоже почувствовала, сама сказала. Ты знаешь, она такая умная! А теперь мы оба уверены. Все это, конечно, предначертано свыше, но мы все равно благодарны тебе за то, что ты нас познакомил.

– Тебя с Мэри Лавелл?

– Конечно, все это непросто, мы все продумали, и вместе, и порознь...

Комната расплывалась перед глазами. Казалось, голова Ната пульсирует, меняя размеры.

– Знаешь, Крис, я буду страшно рад, если ты согласишься быть шафером у нас на свадьбе.

– Так вы собираетесь пожениться? Вы с...

– Да, это и есть моя новость.

– Но... это невозможно!

Голос отдался в ушах болезненным звоном, он увидел, что стоит. Нат, не замечая, смотрел в огонь камина.

– Я понимаю, это неожиданно, но мы все взвесили. А теперь я иду служить на флот. Она такая славная, такая храбрая... Да и ты, Крис, наверняка придешь к такому решению.

Он застыл, глядя сверху вниз на взъерошенную черноволосую голову, и понимал все более ясно силу обстоятельств и неотвратимость принятого не им решения. Наступил момент, когда жрут его самого. Кровь бросилась в лицо, в памяти, как фотоснимки из упавшей стопки, рассыпались картинки. Мэри в лодке, поправляющая юбку. Мэри идет в церковь, источая

холодную надменность всей своей осанкой и походкой. Мэри сопротивляется, смыкая коленки над драгоценной девственностью, одергивая твидовую юбку и отбиваясь...

– Я закричу!

Нат взглянул на него, удивленно приоткрыв рот.

– Я не валяю дурака, поверь. Ты не волнуйся...

Фотоснимки исчезли.

– Извини, я сам не понял, что у меня вырвалось... это из какой-то пьесы.

С робкой улыбкой Нат развел руками.

– Со звездами не спорят.

– Особенно если они согласны с твоими желаниями.

Подумав, Нат слегка покраснел и серьезно кивнул.

– Есть такая опасность.

– Будь осторожней, Нат.

Как он будет осторожней, если не знает, откуда ждать опасности? Станет держаться подальше от меня? Или вместе с нею удалится от центра моей тьмы?

– Когда меня здесь не будет, присмотри за ней, Крис.

Что-то на самом деле есть в звездах... а может, нелепый порыв вырвал из меня слова вопреки моей воле?

– Будь осторожен... особенно со мной.

– Крис!

Потому что я люблю тебя, болван, и в то же время ненавижу. Да, теперь ненавижу!

– Ладно, Нат, не обращай внимания.

– Все равно не понимаю.

Порыв иссяк, растоптан, отброшен.

– Я тоже иду во флот.

– А как же театр?

Растоптан ненавистью и расчетом.

– Не у тебя одного есть высокие чувства.

– Дорогой мой! – Нат с восторгом вскочил на ноги. – Может, попадем на один корабль.

Мрачно, предчувствуя избранный путь:

– Уверен, что так и будет. Так говорят звезды.

Нат серьезно кивнул.

– Мы принадлежим к одной стихии. Наш знак – вода.

– Воды... Воды...

Одежда стягивала сырыми узлами. Он выволок тело на солнце и прилег, распластанный, как водоросли на скале. Вцепился непослушными пальцами в застёжки бушлата, провожая глазами разлетевшуюся колоду фотоснимков. Скинув бушлат, он стал срывать с себя все остальное. В одних трусах и нижней рубаше пополз по камням сначала к выбоине с водой, а затем взобрался наверх по Хай-стрит и свалился без сил возле Гнома.

– Если я не брежу, то от одежды валит пар. Это пот.

Он прислонился спиной к Гному.

– Держись, ты умный.

Белые пузыри покрыли ноги. Он поднял рубаху – пузыри обнаружили и на животе. Припухлости на лице тоже оказались пузырями.

– Я должен выжить!

Что-то яростно рванулось в памяти.

– Я выживу, даже если придется сожрать все, что найдется в этой проклятой коробке!

Он снова взглянул на ноги.

– Знаю я, что это за дрянь. Крапивница. Пищевое отравление.

Над телом поднимался дрожащий пар. Четко очерченные, мертвенно-белые пузыри вздулись так, что даже распухшие пальцы ощущали их контуры.

– Говорил же, что заболею, вот и заболел.

Он оглядел тусклым взглядом линию горизонта, но ничего там не нашел. Посмотрел на ноги и подумал, что они тонковаты для такого количества пузырей. Чувствовалось, как вода под рубахой перетекает от одного пузыря к другому.

Давление неба и воздуха распирало голову.

Мысль лепилась как скульптура по эту сторону глаз, перед невидимым центром. Центр следил за ней в промежутки безвременья, когда капли пота преодолевали путь от одного пузыря до другого. Однако он знал, что эта мысль – враг, и потому, хоть и смотрел, не соглашался и не делал из нее выводов. Если медлительный центр сейчас и действовал, он сосредоточился на себе, пытаясь идентифицировать свою сущность, а мысль оставалась неподвижной, как застывшая мраморная фигура в парке, на которую никто не обращает внимания. Кристофер, Хэдли и Мартин стали разрозненными фрагментами, и в центре тихо тлело негодование на то, что они посмели отделиться. Зрительное окошко заполнялось цветовым рисунком, но центр в своем странном состоянии не воспринимал его как нечто внешнее. Цвет был единственным видимым пятном, словно освещенная картина в темном зале. Снизу доходило ощущение струящейся влаги и неудобства, доставляемого твердым камнем. Пока центр был удовлетворен, он знал, что существует, пусть даже Кристофер, Хэдли и Мартин – всего лишь далекие осколки.

Картину на стене скрыла завеса из волос и плоти, и изучать стало нечего, кроме единственной мысли. Он познал мысль. Ужас, пришедший с нею, заставил использовать тело. Огненные вспышки нервов, напряжение мышц, вдохи и выдохи, дрожь. Мысль обратилась в слова и вытекла из рта.

– Меня никогда не спасут.

Ужас сотворил большее: шарниры суставов распрямились, тело встало на ноги и заметалось по площадке Наблюдательного поста под тяжестью неба, а потом приникло к Гному. Каменная голова тихо кивала, и солнце лучом металось туда-сюда, вверх-вниз по серебряному лицу.

– Заберите меня отсюда!

Гном ласково кивнул блестящей головой.

Он скорчился над белесой канавой, цветовые пятна снова замелькали перед окошком.

Кристофер, Хэдли и Мартин шагнули друг к другу. Подчиняясь воле центра, цвет занял все пространство над скалой, разлился по морю и небу.

– Надо знать своего врага.

Телом владела болезнь. Солнечные ожоги, потом отравление – и мир сошел с ума. Надежды падали в пропасть, где клубилось одиночество.

Пришла мысль, а за ней другие, невысказанные и непризнанные.

– Возьми их и посмотри.

Запас воды висел на волоске, сохраняемый лишь илистой запрудой. Еды с каждым днем становилось все меньше. Тяжесть, неопишуемая тяжесть давила на тело и мозг, за сон приходилось бороться с обрывками старых фильмов. Еще был...

– Был и есть.

Он сидел, скорчившись на скале.

– Возьми и посмотри.

– Еще картинка. Я не знаю, что это, но разум смущает даже неясная догадка.

Нижняя часть лица шевельнулась, обнажая зубы.

– Оружие. Кое-что еще осталось.

Разум – последний рубеж. Монолитная воля. Стремление выжить. Мой разум, ключ ко всем картинкам: разум способен создать их и наложить на окружающее. Сознание в дремлющей вселенной – темный, неуязвимый центр, убежденный в своей самодостаточности.

Слова снова закапали на промокательную бумагу.

– Здравый смысл – это способность к восприятию реальности. Какова же реальность моего положения? Я один на скале посередине Атлантики. Вокруг – безбрежное пространство плещущейся воды. Однако скала стоит твердо, она уходит далеко вниз, соединяясь с морским дном, а значит, и с родными берегами и городами. Я должен помнить, что скала тверда и незыблема. Если она сдвинется, значит, я сошел с ума.

Над головой захлопал крыльями летающий ящер и выпал из поля зрения.

– Надо держаться. Во-первых, за жизнь, во-вторых, за рассудок. Я должен что-то предпринять.

Он снова зашторил окошко.

– Я отравлен. Прикован к свернувшейся кольцами кишке длиной не больше крикетного поля. Все ужасы ада всего лишь следствие обыкновенного запора. Что копать в добре и зле, если змея свернулась в моем собственном теле?

Он подробно представил себе кишечник, его медленные сокращения и результат смены привычной пищи на отравленную пробку.

– Я Атлант. Я Прометей.

Он представил себя гигантом, высящимся на вершине скалы. Челюсти сжались, глаза надменно взглянули сверху вниз. Герой, которому по плечу невозможное. Он встал на колени и неумолимо пополз вниз по склону.

Нашел в расщелине пояс, взял нож и отпилил от резиновой трубки металлическую насадку с колпачком. Пополз дальше, к «Красному льву». Вдали заиграла музыка: отрывки из Чайковского, Вагнера, Хольста. Ползти было не обязательно, но торжественная размеренная музыка требовала движения неторопливого и непреклонного, наперекор всем преградам. Колени крушили пустые ракушки, словно глиняные черепки. Торжествующие аккорды рвались к небу, раздуваемые сияющей медью.

Он добрался до камня с лужицей, где жила обросшая тиной мидия и три аккуратных анемона. Крошечная рыбка по-прежнему плавала, но уже с другой стороны. Он погрузил пояс в воду, и рыбка отчаянно заметалась. Из трубки струйкой вырвались пузырьки. Он сжал резину, потом расправил. Вода заструилась внутрь между рвущихся вверх пузырьков. Еще, еще глубже. Он вытащил пояс и потряс, внутри забулькало. Он снова утопил его и сжал. Звук струящейся воды сливался с голосами медных и деревянных труб. Скоро, совсем скоро оркестр на миг умолкнет, а затем зазвучит кода... Над водой показалась обросшая водорослями верхушка мидии. Крошечная рыбка в ужасе от неожиданного отлива забилась на влажной скале, борясь с поверхностным натяжением. Анемоны захлопнули рты. Спасательный пояс заполнился на две трети.

Расставив ноги, он откинулся на скалу. Море играло с солнцем под ликующую музыку, вселенная затаила дыхание. Охая и постанывая, он ввел себе трубку в задний проход, сложил пояс вдвое и уселся на него, добавляя давления руками. От морской воды в кишечнике холодно покалывало. Он мямл и жал резиновый мешок, пока не вышла вся вода, затем извлек трубку и осторожно подполз к краю утеса. Гром оркестра затих.

Кода приблизилась – и наступила. Она обрушилась в море во всем торжественном великолепии отточенной техники: как прорыв плотины, как мощная атака, сметающая все препятствия – судороги нот, могучие аккорды, сверкающие арпеджио. Отдав коде все силы, он растянулся на скале, опустошенный. Оркестр умолк.

Он обернулся к скале.

– Ну что, кто победил?

Рука небес была тяжела. Он поднялся на колени среди россыпей пустых ракушек.

– Теперь я в здравом рассудке и не буду рабом собственного тела.

Он опустил глаза на мертвого малька. Ткнул пальцем в анемона. Изыщные лепестки дернулись, пытаясь ухватить добычу.

– Жжет. Отрава. Меня отравили анемоны. Похоже, дело не в мидиях.

Силы понемногу возвращались, но не настолько, чтобы героически

ползти. Он медленно побрел на вершину.

– Все на свете можно предвидеть. Я знал, что не утону, – и вот она, скала. Знал, что смогу здесь выжить, – и живу, переборов змею в своем теле. Знал, что буду страдать, – и страдаю, но я все равно выйду победителем. В этой новой жизни есть свой смысл, невзирая на тяжесть и промокательную бумагу.

Он уселся рядом с Гномом, задрав колени. Глаза смотрели наружу, а значит, он жил на свете.

– Похоже, я хочу есть.

Почему бы и нет, если жизнь начинается заново?

– Еда в тарелке. Вкусная еда и уют. Еда в магазинах и мясных лавках, еда, которая не уплывет, не сожмется в кулак, не скользнет в расщелину – разделанные туши на прилавках, целые груды даров...

Глаза повернулись к морю. Начинался отлив, от Трех скал потянулись глянцево-голубые полосы.

– Оптический обман.

Скала стоит твердо, это факт. Порой кажется, что она вдруг двинулась вперед, но это лишь оттого, что у глаз нет другой точки отсчета. Однако за горизонтом – берег, и как бы вода ни перемещалась, расстояние до него останется неизменным. Губы искривились в мрачной ухмылке.

– Неплохо задумано. Кто-то бы купился.

Это как поезд, который стоит на месте, но кажется, будто поехал назад, когда отходит соседний. Как перечеркнутые наклонные линии.

– Разумеется, скала стоит, а вода движется. Ну да. Прилив – это гигантская волна, которая оmyвает весь мир, вернее, это мир крутится в волнах прилива, а я со скалой...

Он поспешно глянул вниз между ног.

– Ну да, стоит.

Еда на прилавках, она не уплывает, навалена в кучу, все дары моря. Омар, который не скроется, не скользнет в расщелину...

Он вскочил на ноги и уставился в подводные заросли у Трех скал.

– Кто и когда видел в море красного омара?

Ощущение пустоты. Он падал, потом наступила тьма, где не было ничего.

Нечто выбиралось на поверхность. Оно не знало себя, потому что забыло свое имя. Нечто состояло из частей и пыталось собрать их вместе, чтобы понять, что собой представляет. Шум, разрозненные звуки... Части, дрожа, сошлись вместе – он лежал на краю утеса, изо рта струился тихий

храп. Из глубины тоннеля тянуло ощущением бессилия. Настоящее было отделено от мгновения ужаса, позволяя забыть, в чем ужас состоял. Тьма отделенности казалась глубже темноты сна, глубже любой живой темноты, потому что время здесь пришло к своему концу. Провал в небытие, колодец, выводящий из мира. Любая попытка просто быть изматывала настолько, что оставалось лишь лежать на скале, ощущая свое существование.

Перед глазами возникла мысль.

Значит, я умирал. Это была смерть. Я до смерти перепугался, рассыпался на части, а теперь части соединились, и я жив.

Вид в окошке тоже изменился. Три скалы торчали совсем рядом, острые предметы резали щеку. «Осколки раковин», – догадался он.

– Кто меня сюда принес?

Слова сопровождала боль – он проследил ее до кончика языка. Язык распух и болел, во рту стоял соленый вкус. Рядом на скале лежали брюки, на скале виднелись странные отметины – белые, параллельные друг другу. В них была кровь и следы пены.

В твердом, как палка, предмете он узнал правую руку, вывернутую назад. Боль в плече. Он переложил руку удобнее и перевел взгляд на пальцы, которыми она заканчивалась.

Теперь он понял, что лежит нагишом: пальцы сжимали трусы – рванные, в кровавых пятнах.

– Я дрался.

Он лежал, погруженный в размышления.

– Значит, на скале есть еще кто-то, кроме меня. Подкрался и избил.

Лицо скривилось.

– Не валяй дурака, ты здесь один. Это был припадок.

Он нащупал левую руку и вскрикнул от боли.

– Сколько времени прошло? Сейчас сегодня или вчера?

Тело медленно поднялось на четвереньки.

– Как раз в тот момент, когда я снова стал собой, когда победил, что-то произошло. Новый страх. Чем он порожден, реальностью?

И провал в ничто.

– На этой стороне провала все совсем иначе. Будто в театре после репетиции, когда выключили свет, и вместо ярких живописных декораций видишь грубо размалеванный картон в лучах дежурной лампы. Как в шахматах: проводишь блистательную атаку, но прозеваешь шах, и вот ты уже связан по рукам и ногам.

Сверкающее море, надежда, хотя и почти потерянная, героизм... а

потом, в самый момент торжества, осознание и страх, как удар кулака.

– Что же такое я вспомнил? Лучше не вспоминать. Не забыть забыть. Сумасшествие?

Хуже сумасшествия. Здравый смысл.

Он пополз вверх по своему следу: раскиданная одежда, пятна на скале. На вершине возле Гнома остановился, рассматривая странные отметины на камне – ровную линию перечеркивали следы зубов.

– Этого следовало ожидать. Все можно предвидеть. Мир движется по правилам, запомни.

Он задумчиво взглянул на полосы, которые скала оставляла за собой.

– Не надо смотреть на море. Или надо? Что лучше – потерять рассудок или сохранить? Лучше сохранить. Я видел совсем не то, что мне казалось. Память меня обманула.

Внезапно пришедшая идея заставила его обыскать всю скалу, тщательно, дюйм за дюймом. Лишь спустя вечность, полную волнения, падений и ушибов, он понял, что глупо искать кусочек дерева, которого здесь нет.

Трусы все еще болтались в руке, и ему вдруг пришло в голову, что их можно надеть. Туман в голове постепенно рассеивался, осталась только боль. Он ощупал голову – там была шишка, волосы слиплись от крови. Оглядел ноги – белые пузыри опали и уже не беспокоили. Ноги привычно понесли его к выбоине с водой. В проеме на дальнем конце внезапно вспыхнул яркий свет, и глубоко засевший рассудок тут же погнал тело на Наблюдательный пост. Он знал, что предвещает эта вспышка и последовавший за ней звук.

Солнце все еще сияло, но одна сторона горизонта уже менялась. Он встал на колени, наблюдая за переменной. Небо вновь перечеркнула вертикальная вспышка, оставив след в каждом глазу. Он заглянул за зеленые полосы и увидел на поверхности моря четкую линию тьмы. Линия стремительно приближалась. Сознание взорвалось, заполняя каждую клеточку тела.

– Дождь! Я же говорил, будет дождь!

Да будет дождь – и стал дождь.

Он спустился по Хай-стрит, взял зюйдвестку и пристроил на дне расщелины, где заканчивался Клавдий. Спрятал всю одежду, ощущая нарастающий шум и яркие вспышки. Расправил на скале плащ, окунул тело в резервуар. Стал подниматься на вершину и тут услышал шорох дождя – темная завеса накрыла скалу Спасения. Капли воды ударили в лицо, запрыгали под ногами, отскакивая от Гнома и каменной площадки. Тело

тут же вымокло с головы до ног – и засверкало.

Содрогаясь от громовых ударов и вспышек, рвущихся из-под занавеса, он забился в расщелину головой вниз, но мертвенный свет, раздиравший слух, проникал в самую глубину. Потом наступала короткая тишина, в которой осталась лишь одна пронзительная нота. В ней слышалось что-то знакомое, проникавшее в голову не хуже грома. Дождь барабанил по ногам, изо рта лились звуки, но слова было невозможно разобрать. Вода хлынула в расщелину, затекая под щеку, капала со скалы, омывала все тело. Он выбрался из щели и оказался под настоящим водопадом. Струя воды хлестала из Клавдия, зюйдвестка уже наполнилась до краев. Он взял ее, ощущая тяжесть, и стал лить воду в рот. Положил зюйдвестку на место, вернулся к плащу. Ванна была готова, но тело уже омыл ливень, словно под душем. Он забрал зюйдвестку, снова полную, и пошел в запруде. Струйки влаги журчали под крышей. Вода устремлялась вниз, просачивалась в невидимые щели и стекала в выбоину, переключаясь множеством голосов. Полоса красной грязи почти исчезла.

– Я же говорил, будет дождь.

Дрожа в ледяной пещере, он ждал, когда наступит удовлетворение от исполнившегося предсказания, но не дождался.

Он нахмурился, не прислушиваясь больше к звукам воды.

– Что же я прозевал в этой партии? У меня была атака, все шло хорошо, а потом...

Потом темный провал, отделивший одно светлое время от другого. То, что произошло, осталось на той стороне провала – лучше о нем не вспоминать. Но как же контролировать то, что нарочно забыл? Это было как-то связано с картинкой, с новой картинкой.

– Враг.

Он рассмотрел слово, произнесенное ртом. Если не думать о смысле, звучит безобидно. Стараясь не вспомнить, он заставил себя не думать, подчиняя рот своей власти.

– Как скала может быть врагом?

Он поспешно выполз под дождь, который чуть утих. Шторм уходил к Трем скалам, волны с этой стороны успокаивались. Тучи тяжело висели над головой. Под ними лежало серое тусклое море, беспокойный ветер свистел в расщелинах скалы.

– Это краевой шторм. Циклоны в северном полушарии вращаются против часовой стрелки. Ветер южный, значит, я на восточном краю циклона, который идет на восток. Раз я могу предсказать погоду, я уже вооружен. Теперь проблема в том, как пережить избыток воды, а не ее

нехватку.

Он почти не обращал внимания на слова. Рот читал лекцию лишь для самоутверждения. Однако даже жалкие обрывки знания напугали центр внутренней сферы, и он пришел в движение. Едва увернувшись от одного клочка информации, он тотчас натыкался на другой и пытался стереть, пока не понял, что игнорировать их не удастся.

– Проблема безумия столь сложна, что удовлетворительного определения нормы пока никто не дал.

Там, вдали, рот продолжал трещать:

– Где, к примеру, провести границу между легко возбудимой психикой и случаем настоящего маниакально-депрессивного психоза?

Центр следил за штормом, в ужасе ожидая его возвращения, и думал о том, как различить сон и бодрствование, если видишь одни только киноролики из прошлого.

– Что такое навязчивый сон? Невроз? Но тогда самый нормальный ребенок еще в колыбели выдает все симптомы невраза.

Если идти шаг за шагом, не обращая внимания на провал тьмы и ужас, повисший на губах, идти прочь от скалы – сквозь службу на флоте, сцену, университет, школу – назад к колыбели, то попадешь в подвал. А из подвала – назад на скалу.

– Ответ дает только разум. Именно он отличает нас от беспомощных животных, запертых в рамках застывших моделей поведения.

Однако темный центр уже разглядывал новую мысль, словно монумент, возникший на месте прежнего в сумрачном парке.

Птичий помет не растворяется.

А если так, то вода в верхней расщелине не может быть липкой влагой, от прикосновения к которой в глаз вонзается огненная игла.

Язык прошелся вдоль барьера зубов – назад и вбок, где между коренными зиял провал. Сердце заколотилось. Глаза смотрели на море, но ничего не видели. Язык вспоминал, ощупывая провал и воссоздавая забытые очертания. Коснулся вершины скалы, прошелся по склону, преодолевая одну за другой ноющие расщелины, вниз к площадке «Красного льва» как раз над десной... – и понял наконец, чем так навязчиво и болезненно знакома одинокая растрескавшаяся скала посреди океана.

Оставалось только защищаться. Оставался центр. Вздвиг тело, он погнал его вниз, в расщелину. Он нашел мокрую одежду, натянул все на себя, придирчиво разглядывая конечности, обернутые изодранной тряпьем. Тело и одежда были неуклюжи, как водолазный костюм. На Столовом утесе набрал мидий и заставил рот принять их. Он смотрел только вниз, туда, где у камней плясала вода. Море покрылось рябью, и каждая маленькая волна несла на гребне еще одну, совсем крошечную. Глубина стала непроницаемой, а поверхность воды – холодной и серой. Пока челюсти работали, он сидел неподвижно, положив двух омаров рядом на скалу. Морозящий дождь колот кожу, взбаламученные волны беспорядочно плескались. Потом омары подбирали крохи пищи и несли в рот. Доспехи защищали омаров от невыносимой тяжести неба.

В перерыве между мидиями голос что-то бормотал, то приближаясь к рассудку и истине, то снова соскальзывая назад.

– У меня нет доспехов, оттого и расплюснулся в лепешку. Профиль тоже испорчен. Рот выдается вперед, и у меня два носа.

Центр, однако, думал о другом.

– Надо быть осторожней на ветру. Я не хочу умирать заново.

Мидий было много – занятый делом рот отвлекся от других возможностей.

– Я всегда был двойственен, имея тело и рассудок. И теперь ничего не изменилось, просто стало яснее.

Центр обдумывал следующий шаг. Мир можно скрепить заклепками, а плоть – челюстями муравьев, как это делают в Африке. Воля способна сопротивляться.

Наконец мидии закончились. Омары притворились, будто кладут еду в рот, однако рот не узнавал прежнего ощущения.

– Надо.

Он повернулся на четвереньках. Затаив дыхание, поглядел вверх и увидел на фоне неба старуху, выбравшуюся из подвала.

– Это Гном. Я дал ему серебряную голову.

В лицо хлестнул ветер и дождь. Старуха кивнула помутневшим серебряным ликом.

– Хорошо, что я надел серебряную маску на другое лицо. Это Гном. Это еще не следующий ход.

Он снова погнал тело к Наблюдательному посту, подтащил к Гному и заставил встать на колени. Гном все так же ласково кивал серебряной головой.

В самой верхней расщелине что-то изменилось. Он испуганно отпрянул, потом осторожно заглянул внутрь. Белая жижа на дне расплескалась: от стенки откололся и рухнул пласт камня. Он придвинулся ближе и осмотрел камень. Один край пласта был старый и выветренный, три других – белые, как помет, со свежим изломом. Камень имел шаг в длину и дюймов шесть в толщину – огромная толстая книга со странным тиснением на белой обложке. В первый момент картинка понравилась глазам, потому что там не было слов: слова прикончили бы его окончательно. Глаза снова и снова обводили причудливо выдолбленные линии – так же, как рот жевал мидии. Рядом темнела впадина, из которой и выпала книга.

Впадина тоже имела свой рисунок: перевернутое дерево, растущее вниз от старого скола, где ветер и дождь источили камень. Стволом служил глубокий вертикальный желоб со слоистым краем. Ниже он разделялся натрое, дальше шли сучья, а потом ветви, похожие на ходы книжного червя. Ствол, сучья и ветви были одинаково черные. Вокруг них вскипал яблоневый цвет серебряных и серых пятен. Цвет тускнел под каплями дождя, которые оставались лежать на ветках, как безвкусные плоды.

Рот снова зашевелился.

– Молния!

Темный центр в ужасе сжался – он так и знал. Знание наводило такой страх, что он сам заставил рот выговорить:

– Черная молния.

Оставалась еще одна роль, которую он мог сыграть: роль умалишенного, Бедного Тома, укрытого от знания о черной молнии.

В панике он схватился за старуху, кивавшую серебряной головой.

– Помоги мне, милая. Мне так нужна твоя помощь.

Рот подхватил:

– Если ты его не остановишь, милая, он расколет эту проклятую скалу, и нам придется плавать.

В чем плавать?

Рот торопливо продолжил:

– У Панорамного утеса лежал камень, а теперь сдвинулся, вода его сдвинула. Я никого бы не стал просить, кроме тебя, потому что камень лежит хорошо и будет лежать всегда, если только его не трогать. В конце

концов, милая, он тебе муж.

С постели босиком на ковер. Через темную комнату, и не потому, что хочется, а потому, что надо. В дверь, на площадку, где огромные напольные часы. Ощущение опасности за спиной. За угол к лестнице. Вниз, вниз – топ-топ-топ. Как разросся холл! В каждом углу притаилась тьма. Перила высокие, я едва достаю до них. Съехать бы, но сейчас не до того. Перила другие, все другое, картинка другая – надо спуститься, встретить то, к чему повернулся спиной.

Тик-так, тени навалились сверху. Мимо кухонной двери. Отодвинуть засов. Подвал. Колодец тьмы. Вниз, вниз – топ-топ-топ. Из стены выпирают гробы. Под церковный двор, через смертную дверь, на встречу с властелином. Вниз, вниз – топ-топ-топ. Черные груды, запах сырости. Стружки с гробов.

– Если человек видит в море красного омара, он сумасшедший. Птичий помет нерастворим. Безумец и чайку примет за летающего ящера, он свяжет два слова из книжки, а когда спятит, слова вернутся, не важно, через сколько лет. Я прав, милая? Скажи, что я прав!

Серебряное лицо ласково кивало, дождь осыпал брызгами.

Пламя из гробов, угольная пыль, черная, как черная молния. Плаха и топор рядом.

– Тюлени совсем не враждебны, а псих никогда не выспится. Скала ему кажется слишком твердой, слишком реальной. Он вывернет реальность наизнанку, особенно если у него развито воображение. Он способен увидеть в одном рисунке всю природу вещей. Разве я не прав?

А потом в темноте, попытавшись приподнять одну связанную ногу и обнаружив лишь студенистую массу, обнаружив слабость там, где искал такую необходимую силу, остались только крики и попытки спастись... Тьма в углу вдвое темней, что-то мерещится, тьма разверзается, сердце замирает в немыслимом страхе. Картина возникает снова и снова с начала времен: приближение неизведанного, темный центр, повернувшийся спиной к тому, что его создало, боролось и пыталось спастись.

– Ведь я прав? Скажи, что я прав!

У левой руки раздался шум, и Наблюдательный пост обдало брызгами. Он заставил внешнее лицо повернуться к ветру, воздух хлестнул по щекам. Гном был мокрым от морской воды, а не от дождя. Море вокруг скалы Спасения побелело, в воронке слышался приглушенный шум, и оттуда вылетали фонтаны брызг.

– Такую погоду изучали и раньше, но на более низком уровне. Он взобрался, и блюдечки удержали его.

Море наливалось ритмом. Скала Спасения подбрасывала набегавшие волны и швыряла в расщелину под воронкой. Девять раз из десяти волна сталкивалась со своим отражением, что летело обратно, и они вздымали полосу брызг, похожую на шипящий в воде зажженный фитиль. Однако на десятый раз волна проходила свободно, потому что девятая была слишком мала. Десятая вламывалась в щель, сжималась, набирая ускорение, и в трубу вылетал мощный фонтан. Если он был очень мощным, то рассыпался широким веером, словно плюмаж, а ветер сверху ошипывал с него перышки и швырял через Гнома – брызги долетали до самой Хай-стрит.

Следить за волнами – все равно что поедать мидии, но море приковывает внимание еще дольше. Центр сосредоточился, предоставив рот самому себе.

– Ясно, что скоро начнется шторм. Этого следовало ожидать. Но кто может предусмотреть такое сложное поведение воды, выверенное до последней капли в соответствии с законами природы? И конечно же, человеческий мозг просто обязан в какой-то момент сдаться... Вселенная превращается в хаос, но за хаосом все равно остается реальность – и несчастное сумасшедшее существо, прилепившееся к скале посреди моря.

У безумия нет центра здравого смысла, нет ничего похожего на то «я», что сидит сейчас на скале, отодвигая мгновение, которое вот-вот наступит. Последнее повторение ритма – а потом черная молния.

Центр закричал:

– Как я одинок! Господи! Как одинок!

Чернота. Знакомое чувство, тяжесть на сердце, резервуар, который в любой момент может затопить глаза, не знающие слез. Тьма, похожая на зимний вечер, сквозь который шагало когда-то юное тело, подгоняемое центром. Вид из окошка оживляла лишь цепочка уличных фонарей на верхушках столбов. Я одинок, я так одинок! Резервуар переполнился, и вся цепочка огней вдоль дороги от Большого Тома до Карфакса распустила радужные крылья. Центр почувствовал бульканье в горле и послал зрение вперед, в отчаянии цепляясь за следующий фонарь, потом за другой, третий – что угодно, лишь бы отвлечь внимание от внутренней черноты.

Потому что я всем чужой, я остался один.

Центр позволил пройти по аллее, пересечь улицу, квартал, подняться по некрашеным деревянным ступеням. Он сидел у огня, все колокола Оксфорда отпевали переполнившийся резервуар, а в комнате рокотало море.

Центр выжимал из лица недостойный мужчины страх, но вода неуправляемо лилась, стекая со щек.

– Я так одинок! Так одинок!

Вода медленно сохла. Время тянулось, словно на скале посредине моря.

Центр сформулировал мысль.

Надежды больше нет. Нет ничего. Если бы только кто-нибудь взглянул на меня, поговорил со мною... если бы я мог стать частью чего-то...

Время тянулось, равнодушное к словам и мыслям.

Звук шагов по ступенькам, двумя этажами ниже. Центр ждал, не питая никаких надежд, – в какую комнату они зайдут? Но шаги не смолкали: они поднимались и поднимались, становясь громче, почти такими же, как удары сердца, и когда оборвались за дверью, он поднялся, в волнении прижав руки к груди. Дверь приоткрылась, и почти у самого потолка в щель просунулась шапка черных кудрявых волос.

– Натаниэль!

Нат вошел с сияющей улыбкой и остановился, глядя в окно.

– Вот, решил навестить. Я приехал на уик-энд. – И потом, с запозданием: – Можно к тебе?

– Дружище!

Нат стащил пальто и огляделся с таким видом, будто вопрос, куда его пристроить, был самым важным на свете.

– Сюда. Вот, присаживайся... Я... Нат, дружище! Нат снова расплылся в улыбке.

– Рад тебя видеть, Кристофер.

– Посиди у меня. Ты никуда не торопишься?

– Я приехал читать лекцию в...

– Надеюсь, не сегодня?

– Нет. Сегодня я свободен.

Центр уселся напротив, как раз снаружи своего окошка – где-то во внешнем мире.

– Поговорим? Давай поговорим, Нат.

– Ну, как тут у вас?

– А как Лондон?

– Не любит лекций о небесах.

– О небесах?

Тело смеялось все громче и громче, снова полилась вода. Нат ухмылялся и краснел.

– Я знаю, хватит, хватит.

Он утер воду и икнул.

– О каких таких небесах?

– О тех, что мы создаем для себя после смерти, если не готовы принять те, что есть.

– Ты... ну и чудака же ты!

Нахмурившись, Нат поднял указательный палец к потолку и тщательно сверился со справочником.

– Для таких, как мы, небеса – ничто. Чистое отрицание. Безвидны и пусты. Понимаешь? Словно черная молния разрушает все, что зовется жизнью.

Снова смех.

– Нет, не понимаю, да и какая разница, но на твою лекцию я приду. Нат, дорогой, ты не представляешь, как я рад тебя видеть!

Лицо Натаниэля вспыхнуло горящим фитилем, и он исчез. Остался центр, напряженно уставившийся вниз, в воронку. Рот раскрылся от ужаса и изумления.

– А я так его любил!

Чернота, движение на ощупь по гладким стальным ступеням трапа, которые слабо поблескивают в сумрачном свете, отраженном облаками. Центр пытается сопротивляться, словно ребенок, который боится ночного подвала, но ноги сами несут его туда. Выше и выше, от шкафута на полубак, еще выше, мимо орудия. Встречу ли его? Придет ли он сегодня?

Натаниэль, словно нарисованный китайской тушью на пасмурном небе, неуклюже хватался за поручни, вознося свои полуночные молитвы. Привычное «Осторожно, Нат!» застряло в глотке, и он прошел, сделав вид, что не заметил. Общаться как можно меньше, а потом зажечь на мостике фитиль, и его снесет, сбросит с ее тела и расчистит дорогу мне. Закуски съедены, мы приступили к рыбе.

Однако может и не сработать. Что если он не придет на корму молиться своей вечности? Прощай, Нат, я любил тебя, хотя это совсем не в моих правилах. Но что еще может сделать предпоследний уцелевший червячок? Потерять собственную личность?

Натаниэль стоял на темной палубе, раскачиваясь и растопырив руки, покорно смирившись с тем, что его не заметили. Чтобы не попадаться офицерам на глаза, отступил в темноту за верхней ступенькой трапа.

Все решено: время, место, предмет страсти.

– Слава богу, хоть сегодня пришел пораньше. Курс ноль-четыре-пять, скорость двадцать восемь узлов. Ничего не видно, идти еще час.

– Что нового?

– Все как обычно. Мы на тридцать миль севернее конвоя, одни-

одинешеньки, сигнал пошлем через час. Старик как раз встанет. Такие дела. Никаких зигзагов – вперед, малый ход. Кстати, через десять минут взойдет луна, и из нас получится отличная мишень. Не наскочить бы на фрицев. Ну и ночка...

– Сладких тебе снов!

Послышались шаги, кто-то спускался по трапу. Он перешел к правому борту и посмотрел на корму. Там раздавался шум двигателя, темнел силуэт трубы. За кормой тянулся белесый след, еще один шел от борта. Правый борт был едва виден, но палуба черным пятном выделялась на фоне моря, а бомбометы, тралы и задранные вверх орудийные стволы мешали разобрать, пристроилась ли у борта тощая фигура. Ему померещилась тень богомола, поднявшего к лицу передние лапы.

Нет, это не Натаниэль, это Мэри.

Я должен, должен, ну как ты не понимаешь, сучка?

– Вестовой!

– Да, сэр.

– Принесите мне какао.

– Есть, сэр!

– И еще, вестовой... нет, ничего.

Шаги вниз по трапу. Темнота, ветер в лицо. Мерцание по правому борту, словно далекие огни затемненного городка. Луна восходит.

– Впередсмотрящий с левого борта!

– Да, сэр!

– Сбегайте в рубку и принесите другой бинокль. Этот пора чинить. Найдете на полке над столиком штурмана.

– Есть, сэр!

– Я пока сам послежу за вашим сектором.

– Есть, сэр!

Шаги вниз по трапу.

Сейчас.

Главное, правильно сыграть. Просто случайно решил прогуляться по левому борту.

Пауза.

Давай!

Добраться до нактоуза, броситься к переговорной трубке – голос настойчивый, резкий, испуганный...

– Право руля, мать вашу!

Страшный удар – в пьесе этого нет. Облака вспыхнули белым светом, вселенная завертелась. Падение, сокрушительный удар. Рот, залитый

черной водой. Тело мечется во все стороны.

Рот в ярости закричал в белую муть воронки:

– Приказ был правильный, черт побери!

Сожран.

На волны смотреть было трудно, их то и дело закрывала белая пелена. Он заставил окошко отстраниться и перевел его на свое одетое тело. Одежда промокла насквозь, а гетры походили на ветошь. Рот механически повторял что-то.

– И зачем только я скинул сапоги.

Центр притворялся, что не слышит.

У рта своя мудрость.

– Всегда остается сумасшествие – как спасительная щель в скале. Лишившись всякой защиты, человек может спрятаться в сумасшествии, как те твари в панцирях, что шныряют в зарослях, где живут мидии.

Найти что-нибудь и рассматривать.

– Сумасшествие все покрывает, правда, милый?

Не можешь смотреть – действуй.

Он поднялся и заковылял под ветром, дождем и брызгами. Спустился по Хай-стрит туда, где лежал клеенчатый плащ, превращенный в резервуар. Стал черпать зюйдвесткой воду и носить к выбоине. Сосредоточился на законах воды – как она падает, как течет, как предсказуема и управляема. Скала то и дело тряслась, над Наблюдательным постом взлетало белое облачко, и по расщелинам стекали вниз белые пенистые струйки. Опорожнив плащ, он встряхнул его и надел. Сосредоточиться на застежках, забыть о том, что надвигается. На Клавдии ключьями висела пена. Плащ раздулся под ветром и подтолкнул его к желобу, пригвоздил к месту, и в этот момент небеса снова разверзлись. Вода ударила в спину и ливнем хлынула в расщелину, двигаясь кругами и вспухая на дне мутным бурлящим потоком. Вслепую, ощупью, он дошел вдоль Клавдия до расщелины и задом наперед заполз внутрь. Натянул на голову зюйдвестку и уткнулся лицом в ладони. Почерневший мир проникал к нему только в звуках.

– Если бы это слышал безумец, он решил бы, что гремит гром, и был бы, разумеется, прав. Нет смысла это слушать. Гром, только и всего, над тем самым горизонтом, где корабли снуют туда-сюда. Слушай лучше шторм, который решил обрушиться на эту скалу. Решил выбить последние мозги из головы злополучного бедняги. Конечно, никто не хочет сходить с

ума, но придется. Подумать только! Все люди спокойно лежат в теплых постелях, а британский моряк сидит на одинокой скале и сходит с ума, и не потому, что он хочет этого, а потому, что море – это кошмар, худший кошмар, который можно себе представить.

Центр настороженно прислушивался. Теперь он сосредоточился на словах, вылетающих изо рта, потому что плоть и волосы заслонили зрительное окошко, а слова можно было исследовать так же, как и мысли. В них звучала скрытая музыка.

– Помогите! Помогите! Я умираю. Умираю от жажды, от холода и голода. Я как подтопленное бревно, застрявшее в расщелине. Я выполнял свой долг, и вот моя награда. Сам вид мой вызывает сострадание. Я был молод, силен и хорош собой; у меня был орлиный профиль, и волнистые волосы, и блестящий ум, и я пошел сражаться с вашими врагами. Я выжил, я покорил морскую стихию. Я одолел скалу, чаек, омаров, тюленей, бурю. Теперь я исхудал и обессилел, мои суставы как узлы, руки и ноги как палки. Лицо постарело, волосы побелели от морской соли и невзгод. Мои глаза – тусклые камни...

Центр дрогнул и сжался. На фоне шторма, тайной музыки, слов и рыданий, вылетающих изо рта, слышался еще один звук.

– ...моя грудь похожа на остов погибшего корабля, каждый мой вздох – страдание...

Звук был настолько слаб по сравнению с шумом ветра и дождя, что невольно заставлял прислушиваться. Рот тоже это понял и застонал еще усердней.

– Я схожу с ума. Молнии играют на просторах взбесившегося моря. Я снова стану сильным...

Рот запел.

Центр все прислушивался – сквозь пение, сквозь музыку, сквозь рев шторма. Звук долетел снова, и на мгновение центр принял его за гром.

– О-го-го! Молнии Тора бросают мне вызов! Вспышка за вспышкой рвутся залпы белого огня – это небесные стрелы летят в Прометея, белые, белые, ослепительно белые, в человека на голой скале...

Шум был глухой и далекий, как отдаленная канонада. Он смутно напоминал грохот барабана, и рот тотчас подхватил:

– Тра-та-та-та-та! Солдаты идут, мой император взят в плен! Та-та-та!

Наверху, похоже, перетаскивали мебель, и рот в панике затрещал, словно сверчок:

– Ставь сюда. Отверни угол ковра, тогда стол пройдет. Вот, пусть стоит рядом с радиолой. Смени эту пластинку, поставь что-нибудь решительное,

героическое...

Или это мешки с мукой свалились с железного трапа на стальную палубу?

– Право руля! Право руля!

Или это трепещут медные крылья?

Дверь подвала захлопнулась за спиною ребенка, который спускается все ниже и ниже – в свой сон – для встречи с тем, от чего он отвернулся при сотворении.

– Голову долой! Отрубить ему голову – там, на плахе средь пламени и угольной пыли!

Один центр знал. Оpozнал звук с такой точностью, что выкрики рта приносили не больше пользы, чем бессмысленная икота. Раздавался скрежет и стук лопаты по крышке огромной, зарытой в землю жестянки.

– Псих, – сказал рот, – буйный псих. Я все понимаю – омары, черви, твердый камень, сверкающая реальность, законы природы, киноролики, фотоснимки людей и звуков, летающие ящеры, вражда – как тут не сойти с ума? Я скажу тебе, что такое человек. Он ходит на четвереньках, пока Необходимость не вздернет его кверху, превратив в уродливого мутанта. Если хочешь доказательств, поищи следы ее рук на позвоночном столбе, чуть повыше крестца. Человек – это каприз природы, исторгнутый эмбрион, лишенный нормального развития, выброшенный наружу в голой, тонкой, как пергамент, оболочке. Зубы его слишком малы, а мягкий раздутый череп похож на пузырь. Но именно там природа замешивает свое тесто, и в этот твердеющий шар пихает шторма, сверкающие молнии и небесную дрожь. Все твои омары и прочие картинки – это лишь случайные мгновенные пересечения ветвящихся молний. Жизнь желудка и половых органов движется по привычному кругу, но тесто не остается все тем же. Притянутый к земному шару, изрытый горящими бороздами лишений и мук, мечущийся от ужаса, помешанный и одинокий, умирающий на скале посреди моря... Тесто перестояло, и теперь ты буйно помешанный, больше ничего.

Ощущения. Кофе. Пиво. Джин. Дерево. Бархат. Нейлон. Рот. Теплая влажная нагота. Пещеры, просторные, словно расщелина, и сжатые, словно щупальца красного анемона. Обжигающие укусы. Господство. Цельность личности.

– Ты есть пересечение всех потоков. Ты не существуешь отдельно от меня. Если я безумец, то и ты тоже. Ты, болтающий там внутри, и я – мы едины и оба безумны.

Скала тряслась, не переставая. Неожиданный холод ударил в лицо и пролился под ноги.

Следовало ожидать.

– Натаниэль!

Черный центр пытается вымесить себя, словно тесто.

Белизна раздробила тьму. Он барахтался в ощущениях. Везде вода и шум, рот приветствовал то и другое. Рот плевался и кашлял, а сам он пытался подняться в воде, которая доходила до колен, но ветер снова и снова сбивал с ног. Расщелина была похожа на море, на знакомый, упрямо возвращавшийся прилив среди скал. Ее, еще не так давно сухую,

наполовину заполнила бурлящая вода с мелькающими клочьями пены. Ветер ревел, как поезд в тоннеле, повсюду текло, капало и заливало. Он карабкался из расщелины, не слушая, что говорит рот, но вдруг он и рот стали единым целым.

– Проклятый задира!

Он поднял лицо над стеной, и ветер вдавил щеки внутрь. Хлестнул птичий град. Небо над старухой подпрыгнуло, побелело. Мгновение спустя свет погас, и небо обрушилось. Он не выдержал чудовищной тяжести и упал назад в воду. Давление отпустило, он встал на ноги, и небо упало снова. На этот раз дрожащие ноги выдержали и понесли его вдоль канавы, потому что тяжести воды не хватало, чтобы его сломить, а море в канаве доходило лишь до колен. Мир вернулся – серый, как шторм, изодранный взлетающими вымпелами; в него ворвалась музыка бури: грохот тимпанов, рев меди, слепящий звон струн. Он героически рвался вперед, от расщелины к расщелине, сквозь ливень и музыку, одежда болталась и рвалась, словно ветровой колпак, а ногти скребли по камню. Он и его рот кричали вместе сквозь завывания ветра:

– Аякс! Прометей!

Под пристальным взглядом старухи он брел среди черно-белых вспышек. Потом белизна поглотила голову в серебряной маске, и безголовые плечи скорчились на фоне неба. Он упал в белую расщелину, прямо на книгу, носом в рисунок. Нерастворимая мерзость заполнила рот. Внезапно наступила тишина – и тяжесть. Его приподняло, бросило вниз и придавило к скале. На мгновение вода расступилась, и он увидел на фоне неба Наблюдательный пост, уже без старухи, и расколотые камни, изменившие прежние контуры.

– Она на скале. Выбралась из подвала на дневной свет. Сбрось ее!

Нож, прижатый к боку, впивался в ребра. Он достал его и раскрыл лезвие. Согнувшись, стал подкрадываться, где ползком, где вплавь перебираясь от щели к щели. Она стояла, прислонившись к поручням, но вдруг исчезла, и он прокрался вслед за ней в гримерку. Она оказалась на сцене, и он, спрятавшись за кулисами, заметил, что не одет для этой роли. Он и рот были единым целым.

– Переоденься! Стань нагим безумцем на скале посреди бури!

Когти впились в лохмотья и сорвали их. Мелькнули золотые галуны и гетры, медленно уносимые течением, словно горсть мусора. Нога, израненная, покрытая коростой, тощая, как палка, – музыка отпевала ее.

Он вспомнил о старухе и пополз за ней по Хай-стрит к «Красному льву». Возле Трех скал волны суетливо приветствовали его, и место, где он

заметил красного омара, скрылось из виду. Он окликнул, но старуха не появилась. Должно быть, ускользнула в подвал – вон она, бесформенной грудой лежит в щели. Он поплелся следом, упал прямо на нее и принялся полосовать ножом.

– Будешь знать, как за мной охотиться! Зачем прогнала меня из подвала по всем этим машинам, постелям, пивнушкам! Ты за мной, а я – от тебя, за своим личным жетоном, всю жизнь! Истеки кровью и сдохни!

Он и голос были единым целым. Оба знали, что кровь, истекавшая из старухи, – просто морская вода, а изрезанная крошащаяся плоть – всего лишь драный клеенчатый плащ.

Голос превратился в лепет, брань, пение, кашель и плевки, набор бессмысленных звуков. Он старался заполнить каждое мгновение, сдавленный, задыхающийся, но центр начинал ощущать себя отдельно, потому что звука уже не хватало. Рот плевался, исторгая лишь часть смысла.

– Все эти галлюцинации, видения, сны, весь этот бред – они настигнут тебя. А чего еще ждать безумцу? Явятся тебе на каменной скале, на настоящей скале, завладеют твоим вниманием, и ты станешь просто-напросто психом.

В тот же миг возникла галлюцинация. Он понял это раньше, чем увидел, потому что над расщелиной вдруг повис благоговейный ужас, обдаваемый молчаливыми брызгами.

Видение сидело на скале в конце расщелины – он заметил его сквозь мутное окошко. Он увидел расщелину целиком и побрел по воде, мертвенно ровной, когда шквал не стегал ее, разбрасывая пену. Подобравшись ближе, он поднял глаза – от сапог к коленям и дальше к лицу, остановившись на губах.

– Ты проекция моего собственного сознания. Но для меня ты точка внимания. Оставайся.

Губы едва дрогнули.

– Ты проекция моего же сознания.

Он фыркнул.

– Бесконечный круг... вокруг да около. Так может продолжаться до бесконечности.

– Тебе не надоело, Кристофер?

Он видел губы так же ясно, как слышал слова. В правом углу показалась капелька слюны.

– Такого бы я не смог придумать.

Глаз, ближайший к Наблюдательному посту, был налит кровью.

Дальше, за скалой, краснела полоска заката, исчезая из виду. Поток брызг не прекращался. Можно смотреть либо на глаз, либо на закат – но не на оба одновременно. Он увидел нос, блестящий и коричневый, весь в порых. Разглядел на левой щеке каждую щетинку и подумал, что ее надо побрить. Ему никак не удавалось увидеть все лицо. Может, вспомнится позже. Лицо не шевелилось, оно никак не желало показываться целиком.

– Может, хватит?

– Чего?

– Жить. Держаться.

Одежда тоже расплывалась, пришлось изучать каждый предмет по отдельности. Клеенчатый плащ с оборванными пуговицами держится на одном ремне, под ним шерстяной пуловер с высоким горлом. Зюйдвестка сбилась на затылок. Руки лежат на коленях над гетрами. Сапоги – хорошие, блестящие от влаги, крепкие. Рядом с сапогами скала выглядела картонной декорацией, раскрашенным задником. Он наклонился, направив мутное окошко на сапог. Музыка и ветер стихли, осталась лишь черная блестящая резина.

– Об этом я пока не думал.

– Подумай.

– Какой смысл? Я сошел с ума.

– Расщелина тоже расколется.

Он попытался было рассмеяться в налитые кровью глаза, но услышал лишь лающие звуки.

– На шестой день он сотворил Бога. Тебе даны только мои слова. По своему образу и подобию сотворил он Его.

– Подумай.

Глаз сливался с закатом.

– Нет, не могу.

– Во что ты веришь?

Чернота сапог, угольная чернота, чернота подвала.

Вынужденный ответ:

– В нить моей жизни. В выживание!

– Любой ценой.

– Повтори.

– Любой ценой.

– И ты выжил.

– Это везение.

– Это неизбежность.

– Другие тоже хотели жить.

– Смотря насколько.

Он уронил завесу плоти и волос, вычеркнул сапоги. Прорычал:

– У меня есть право выжить любой ценой!

– Где это записано?

– Ничто не записано.

– Подумай.

Скала из картона, заслонившая неподвижные черные ноги, разозлила его.

– Не стану я думать! Я сам тебя создал, создам и небеса!

– Уже создал.

Он глянул вбок на бурлящую воду, потом вниз – на свои костлявые ноги. Ощутил дождь, брызги и ледяной холод, сдавивший плоть. Пробормотал:

– Ну и пусть. Ты сам наделил меня правом выбора и всю жизнь вел меня к этим страданиям – потому что это мой выбор. О, да! Я все понял! Что бы я в жизни ни делал, я в конце концов оказался бы на том же самом мостике в то же самое время и отдал бы тот же самый приказ, правильный или неправильный. Но если бы я выбрался из подвала по поверженным, опустошенным телам, сделал бы из них ступеньки и сбежал от тебя, ты бы все равно мучил меня? Пусть я их поглотил, но кто дал мне рот?

– Твоими словами не ответишь.

Яростный взгляд.

– Я подумал! Я предпочитаю боль и все остальное.

– Чему?

Он пришел в неистовство и замахнулся на черные сапоги.

– Черной молнии! Уходи! Убирайся!

Сдирая кожу на руках, он барахтался на залитой морем скале.

– Несчастный безумный моряк посреди океана...

Он вскарабкался вверх по Хай-стрит.

Ярись, реви, потоп!

Пусть будет ветер, дождь и град, потоки крови,

Шторма и смерчи...

Обежал по кругу Наблюдательный пост, спотыкаясь о камни.

Тайфуны, ураганы...

Свет ложился на море полосами, оттеня горные кряжи и долины. Чудовищные валы прокладывали путь с востока на запад в торжественной

процессии. Под их тяжелой поступью одинокая скала казалась соринкой, но жалкий клочок суши, не боясь утонуть, рвался вперед, ослепительно белыми вспышками выжигая себе дорогу. Скала Спасения, словно нос корабля, врезалась в волны. Густое облако водяной пыли стояло над полубаком, небесные залпы утюжили мостик, отшибая чувства и дыхание. Уцепившись за квадратную плиту, лежащую там, где прежде стояла старуха в серебряной маске, безумный всадник летел навстречу волнам и ветру. Снова заиграла далекая музыка, изо рта полились звуки:

– Быстрее! Быстрее!

Скала неслась вперед. Он пришпоривал ее пятками.

– Гони!

Каждая волна была событием. Качаясь и дрожа в сумрачном штормовом свете, водяные громады стремились вперед, и гребни их таинственно мерцали, отзываясь в мозгу вспышками маяка. Споткнувшись о скалу Спасения, волна вздымалась с яростным ревом, нависая над мелководьем. Скала выглядела крошечной оспинкой в гигантском пенистом водовороте, разевавшем над ней голодную пасть. Величественный гребень длиной в сотню ярдов взлетал и рушился, бросаясь на противника, словно целая армия.

– Быстрее!

Рука нащупала кружок на шнурке и вцепилась в него.

Рот закричал:

– Плевал я на твоё сострадание!

За грохотом волн и неба послышался знакомый звук. Он был тише, чем море, музыка или голос, но центр его заметил, согнал тело с каменной плиты и запихнул в расщелину. Едва оно скрылось среди камней, как на западном горизонте мелькнуло черное щупальце молнии, и центр затолкал поглубже обрывки плоти и волос. Лопата вновь стукнула о жестяную коробку.

– Право руля! Я убью нас обоих. Врежусь в дерево твоей стороной, и от тебя останется мокрое место. Ничего нигде не записано!

Центр был умнее рта и знал, что делать: отправил тело к выбоине с водой, чтобы спрятать среди ила и кружащей пены. Выставив вперед руки, он упал плашмя и корчился на скале, как тюлень. Изо рта текла вода. Добравшись до илистой запруды, руки уперлись в преграду и сдвинули ее. Стук, скрежет, грохот падающих камней и воды. Глазам открылось безбрежное пространство волн и сумеречного штормового света. В грязной канаве, где прежде собиралась пресная вода, неподвижно лежало тело.

– Сумасшедший! Вот и доказательство!

Центр выволок тело из пещеры и послал туда, где прежде был Наблюдательный пост.

Ветви черной молнии раскинулись по всему небу. Грохот сотрясал воздух. Одна из ветвей упала в море, перечеркивая огромные волны, и осталась там. Море перестало двигаться, замерзло, превратилось в раскрашенную бумагу, разорванную черной линией. Там же была нарисована и скала. Раскрашенное море перекосилось, но в черную трещину, открывшуюся посередине, ничего не потекло. Трещина была окончательной, абсолютной, трижды реальной.

Центр не понял, швырнул он тело вниз или опрокинул мир. Скала оказалась прямо напротив лица, и он ударил по ней клешнями омара, проткнув насквозь. Скала повисла между клешнями.

Последняя молния ширилась. Звуков не было, ибо все звуки теперь потеряли смысл. Пропала музыка, и перекошенное рваное море было безмолвно.

Бормотание рта затихло.

Рта больше не было.

Центр еще сопротивлялся. Он позволил молнии вершить свое дело по законам этих небес. Глаз больше не было, но центр видел, что промежутки между ветвями молнии превратились в ничто. Страх и ярость центра выплеснулись наружу, хотя и рта больше не было. Без голоса и слов он выкрикнул в ничто:

– Насрать мне на твои небеса!

Черные отростки и щупальца пронизывали море. Кусок шторма оторвался, как мертвый лист, и зияющий провал соединил небо с морем. Часть горизонта исчезла. Отростки молний тянулись к застывшим в небе и на волнах рептилиям, те меняли очертания, съеживались, пытаясь увернуться, но тоже падали и исчезали. Полоса пустоты протянулась через скалу Спасения.

Центр изо всех сил вцепился в скалу. Скала была тверже скал, ярче и крепче, и клешням было больно сжимать ее.

Море перекосилось еще сильнее и исчезло. Отдельные части пропали незаметно, словно ушли в самих себя, пересохли, рассыпались, стерлись, как ошибка.

Щупальца абсолютной тьмы протянулись к скале, и она оказалась такой же ненастоящей, как нарисованная вода. Она распалась на части, на смятые клочки бумаги, окруженные тем, что было известно центру, как «ничто».

Клешни продолжали сжимать нечто твердое, квадратное, с рисунком,

высеченным на поверхности. Черные линии устремились туда, прошли насквозь и соединились.

Клешни ухватили пустоту.

Не осталось ничего, кроме центра и клешней. Клешни были огромные, сильные, огненно-красные. Они соединились, вцепились друг в друга, обламывая зубцы. Словно дорожный знак, светящийся в ночи, они предупреждали, что дальше начинается абсолютное ничто.

Центр забыл обо всем, кроме клешней и нависшей угрозы. Его внимание сосредоточилось на сломанных зубцах и огненно-красном цвете. Молния подступила ближе. Несколько щупалец нацелились в центр, ожидая удобного момента, а остальные принялись за клешни, сплетаясь над ними, ощупывая и стирая – с состраданием, которому неведомы ни время, ни жалость.

Высокий прилив почти полностью скрывал мол, если так можно назвать длинную насыпь из булыжников. Дрифтер подошел к берегу и заглушил мотор, но западный ветер какое-то время подгонял судно вперед. С берега, на фоне полыхающего зимнего заката, суденышко казалось черной тенью, чьи краски поглотили низкие тучи, висевшие над самым горизонтом. Море отливало свинцом, а за дрифтером к ослепительному горизонту тянулся черно-розовый след.

Человек на берегу не тронулся с места. Сапоги его увязали в сухом песке. За спиной виднелся дом и низкие очертания острова.

На корме дрифтера звякнул телеграф, судно резко застопорило ход, выбросив из-под винтов светлые фонтаны воды. Кранец чиркнул по камню. На мол спрыгнули двое и огляделись в поисках отсутствующей швартовой тумбы. Из машинного отделения кто-то махнул рукой. Матросы подобрали канаты и закрутили вокруг камней.

На мол шагнул офицер, быстро прошел к берегу и спрыгнул на песок. Ветер трепал документы в его руке, бумаги шелестели, как пыльные листья в конце лета, но это были единственные листья на острове. Только песок, домик и скалы посреди бесконечного моря. Офицер, тяжело ступая, прошел по песку и остановился в двух шагах от встречавшего.

– Мистер Кэмпбелл?

– Так точно. Вы с Большой земли по поводу?..

– Совершенно верно.

Кэмпбелл приподнял матерчатую кепку и снова надел.

– Вы не слишком-то торопились.

Офицер серьезно взглянул на него.

– Кстати, я – Дэвидсон. Не слишком торопился? Между прочим, мистер Кэмпбелл, я занимаюсь этой работой семь дней в неделю.

Сапоги мистера Кэмпбелла шевельнулись. Он взгляделся в серое осунувшееся лицо.

Из рта гостя исходил сладковатый запах, а немигающие глаза блестели чуточку неестественно.

Кэмпбелл снял кепку и снова надел.

– Подумать только.

Губы Дэвидсона слегка искривились в невеселой ухмылке.

– Это, знаете ли, большая война.

Кэмпбелл мрачно кивнул.

– Простите мне мои слова. Вы собираете горький урожай. Не понимаю, как вы выдерживаете.

Улыбка исчезла.

– Ничего не поделаешь.

Слегка наклонив голову, Кэмпбелл снова взгляделся в лицо офицера.

– Да. Прошу прощения, сэр. Пойдемте, я покажу, где его нашли.

Он повернулся и пошел, увязая в песке. Остановился и показал на конец галечной косы.

– Вон там. Он так и висел на поясе. Вы сами увидите. Рядом болтались разбитый ящик из-под апельсинов и жестянка. Да еще водоросли – северо-западный ветер всегда их прибывает, а с ними еще что-нибудь.

Дэвидсон искоса взглянул на него.

– Я понимаю, для вас это важно, но мне нужен только личный жетон. Вы сняли его с тела?

– Нет-нет, я ничего не касался... насколько мог.

– Такой коричневый диск размером с пенс, скорее всего на шее.

– Нет, я ничего не трогал.

На лице Дэвидсона снова появилась ухмылка.

– Что ж, тогда можно надеяться.

Кэмпбелл нервно потер руки и откашлялся.

– Вы сегодня тело увезете?

Теперь уже Дэвидсон взгляделся в лицо собеседника.

– Кошмары?

Кэмпбелл отвернулся к горизонту.

– Жена... – пробормотал он.

Он покосился на широко распахнутые глаза, видевшие больше, чем в силах вынести человек. Смущенно опустив голову, неожиданно признался:

– Да.

Дэвидсон понимающе покивал.

На берегу возле дома стояли двое матросов с носилками наготове.

Кэмпбелл вздохнул.

– В пристройке за домом, сэр. Надеюсь, вас там ничто не оскорбит. Мы воспользовались парафином.

– Благодарю вас.

Дэвидсон тяжело двинулся по песку, за ним Кэмпбелл. Внезапно Дэвидсон остановился.

– Так...

Он сунул руку в нагрудный карман кителя и вытащил плоскую

бутылку. С мрачной ухмылкой глянул на Кэмпбелла, отвернул крышку и приложился к горлышку. Матросы молча наблюдали.

– Ну что ж...

Достав из кармана брюк фонарик, он подошел к пристройке, нырнул в разбитую дверь и исчез.

Матросы стояли и ждали. Кэмпбелл разглядывал полуразрушенное строение, будто видел его впервые в жизни. Замшелые камни и лишайник на проваленной крыше казались частью совершенного языка, который человеку дано понимать лишь в исключительных обстоятельствах.

Изнутри не доносилось ни звука.

Разговоров не доносилось даже с дрефтера. Единственные звуки издавали волны, накатывавшие на узкую полосу пляжа.

Ш-ш... Ш-ш...

Солнце, опускавшееся в свою пурпурно-серую постель, превратилось в полукруг.

Вновь появился Дэвидсон. В его руке был небольшой коричневый кружок, висевший на шнурке. Другая рука тянулась к нагрудному карману. Он кивнул матросам.

– Давайте.

Кэмпбелл молча смотрел, как он разглядывает кружок и аккуратно записывает что-то в чистый бланк. Наконец Дэвидсон отложил кружок в сторону, присел и обтер руки сухим песком. Кэмпбелл беспомощно развел руками.

– Не понимаю, сэр. Я старше вас, но...

Офицер поднялся на ноги и достал бутылку.

– А у вас тут нет ясновидящих?

Кэмпбелл бросил на пристройку испуганный взгляд.

– Не шутите так, сэр. Это недостойно вас.

Дэвидсон оторвался от горлышка и взглянул на него в упор. Кэмпбелл рассматривал его лицо дюйм за дюймом, как только что пристройку. Затем отвел взгляд и снова взглянул на горизонт, где исчезало солнце – казалось, навсегда.

Матросы вышли из двери. На носилках лежало тело.

– Ладно, парни. Тоже получите по глотку. Несите.

Бережно ступая по песку, они двинулись к морю.

Дэвидсон повернулся к Кэмпбеллу.

– От имени этого несчастного моряка благодарю вас, мистер Кэмпбелл.

Кэмпбелл с трудом оторвал взгляд от носилок.

– Коварная штука этот спасательный пояс. Обнадеживает, когда ни о какой надежде уже и речи нет. Жестоко. Вам не за что меня благодарить, мистер Дэвидсон.

Они вновь встретились глазами. Дэвидсон кивнул.

– Возможно. И все-таки я вас благодарю.

– Не стоит.

Матросы поднимали носилки на невысокий мол.

– Значит, вам приходится делать это каждый день...

– Да, каждый день.

– Мистер Дэвидсон... – Кэмпбелл замолчал, глядя в сторону. – Мы с вами встретились тут случайно, совершенно неожиданно, и вряд ли наша встреча повторится. Поэтому я хотел бы задать вам один вопрос, хотя ответ может оказаться неприятным.

Офицер хмуро сдвинул фуражку на затылок.

Кэмпбелл взглянул на пристройку.

– Грязь, разруха... Стропила сгнили, крыша завалилась. Все возвращается в землю. Не верится, что раньше там кто-то обитал.

На хмуром лице появилось озадаченное выражение.

– Боюсь, я не совсем понимаю вас.

– А эти бедолаги...

– В смысле, те, кого я...

– Жатва, горькая жатва. Я не буду говорить о своих, так сказать, духовных воззрениях, но прожив несколько дней рядом с останками этого несчастного... Как вы думаете, мистер Дэвидсон, что-то остается, выживает?.. Или это конец? Вот как пристройка...

– Если вы хотите спросить о Мартине, страдал он или нет...

Они помолчали. Солнце тонуло в море, словно горящий корабль, не оставляя за собой ничего, кроме похожих на дым облаков.

– Да-да, – со вздохом кивнул Кэмпбелл. – Именно об этом я и хотел спросить.

– Не беспокойтесь, вы же видели тело. У него не было времени даже скинуть сапоги.

Примечания

Имеется в виду остров Рокол (Rockall) примерно в 200 милях к западу от Гебридских островов, прозванный Fuckall, от англ. жарг. «fuck all» «совсем ничего». – *Примеч. пер.*